

Цена 80 к

РОМАН ПЕТРОЗАШВИЛИ

УСТЕН
АНА
КОПИИ

РОМАН ПЕТРОЗАШВИЛИ

**УСТЕН
АНА-
КОПИ**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛАШАРА»
СУХУМИ — 1988**

Историческая повесть «У стен Анакопии» уводит читателя в первую половину VIII века, когда Абхазия называлась Абазгией, а ее столицей была Анакопия, находившаяся на месте нынешнего курорта Новый Афон. В ней получила художественное воплощение одна из ярчайших страниц раннефеодальной Абхазии — это разгром мощного арабского войска Мервана ибн-Мухаммеда (Мурвана Кру) объединенными силами абазгов и картлийцев под стенами Анакопии.

В повести прослеживаются истоки дружбы грузинского и абхазского народов, корни которой уходят в глубь веков.

ЛЕОН

Один завет тебе даю вперед: таж
правь страной, чтоб счастлив был
народ...

Алишер Навоӣ

1

Ранней весной 731 года от рождества Христова вдоль берегов Абазгии шел ромейский корабль. Шел он неподалеку от берега — не далее двух полетов стрелы. Беспечен кормчий, или он впервые у этих берегов и не знает, какую они таят опасность?.. На корабле никого не видно: должно быть спят после многодневной борьбы с бурей, какие нередки в эту пору на Понте Эвксинском*; одна мачта сломана, на другой — полощется весь изодраный единственный парус с изображением покровителя мореходов Николая Угодника. Корабль едва движется, хотя ветер и попутный. Но скоро конец далекому и трудному пути. Еще один мыс миновать — он уже виден в утренней дымке, низкий и плоский, — и за ним откроется Цхум. Слева по борту, позади, осталась столица Абазгии — Анакопия**. С корабля видна высоко вознесенная цитадель ее, словно орлиное гнездо на вершине скалистой горы. Кормчий не рискнул бросить якорь у Анакопии. Кто знает, что у нового правителя Абазгии на уме? Хотя и к вечеру, а все ж лучше добраться до Цхума. Там неподалеку, в Келасури, за крепостными стенами, ромейский гарнизон.

С берега за кораблем наблюдают десятки людей, скрытых густыми зарослями. Они одеты в короткие мохнатые бурки и островерхие шапки; под грубым верхним одеянием у некоторых видны льняные рубахи. Люди вооружены луками со стрелами, узкими серповидными топорами, насаженными на длинные крепкие ясеневые черенки. Такими топорами-секирами и срубить, и

П 3703060100 067-83
МБ23 (06)-83

© Издательство «Алашара», 1983 г.

стащить всадника с коня сподручно; почти у каждого короткий узкий меч. Люди с нетерпением поглядывают то на корабль, то на своего старшего. Но никто звука не проронит. Дадын знает, что делать — не впервые он водит молодых воинов на такие дела. Хотя у старшего есть христианское имя, данное ему при крещении — Симеон, все предпочитают называть его по-своему, древним именем Дадын, что означает гром. Он уже стар и сед, но крепко его сухое тело, зорки глаза под густыми нависшими бровями, мудр совет. Дадына слушаются беспрекословно.

— Заходить с моря! Камары* ставьте к кораблю бок, чтоб лучникам стрелять помехи не было, — распорядился старик. — На корабль — все разом, как знак подам. Ромеев в плен не брать. Наш правитель — вассал ромейского царя. Не будем ссорить их: они и так не в ладу. Возьмем только товары у купца. А теперь идите к камарам, ждите крика ворона. Ахра, я пойду в твоей камаре.

У воина сверкнули глаза — ему польстило внимание Дадына. Едва слышно зашелестели кусты, и люди словно сгнули в них. Потрясенная ящерица снова выползла из щели на обогретый солнцем камень.

Корабль медленно приближался. Все еще крутые волны устало били в его смоленые борты, на нем по-прежнему никого не было видно. Только рулевой всем телом налегал на кормовое весло, но и он, наверное, дремал, потому что не сразу увидел, как после вороньего карканья из прибрежного леса выбежали люди, неся на плечах перевернутые вверх днищем узкие камары и спустили их на воду. Выжженные и выдолбленные из цельных стволов огромных чинар камары вмещали по 20 — 30 воинов. На своих камарах абазги отбавивались выходить далеко в море за добычей: охотились за ромейскими торговыми кораблями, ходившими в колонии вдоль северных берегов Понта Эвксинского.

Камары быстро мчались к кораблю. Рулевой заметил их, когда они были уже рядом. Он поднял крик:

— Камариты!**

Абазгская стрела впиалась рулевому в бок, и он упал. На корабле всполошились. Люди хватались за мечи, прикрывались щитами, кое-кто пытался отбиваться, но стрелы, посылаемые неверной рукой, не находили цели,

в то время как стрелы абазгов летели на корабль с трех сторон и то одна, то другая отыскивали жертву. Кормчий метался по кораблю, хлестал бичом направо и налево по спинам прикованных гребцов, но те никак не могли взять ритм гребли, а может быть, и не хотели — им терять нечего: смерть у весла или смерть от стрелы абазга — путь на небо один. А может быть, они надеялись, что камариты дадут им свободу. Весла беспорядочно шлепали по воде. С корабля кричали:

— Во имя Христа Спасителя, не убивайте нас!

Абазги не отвечали. Их камары ринулись на корабль, как ловчие соколы на дикого гуся. Крючья вцепились острыми концами в борты, на корабль полезли мохнатые люди — не люди, а исчадие ада. Ромей сбросили оружие и на коленях запросили пощады. Абазги не убивали безоружных — такой поступок, по их понятиям, недостойн воина, но с натянутыми луками зорко следили за ромеями, пока другие выволакивали товары. Отбирали и перегружали на камары оружие, железо, соль; не гнушались и парчой, шелками, амфорами с оливковым маслом и благовониями. Ромей-кормчий угадал в Дадыне предводителя камаритов.

— Как ты смеешь нас грабить? Архонт* Леон — вассал базилевса.** Кровью заплатите за разбой!

— Леон абазгский за нас не в ответе, — гордо сказал старик по-ромейски. — Мы сами по себе.

— Бога не боишься! Крест на тебе и на мне один!

— Ромейская вера лукава, нам непонятна, — угрюмо отвечал Дадын.

— Это имущество базилевса, — пытался припугнуть ромей.

— Базилевс не обеднеет от потери такой малости.

Увидев в руках Ахры мешочек с золотыми статерами, кормчий взъярился. Хитрый ромей при виде камаритов сразу же решил воспользоваться их нападением и присвоить золото, которое ему поручили передать начальнику Келасурской крепости для выплаты солдатам жалованья. Можно было сказать, что его отняли камариты — сопровождавшие корабль воины видели. Золота хватило бы на покрытие убытков, причиненных камаритами, да еще и осталось бы — мешочек-то увесист. Кормчий хорошо спрятал золото, но проклятый камарит нашел его, и планы ромея, не успев возникнуть, рухну-

ли. Он, как одержимый, кинулся отнимать мешочек, но Ахра отпихнул его ногой так, что ромей опрокинулся на спину.

— Замолчи! — Дадын сверкнул глазами и поднял меч. — Твоя жизнь висит на кончике моего меча.

Кормчий злобно закрипел зубами.

— Варвар, ты взял то, чему не знаешь цены. Головой ответишь за это, — хрипел он, задыхаясь от ярости.

Дадын встретился со взглядом знакомого купца-апсила, находившегося на корабле, и отвернулся. Однако успел увидеть, как тот незаметно показал ему три пальца. Гребцы, вначале испуганно жавшиеся друг к другу, осмелели, стали рваться, но ромейские цепи быки крепки. Один из них произнес по-абазгски:

— Братья, освободите меня!

Дадын, собиравшийся было вернуться на камару, обернулся. Изможденный гребец тянул к нему длинные костлявые руки.

— Я абазг!

— Отпустите его, — приказал Дадын.

Остальные рабы заволновались.

— Свободы!

— Даруй нам свободу, воин!

Но старый камарит больше ни на кого не обращал внимания. Освобожденный абазг сказал:

— Этим людям осталось только умереть — цепи уже съели их тела и души. Но вот этот, — он показал на сидящего рядом с ним громадного роста со светло-рыжей бородой и голубыми глазами гребца, — мой побратим. Без него не нужна мне свобода.

Молодые воины-абазги по знаку Дадына вместе с гигантом вырвали из корабельной доски цепь. Поддерживая ослабевшего товарища, рыжебородый, звеня цепями, вместе с ним пересел в камару.

Богатую добычу взяли камариты, а потеряли лишь одного человека, да рассечена щека у Ахры. Кровь запеклась на лице воина, но он даже не поморщился; будет теперь у Ахры завидный знак воинской доблести.

Камары мчались к берегу, сопровождаемые богохульственными проклятиями кормчего и воплями разочарованных гребцов. Рыжебородый гигант жадно смотрел на приближавшийся берег: «Что ждет его здесь?» Дадын молча присматривался к нему. «Зачем нам люди»

«чужого племени? — думал он. — От них не жди добра». Старик не зря беспокоился: много бед принесли ино-племенники на его древнюю землю. А чем этот лучше? Отпусти его — он потом вернется сюда со своими соплеменниками за добычей. Дадын посмотрел на освобожденного абазга и подумал: «Дерзок и хитер, но очень слаб. Как он попал на корабль?»

Нападение абазгских камаритов на ромейский корабль не осталось незамеченным. Его видел брат правителя Абазгии Федор, охотившийся в это время неподалеку от устья реки Гумисты. Он тут же помчался вскачь в Анаколию.

В просторной хижине, сплетенной из прутьев рододендрона, работали мастера лучного дела. Абазги знали секрет устройства клееных рыбьим клеем луков с роговыми или костяными рожками, но предпочитали простые из цельного куска дерева. Делать их легче, а в бою не уступают сложным. В рост человека луки из выдержанного тиса в руках лучников — сильное оружие. Далеко мечут они длинные трехперые черешневые стрелы с железными наконечниками наподобие листа ивы. Абазгские лучники со времени Юстиннана I славились в войсках ромейской империи.

Леон осмотрел несколько почти готовых луков, отшлифованных пучками высушенного полевого хвоща, и остался доволен. Попробовал на изгиб черенки стрел — не треснут ли? Нет, хороши. Справился: есть ли запас сухого дерева? Старый умелец сказал, что сухого тиса достаточно, но пора класть новые заготовки.

— Будут, — коротко ответил Леон и отправился в кузницу; она была предметом его особых забот.

В тесной кузнице, сложенной из известняковых плит, прокопченной и темной, с единственным узким дверным проемом и дырой в потолке для выхода дыма из горна, не развернуться Леону. Правитель хотя и не весьма велик ростом, да широк в плечах и плотен без излишности. Он завидно молод и деятелен. Одет по-домашнему: синие сапоги из мягкой заморской кожи, серые шерстяные штаны, рубаха без ворота, поверх нее

выбился нателный золотой крестик на тонкой, золотой цепочке; торс ладно охватывает безрукавка из жесткой бычины; на голове — островерхая кунья шапка-колпак. Взгляд горячих глаз быстр, а когда остановится на ком-нибудь, будто жжет, до самой души добирается: от такого правды не утаишь. Короткая, чуть подкрашенная под цвет спелого каштана борода курчавится; рот великоват, но тонкие губы выдают властность; нос ястребиный. Красив и статен правитель, сразу видно — воин.

Леон выбрал меч и, выйдя наружу, с силой взмахнул: вжик! — жарко сверкнула отточенная сталь.

— Не легок ли?

— По себе судишь, господин наш, — без тени лести сказал старший кузнец Камуг, чумазый и хромой, в кожаном переднике с прожженными дырками.

Молодые кузнецы почтительно стояли поодаль. Они знают: владетель любит мечи, в мечевом бою он видит настоящую воинскую доблесть. Он строго спрашивает за оружие, а за мечи — особенно. Угодили ли?

— Ромейские мечи тяжелее и шире к концу. Сила удара в них больше.

— Верно. Ромейские воины сильны в пешем сомкнутом строю, а наши воины легки, проворны. Им быстрота нужна, поворотливость. У агарян* клинки легче наших, а бьются они ими крепко. Немало я их отковал, как был у них в плену.

Упоминание об агарянах заставило Леона нахмуриться, но он сказал благожелательно:

— Вижу, бывалый воин.

— На том порублен весь. Теперь не воин я. Учу тому, чему сам у агарян научился: мечи делать.

— Крепки ли?

— Попробуй.

Камуг, сильно припадая на правую ногу, вошел в кузницу и вынес из нее полоску железа. Он вбил ее в пень и отошел.

— Руби.

Леон отступил на шаг, примерился и рубанул наискось со всего маха.

Федор увидел издали, как отлетела, звякнув, половина железной полоски. Он почувствовал острую зависть к брату. «Всадника надвое развалит. Удалец — не то, что я», — прыгивая с коня подумал он. Федор еще по-

ношошески тонок и гибок. Нет в нем зависти к брату, просто хочет походить на него, но и побаивается — старший ведь, правитель.

— Пусть Шашвы* поможет вам побольше отковать таких мечей. Учитесь мастерству мечевого дела, — сказал Леон молодым кузнецам. — А ты, — он повернулся к Камугу, — был воином, воином остался.

Похвала владетеля пришлась по сердцу кузнецам — заулыбались. Увидев спешащего к нему брата, Леон понял по его озабоченному лицу, что тот с важной вестью, и пошел ему навстречу.

— Что?

— Видел я с берега: камариты ромейский корабль захватили.

— Тс-с, — предостерегающе прошипел Леон. — Отойдем подалее, там скажешь.

Они отошли и сели на обломок скалы, возле которой торчал кол с насаженными на него рогами козла — подношением кузнецов своему богу — Шашвы.

— Говори, что видел.

— Три абазгские камары напали на ромейский корабль. Далеко было, только и видел — добычу взяли, корабль бросили. Дадыновы люди, должно быть.

— Кто-нибудь, кроме тебе, видел?

— Я один был. Но, может быть...

— То не наша забота, — перебил брата Леон.

— Как же, мы вассалы императора...

— Вассалы! — в глазах Леона вспыхнул злой огонек, ладони сжались в тугие кулаки. Он крепко стукнул себя по колену. — Вассалы!.. Император Лев** немало абазгской крови выпил... Не мешает из императорского павлиньего хвоста перьев повыдергать малость.

Федор с опаской оглянулся: не слышал ли кто? Боязно слушать такое об императоре.

— Наскок камаритов на ромейский корабль — это комариный укус для базилевса, — сказал он.

— То-то, что комариный. Отложился бы я от него, пока он всю кровь из Абазгии не выпил, да нельзя, не время. Агаряне с восхода грозят. Того и гляди на нас пойдут. Я у правителя Картли Миряна еще не был, как мне отец наказал. Воспрепятствует он моим намерениям. Скажет, что не пришло еще время нам от империи отложиться. Хоть терпеть нет силы, а надо нам

ромеев держаться. Все ж христиане... А что в море видел, — забудь. Ничего ты не видел и мне ничего не говорил, — Леон в упор взглянул на брата — точно прожег.

— Понимаю. А что если придут к тебе ромейские купцы с жалобой?

— Когда придут, тогда решим, как быть, а пока... мы ничего не знаем, — повторил Леон. — Пойду лошадей смотреть. Если спросят меня, ответь: уехал, не сказал куда. Вечером будет.

Леон подозревал молодого абазга с лошадыми. Оба ускакали наметом, но не в ту сторону, где пасся табун правителя, а в лес. Знал Федор, куда поехал брат, и еще раз позавидовал ему.

3

В Анакопии многие абазги живут в каменных домах, на ромейский лад строенных, а в лесах общинами селятся, скрыто и вразброс — как предки их жили. Круглые плетеные жилища простых абазгов прячутся в густом подлеске из лавровишни, падуба и рододендрона. Прощедь рядом — не заметишь, разве что мелькнет островерхая крыша, да и на ту не обратишь внимания — так неприметно сер выцветший и свалывшийся папоротник, которым абазги кроют свои хижины. Присутствие человека выдают лишь небольшие участки возделанной на пале земли, огороженной от лесного зверя кольями. Сеют лен, просо — не более того, что нужно для семьи и случайного гостя. Леон сдержал коня и поехал шагом. Тихо в лесу. Ветер гуляет по вершинам великанов буков и дубов; сквозь молодую, еще не огрубевшую листву на землю ложится мозаика живых солнечных пятен. В лесу еще по-весеннему светло, воздух сырой и вроде с прозеленью; в нем стоит медовый дух цветущего самшита. Усердствует дятел над полусгнившим пнем; сойка поодаль сопровождает конных, перепархивая с ветки на ветку — не птица, а божье наказание для охотника-абазга: не даст подкрасться к зверю, предупредит своим пронзительным криком. Но Леон не обращает на нее внимания — не на охоту едет. Сопровождающий его молодой воин держится позади. Лес

толон затаившейся жизни. Водятся в нем вепри, медведи, олени, злые рыси, волки, а мелкой живности — не счесть. За рекой Апсарой, на лесных прогалинах по взгорью, пасутся могучие оспорогие зубры, а выше, в горах — серны и горные туры — желанная добыча для смелого охотника. В лесу полно диких пчел; их мед душист и целебен: он даже на императорском столе в почете. Богата земля абазгов дичью и ценным лесом — самшитом, тисом; лежит она на скрещении больших дорог: на восход, через Эгриси* и Картли, — в далекие страны — Персию, Индию; на закат, через земли родственных абазгам племен санигов, зихов**, — к хазарам и далее к славянам; летом через горы можно пройти к аланам и хазарам, а морем путь открыт в стольный город ромеев — «Око Вселенной» — Константинополь, а далее, через Пропонтиду, — на просторы Маре нострум***, омывающего земли латинян и черных народов знойной Африки.

Все алчут завладеть благословенной землей абазгов. Первыми еще в стародавние времена пришли морским путем на Кавказское побережье Понта Эвксинского из малоазийского города Милета эллины и основали здесь колонии; доходили сюда персы, арабы, по-волчьи налетали хазары, аланы, а два века назад в эту землю вцепились наследники римлян — ромен. Их императоры во имя бога, отца, сына и святого духа крестом и мечом подчинили себе Абазгию. Леон думал о своем почившем год назад отце Константине с благодарностью. Мудро и осторожно вел он абазгское эриставство через бурное море войн и нашествий. «Он был хорошим кормчим, умело выбирал правильный путь своему кораблю. А я смогу ли?».

Пятнадцать лет прожил Леон заложником в Константинополе и все эти годы не видел отца, а приехав, не узнал его в больном старце. Константин снедал какой-то злой недуг. Не помогли ни ромейские лекари, ни абазгские ведуны целебных трав — больной таял, лицо его истончалось, желтело, временами его мучили сильные боли в правом боку под ребрами. Домочадцы, да и сам больной, чувствовали: конец близок. На второй день после приезда сына Константин приказал оставить его с ним наедине. Когда все вышли, Леон, холодея сердцем, стал перед отцом на колени. Константин положил

сыну на плечо легкую восковую руку в синих прожилках.

— Твоя мать ушла на небо с молитвами о тебе. Слава богу, что у меня достало сил тебя дожидаться. Ты вернулся вовремя, сын мой, — говорил Константин. — Отправил я тебя по требованию императора в Константинополь и вверил богу. Из тебя старались сделать верного слугу империи ромеев, но богом данный покровитель и воспитатель твой Деметрий дал знать мне, что я смело могу оставить на тебя нашу страну и народ.

— Я уехал абазгом-отроком, а вернулся абазгом-воином, — сказал Леон.

На черных, искусанных губах Константина промелькнула слабая улыбка.

— Верю Деметрию и тебе. Но прежде чем предстать перед богом и держать ответ за свои грехи, хочу сказать тебе нечто...

Константин снял с изголовья ового мученического ложа серебряное распятие и властно потребовал:

— Клянись быть верным пастырем народа Абазгии.

— Клянусь спасителем нашим: не пожалею жизни овоей, буду верно служить твоим заветам, — твердо проговорил Леон и поцеловал распятие.

— Мы — вассалы Ромейской империи, — продолжал Константин срывающимся голосом. — Император Лев, хочет он того или нет, даст тебе архонтство. Ему не с руки умножать своих врагов. Он в войне с агарянами увяз, — отец перевел дыхание. — Будет войско требовать для войны с агарянами, обещай, но не спеши исполнить: пусть волки подольше грызут друг друга... Сохрани народ... На Эгриси с мечом не ходи, как дед твой ходил. Будь верен дружбе с картлийскими царями, живи в мире с апсилами — они братья наши. Издревле. Не забывай: твоя мать — благочестивая Мелина — дочь правителя Апсилли Маринэ... И еще... — Константину трудно было говорить. — И еще, — повторил он из последних сил, — если император потребует от тебя крестного целования, клянись на кресте, но делай по-своему. За этот грех твой я перед богом отвечу. Скоро уже...

Спустя некоторое время после смерти отца Леон отправился в горы. Резкая перемена жизни, похороны отца, вступление в права наследования Абазгней, сдержанное отношение к нему глав абазгских родов — да-

далов, за которым угадывалось плохо скрытое недоверие к воспитаннику императора Льва — все это выбило Леона из привычного состояния. Надо было во всем разобраться, подумать без помех о взаимоотношениях с картлийскими правителями Мирианом и Арчиллом, о своих дальнейших шагах. С чего начинать, на кого опираться? «Надо ехать в Цихе-Годжи». — решил он.

Леон предоставил коню свободу и погрузился в думы. Сопровождавшие его абазги ехали поодаль, не смея потревожить своего господина вопросом, куда он их ведет. А завел он их, вернее, его конь, в тесное глухое ущелье. Могучие ольховые деревья заслоняли небо плотной листвой; в лесу сумрачно и сыро, а тропа, по которой они ехали, совсем затерялась в густом подлеске и пыльном папоротнике.

— Дай волю коню — он или домой вернется, или к ацангуару* приведет, — недовольно проворчал старый абазг по имени Дадын.

Конь Леона, почувствовав, что всадник им не управляет, повернул назад, домой; тут Леон увидел своих спутников и очнулся от безрадостных дум.

— Мы едем полдня, пора бы и отдохнуть, — сказал он. — Нет ли поблизости хорошей поляны?

Первожатые посоветовались между собой, потом Дадын сказал:

— Недалеко отсюда живет Хранитель веры предков. Не хочет ли господин наш с ним повидаться?.. Там можно и отдохнуть, — добавил он, выдавая свое желание свести молодого правителя с отшельником.

«Должно быть, тот самый языческий жрец, о котором говорил архиепископ Елифан, — подумал Леон. — Надо посмотреть, чем вреден он православной церкви».

Анакопийцы чтили могилу Симона Кананита — верного сподвижника апостола Андрея Первозванного, первым принесшего в Абазгию слово божье. Оставленный здесь для приобщения язычников-абазгов к святому Евангелию, Симон Кананит одно время жил в пещере неподалеку от Анакопии. Похоронен же он, по преданию, в Никопсии.** С принятием христианства при императоре Августе Юстиниане могила Симона Кананита, как и другие памятные места, связанные с пребыванием в Абазгии святителей первых веков христианства, стала весьма почитаемой абазгами святыней. Однако три

века христианства не убили в них веру в своих языческих богов. Истинные дети дикой и прекрасной природы были пуловинной связаны со своей матерью, жили ее жизнью, питались ее соками. В явлениях одухотворенной ими родной природы абазги находили определенный смысл и могли по-своему объяснить их значение, в то время как христианство требовало от них все слепо принимать на веру, что было свойственно далеко не всем абазгам, отличавшимся простотой нравов и здравым смыслом. Потому-то в их верованиях самым причудливым образом переплетались догматы христианской веры с языческими воззрениями. Архиепископ Анакопийский Елифан осторожно и терпеливо искоренял язычество сколь мог, но не в его силах было вытравить то, что неистребимо жило в самой крови абазгов. Он знал, что в урочище Псырцха есть богопротивное капище и что абазги время от времени собирались там на тайные моления, но не мог им воспрепятствовать. Знал и о том, что в урочище живет некий жрец, имя которого абазги никогда не произносили, а если хотели о нем сказать, то называли его Хранителем веры предков или просто Жака-радзны — серебряная борода. Жрец жил уединенно и просто, довольствовался тем, что давали ему маленькое поле, пчелы, несколько коз и овец, но влияние его на абазгов было весьма велико. Архиепископ не решался на него посягнуть — понимал: тронуть жреца, значит поднять против себя всех абазгов. Впрочем, узнав о том, что в капище есть каменный крест, архиепископ решил, что этот символ истинной христианской веры оградит абазгов от злонамеренного влияния жреца. К нему-то Дадзы и повел Леона, послав вперед молодого воина предупредить отшельника.

Скоро правитель увидел полянку, а на ней плетеную жилину; возле нее стояло десятка два дуплянок с пчелами, а неподалеку паслись козы и овцы. Высокий, худой старик поднялся с пенька ему навстречу.

— Мир твоему жилищу, Жака-радзны! — первым почтительно произнес Леон.

— Да видеть тебе только добро, дад*. Ты осчастливил мое жилище. Отдохни, подкрепишься, здесь все твое, — негромко, но ясно, без старческого дребезжания в голосе приветствовал жрец почетного гостя, при этом окинул его быстрым взглядом глубоко сидящих глаз.

Ничто не говорило Леону о том, что перед ним почитаемый абазгами Хранитель веры предков — никаких идолов, жертвенников и креста здесь не было. «Моления, должно быть, происходят где-то в другом месте», — подумал Леон. Перед ним был просто очень старый, но еще крепкий абазг с длинной серебристо-белой бородой. Однако спутники правителя смотрели на него с таким почтением, что Леону стало ясно: для них старец значит не меньше, чем он, наследник Константина. Молодой абазг полил Леону на руки, подал льянкую холстинку, потом вынес из хижины несколько просяных лепешек, сыр, мед и кувшин холодной родниковой воды. Пока Леон утолял голод, старик не проронил ни слова.

— Живешь один, вдали от людей. Не боишься? — спросил Леон, покончив с едой и поблагодарив хозяина.

— Звери меня не трогают, — кротко ответил старец.

— Люди должны жить вместе, помогать друг другу в беде, разделять радость. Я не вижу смысла в твоей отшельнической жизни.

— А в чем ты видишь смысл своей жизни? — тихо спросил жрец.

Леон никогда не задавал себе подобного вопроса и потому прежде чем ответить, задумался.

— Сохранять единство абазгов в родной колыбели, укреплять Абазгию — вот дело моей жизни, завешанное мне покойным отцом, — наконец проговорил Леон.

— Этому посвятил свою жизнь и я, — сказал жрец.

— Здесь, в глуши и одиночестве? — удивился Леон.

— Я не так одинок, как ты думаешь, — возразил старик. — Люди меня не забывают. Одни приходят ко мне и просят рассудить их споры, другим нужен мой совет... Я учу абазгов жить так, как велит закон гор, учу почитать древних богов...

— Языческих? — улыбнулся Леон.

Старик не обиделся.

— Христианская вера сулит абазгам вечную жизнь там, — жрец показал на небо, — а вера предков помогает им жить на земле. Разве это плохо?.. Абазги должны быть чисты сердцем, чтить обычаи предков. Иначе духи гор накажут их, как наказали за зазнайство ацанов... Тот, кто предаст закон гор, перестает быть абазгом, — твердо проговорил жрец.

«Старик мудр», — уважительно подумал Леон. Ему

понравилось, что жрец не навязывает своего учения, не пророчит и не кликушествует, как некоторые выжившие из ума отшельники.

— Пусть не оскудевает твое поле, полны будут улья, а козы и овцы дают приплод и молоко, — сказал Леон жрецу на прощание.

— Да помогут духи гор успеху твоего дела, апсхал! Леон нахмурился. Жрец назвал его апсхой — царем. Тем самым он возложил на него всю ответственность за судьбу Абазгии, ее народа. Так его еще никто не называл, он не имел права на такое титулование. Абазгия — лишь одно из архонств священной Ромейской империи, а у империи один царь — Божественный император Лев III.

— Ты воздаешь мне неподобающую и незаслуженную честь, — пытался возразить Леон.

— Дело, которое завещал тебе твой отец Константин Абазгский — да возрадуется его душа! — обязывает тебя быть апсхой. Для абазгов ты — апсхал!

Голос старца приобрел требовательную жесткость, раскаленные, как угли, глаза жреца подавляли Леона необъяснимой властью. Не в силах выдержать их взгляда, он низко поклонился старику и вскочил на коня. С той памятной встречи абазгии и стали между собой называть своего правителя апсхой.

4

Леон ехал, погруженный в раздумья. Конь, не ходивший этим путем, сам находил тропу. «Да, я вовремя приехал, — думал Леон. — Ты напрасно старался, император Лев, сделать из меня ручного гепарда. Ловить дичь для тебя я не буду». Леон не заметил, как конь остановился перед перелазом. Молодой воин соскочил с лошади, разобрал перекладины и пропустил правителя во двор, потом принял от него поводья.

Двор был небольшой, окаймленный зарослями шиповника и ежевики. Через него протекал ручей, а за ним, под громадным дубом, пряталась хижина. На пороге ее Леон увидел ту, к которой стремился. Он легко перепрыгнул через ручей и пошел к девушке. Она кину-

лась ему навстречу, хотела преклониться, но Леон подхватил ее на руки.

— Ангелу не следует становиться на колени, даже перед царем земным, — пошутил он.

— Ты апсха, а кто я?

— Ты Амза — самая прекрасная среди абазгских девушек! Нет, среди всех девушек на свете! — Он внес ее в хижину и бережно опустил на широкую скамью, покрытую персидским ковром.

В этой маленькой, затерянной в лесу, простой на вид абазгской хижине было немало дорогих ромейских, персидских и арабских предметов украшения и быта: узкогорлые кувшины, широкие чаши червленого серебра и разноцветной эмали, медная посуда. На стене висели кривая арабская сабля с отделанной серебром рукоятью и небольшой круглый щит с металлическими умбонами по окружности. В углу стояли легкий лук со спущенной тетивой и колчан со стрелами. Появление всех этих вещей в доме Амзы мог бы объяснить ее дед Дадын, но старый камарит не любил говорить об этом. Леон, однако, и сам кое-что дарил Амзе. Вот и сейчас он достал из-за пояса золотую цепочку с крупным прозрачно-золотистым камнем в красивой оправе.

— Этот камень ромей называют электрон. Он из далеких гиперборейских стран. Посмотри, он солнечен и тепел, как летний воздух перед вечером. Внутри его живет маленькая мушка. — Леон надел цепочку с камнем на шею девушке. — Носи.

Человеческий язык беден, чтобы достойно воспеть красоту Амзы, этого чудесного цветка, выросшего в абазгском лесу. Здесь мог бы помочь язык персов, но он слишком цветист и слащав, красота же Амзы строга и вместе с тем нежна. Длинные, до пят, белое платье из тонкого льняного полотна, перехваченное парчовым поясом у высокой талии, обрисовывало ее гибкий стан; смоляные косы подчеркивали его стройность. От нежных поцелуев весеннего солнца лицо девушки чуть золотилось. Глаза у нее большие и темные, как ночь, черные брови — как крылья ласточки, нос тонкий, с легкой горбинкой; от алых губ ее не отведешь глаз — так пленителен их рисунок. Прекрасна Амза без всяких ромейских притираний и румян. Молодые абазги не зря говорят, что дочери бога охоты Ажвейпша, увидев Амзу, ушли

навсегда из этих лесов, огорченные затмившей их красотой девушки. Леон пленился ею с первого взгляда, как только увидел ее однажды, возвращаясь с охоты. С тех пор он часто бывает здесь, будто все дороги ведут только мимо ее хижины. И с каждой встречей он все больше очаровывался красотой девушки. Что с того, что он правитель, а она простого Дадынова рода — любовь всех делает равными: царей и пастушек...

Дадын знал о встречах Леона с его внучкой, но не препятствовал им, имея на этот счет свои планы. Род Дадына хотя и не из знатных, но в большой силе. Леон считается с ним не из-за одной только Амзы. Набегами и грабежом ромейских кораблей Дадын весьма укрепился, распространил свое влияние на многие соседние роды абазгов. Отец Амзы погиб во время одного из ответных набегов абазгов на аланов*, а мать, дочь Дадына, взял в жены славный воин из родственного абазгам племени апсилов — Ятма. Внучку Дадын оставил при себе; она жила со старой знахаркой Шкуакуа в этой хижине неподалеку от деда.

— О чем ты думаешь, мой повелитель? — ластилась к Леону Амза.

— Уже год, как почил мой отец, а император все еще не дал мне архонства.

— Но и не лишил права наследства, — сказала она. — Если бы он не хотел видеть тебя правителем Абазгии, то прислал бы сюда своих воинов. Но их нет.

— У него связаны руки войной с агарянами.

— Эгриси и Абазгия нужны императору как опора в войне с агарянами.

Леон удивился: откуда такие речи? Потом понял: не свое говорит — Дадыновы слова повторяет, но ничего не сказал. Амза же продолжала:

— Правители берут в жены дочерей картлийских эрставов** и ромейских сенаторов.

— Ты будешь моей женой. Уж это-то от императора не зависит, — Леон засмеялся. — Ты дана мне богом, и только он может разлучить нас.

— А если Лев не сделает тебя правителем Абазгии? Леон нахмурился.

— Я принял Абазгию по наследству, бог и люди тому свидетели. Если император пришлет иноплеменника, абазги не признают его. Льву от Эгриси и Абазгии по-

мощь в войне нужна. Ссориться с нами он не станет.

— Лучше, если ты не станешь правителем, — вдруг сказала Амза.

Леон рассмеялся:

— Ты сейчас говоришь, как женщина. Ты забыла, чему тебя учил твой дед.

Девушка не смутилась.

— Мое сердце жаждет тебя, — страстно заговорила она. — Ты родил во мне радость. Я хочу быть матерью твоих детей, хочу быть с тобой всегда, а архонты вечно в походах, с воинами, в битвах... Я не хочу, чтобы ты воевал. Сколько абазгской и апсильской крови пролито? Зачем? Разве мало людям места на земле? — В глазах девушки заблестели слезы. — Мы уйдем с тобой далеко в горы, построим хижину и будем жить счастливо. Ана-на-Гунда* будет покровительствовать нам, Айергь** и Ажвейпш будут милостивы к тебе...

Леон встал. Его тронула и вместе с тем озаботила вспышка чувств девушки.

— Амза, ты прекрасна. Ты могла бы украсить трон любого царя. Но знай: я не поколеблюсь отдать свою и твою жизнь за Абазгию, если по воле всевышнего это потребуется. Я правитель, воин. Плохой я буду пастырь, если отдам свою страну на растерзание ромейским или агарянским волкам. Разве твой ум не постигает этого?

— Прости меня, мой повелитель...

— Не забывай, ты абазгка.

— Да, мой повелитель, я абазгка! — Девушка гордо выпрямилась. — Забудь мою минутную слабость. Ты — воин. Я буду молиться святому Георгию и духам гор, чтобы они покровительствовали тебе. Твоя Амза всюду пойдет за тобой.

Девушка прижалась к Леону и притихла. Только глаза ее светились радостью. Леон неохотно разжал объятия.

— Амза, скажи деду, пусть ночью тайно придет жо мне.

Он вынул из колчана стрелу и переломил ее надвое. Одну половину оставил у себя, другую отдал Амзе.

— Стража не задержит его, если он покажет ей эту половину стрелы.

Но Дадын в эту ночь не пришел. Появился он лишь спустя три ночи, чем немало рассердил правителя. Войдя, покосился на горящую под иконами лампаду, не перекрестился, а словно от комара отмахнулся; шапку, однако, снял. Леон с раздражением подумал: «Эйрих-Аацных** у него в большем почете, чем святые иконы».

— Да видеть тебе только добро, — сказал Дадын.

— Добро пожаловать, — ответил Леон традиционно. Однако не выдержал: — Ты заставил себя ждать.

— Умерь гнев в своем сердце, — спокойно ответил Дадын.

— Садись к огню, — велел Леон.

— Дадын с достоинством поклонился и сел, предварительно сбросив мокрую от дождя бурку; под ней оказалась синяя шелковая рубаша, поверх которой был надет легкий кожаный панцирь. У пояса висел длинный узкий меч. Дадын отстегнул его и бросил на бурку. Старик высок, костист, жилист. Сколько ему лет, не угадаешь: шестьдесят или все восемьдесят? Не человек — корень тисовый. Дадын швырнул в очаг половину стрелы.

— Не понадобилась, — с усмешкой сказал он.

Леон нахмурился.

— Как прошел? Спит стража?

— Стража твоя бодрствует, но лучше, если она меня не увидит. Рабы продажны...

— Не рабы они — воины, и верны мне.

— Верю, но осторожность не лишняя. Ромеям донесут: архонт с камаритом тайную встречу имел. Нехорошо будет. Твой дом хотя из камня, как у ромеев, но для меня не преграда. Я колдун, — Дадын ослабил.

— Я не дитя! Говори, как прошел? Не дело, если в дом правителя каждый может пройти.

— Не каждый... Есть в доме тайный ход под землей. Мне его твой отец показал.

— Кто о нем еще знает?

— Только я и брат твой.

— Федор знал и молчал? — Леон почувствовал, как к его лицу прилила кровь. — Не доверяли мне?

— Воля покойного отца вашего была такова; показать тебе ход только через год.

— Покажешь сейчас, — категорически заявил Леон. Некоторое время Дадын молча смотрел в огонь, протянув к нему длинные руки с цепкими пальцами. Леон не торопил его. Он поставил перед Дадыном кувшинчик вина, принес две серебряные чаши, сыр, холодное мясо, маслины и несколько пшеничных лепешек. Потом налил себе и Дадыну вина.

— Да не оскудеет твой дом! — сказал Дадын.

— Пусть удача не обходит тебя! — ответил Леон, поднимая чашу.

Выпили.

— На тебя ромей опять жаловались, — сказал Леон, не отрывая глаз от огня. — Ограбил ты их. — Леон помолчал. Дадын ждал. — Я ответил им: «Не знаю тех камаритов, не наши люди, у апсилов ищите».

— Поверили?

— По глазам видел — нет. Пора кончать разбой. По острию меча ходишь. Поймают — несдобровать тебе, да и мне из-за тебя не ждать добра от императора.

Дадын пошевелил обгорелым концом стрелы угли в очаге.

— Что молчишь?

— Наш человек из Палатия весть подал: император дочь хазарского кагана за сына своего Константина сватает, — проговорил Дадын.

— Что нам до этого?

— Исавр хитер, да мы тоже умом не обижены. Думать надо, какую выгоду для Абазгии из этого извлечь.

— Не выгоду — беду вижу, — сказал Леон. — Император через хазарского кагана на нас давить станет, помощь в войне с агарянами требовать будет. Мы и так, как просяное зерно между жерновами: ввяжись в войну, раздавят, сотрут. Посылать же своих воинов далеко нельзя. Думаю, здесь нужны будут.

— Это так, — согласился Дадын. — Но у кагана от его двадцати пяти жен, наверное, не одна дочь...

Леон понял, куда клонит старик.

— Не быть этому, — непримиримо сказал он. — Моя нареченная — Амза.

Дадын по-отечески ласково посмотрел на Леона. Улыбнулся прямоте его, хотя против обычая она.

— Не таю, отрадно мне слышать это.

— Возвыситься хочешь родством с правителем?

— То было бы славно, — откровенно признался Дадын. — Но не о себе мыслю — мой век прожит, — об Абазгии, и не о тебе речь веду. Жени Федора на одной из кагановых дочерей. Породнишься с каганом, не тронет он Абазгию и ромеям не даст в обиду. Зачем ему детей своих и внуков ссорить?

Леон круто повернулся к Дадыну.

— Далеко замыслил... Брат молод еще, да и кагановы дочери некрещеные.

— Императору Льву то не помеха, что некрещеные. Окрестить не велика забота — нам попов тоже не занимать. А что молод Федор — так созреет.

— Подумаю об этом.

Мысль Дадына ему понравилась, и он внутренне сразу согласился с ним.

— Кто весть прислал?

— Писец из Палатия* абазг Деметрий.

— Жив мой наставник, — тепло сказал Леон. — Большого ума человек, Абазгию не забывает. Он еще моему отцу помогал.

— И я его должник, — сказал Дадын. — Он меня из неволи выкупил.

— Знаю. Кто весть привез?

— На том ромейском корабле, что мы взяли, один апсил из Константинополя возвращался в Цхум. По торговым делам ходил. На корабле я с ним не мог говорить. Он только сегодня ко мне пришел и весть принес. Потому я задержался.

— Верный человек?

— Зятя моего Ятмы родной брат. Императора Льва ненавидит, — ответил Дадын.

— Всем абазгам, апсилам и картлийцам император Лев — как кость в горле.

Дадын встал, порылся в своей бурке, вытащил из нее кожаный мешочек, пошлепал его снизу. Раздался мелодичный звон.

— Возьми. Не тебе — Абазгии даю. К войне готовиться надо. — Он бросил на столик звонкий мешочек. — Купи оружие.

— Откуда золото?

Дадын усмехнулся.

— У ромеев отнял.

В глазах Леона появилась лукавая смешинка.

— На ромейское золото у ромеев же мечи купим! — Потом посерьезнел: — С кем восвать?

— С агарянами, должно быть, придется. Нас не мигают они. Знаю их повадки.

— И я так мыслю, — согласился Леон. — Спасибо, Дадын. Если бы все абазгские роды так помогали, большое войско мог бы я собрать.

Некоторое время оба молча смотрели на прогоревший очаг, будто искали в нем ответ на свои нелегкие думы; отсвет пышущих жаром дубовых углей вычертил из темноты красными штрихами их угловатые силуэты.

— Бог даст, с хазарской невестой для Федора уладим, тогда в Цихе-Годжи к Мириану поедем. — Леон поймал на себе внимательный взгляд Дадына. — Давно пора волю отца исполнить, да все недосуг.

— Не люблю на поклон ездить, — вздохнул Дадын.

— Как к отцу поеду, а отцу поклониться не зазорно.

— О чем говорить будешь?

Дадын спросил для того лишь, чтобы убедиться в том, что Леон в предстоящей поездке будет руководствоваться его, Дадыновой мыслью, подсказанной ему внучкой, но правитель разгадал его и дал понять, что у него есть свои соображения.

— Отец завещал мне быть верным союзу с Картли.

Что ж, это намерение совпадало с той политикой, которую давно обдумали покойный эристав Константин с Дадыном. Зачем Леону знать о том, что следить за осуществлением этой политики молодым правителем поручено ему, Дадыну? В случае, если Леон предаст интересы Абазгии и будет слепым орудием владыки Ромейской империи, Дадыну было приказано тайно умертвить его и поставить правителем Абазгии Федора. Мудро и дальновидно замыслил Константин. Однако Дадын был рад, что ему не придется выполнять этот тайный приказ — Леон верен Абазгии и союзу с Картли.

Леон встал. Поднялся и Дадын.

— Послужил ты моему отцу, послужи и мне. Нет у меня человека вернее тебя, — Леон положил руку на плечо Дадына. — А сейчас покажи мне тайный ход.

Дадын повел Леона в сырое подземелье, прикрытое сверху тяжелыми дубовыми плахами. Одна из них была отодвинута. Старик высек огонь, раздул его и зажег сосновый смолистый корень, который подобрал тут же,

возле ямы. Затем скользнул вниз и поманил за собой Леона. Они очутились в тесном каменном мешке, середине которого зияла чернотой дыра. Заглянув в нее, Леон увидел на дне отраженное пламя факела. «Вода», — сообразил он. Чтобы проверить себя, бросил вниз камень. Послышался всплеск, пламя внизу рассыпалось огненными бликами.

— Защитникам цитадели смерть от жажды не грозит, — оказал старик.

— Это хорошо. А где ход?

— Здесь, под нами; в колодце есть щель. Она выведет наружу далеко за пределы крепости. Выход у реки Апсары. Он прикрыт скалой и зарослями самшита. Проход узок, два человека в ряд не пройдут, местами вода, но не выше колена. Идти надо по знакам углем на стенах. Знаки через каждые десять шагов. Здесь есть цепь, в щель спускайся по ней.

Дады спустился в колодец. Некоторое время Леон видел красноватый отсвет факела на стенах колодца, потом наступила полная тьма. Он наощупь вылез и положил тяжелую доску на место. Вернувшись к себе, снова сел у очага и задумался.

6

Много забот у молодого правителя, а наипервейшая — утвердиться во мнении абазгов, что он не ставленик ромейского императора, а верный сын своего народа. Без этого — шагу не ступить, не осуществить задуманного. Леона воспитывали в христианском раболепии перед могуществом Ромейской империи и наместника бога на земле — базилевса. Как знать, может быть, Льву Исавру и ромеям-наставникам удалось бы заглушить в мальчике голос горячей абазгской крови, если бы не старый палатийский писец Деметрий. Этот нелюдимый евнух, родом абазг, был настоящим учителем Леона. Он не дал ему забыть свою родину и ее язык. В его тесной камерке с узким зарешеченным окном было множество свитков старых пергаментов и папирусов с древними греческими, египетскими и римскими письмами и документами. Он переписывал их для библиотеки императора и одновременно писал историю Абазгии,

по крупницам выбирая из них сведения о своей стране. Но этому бесценному труду не суждено было дойти до потомков. Как-то блюститель священной опочивальни императора, верный его пес Зенон, выходец, как и его царствующий хозяин, из Исаврии, застал Деметрия за этой работой.

— Есть одна история — история священной Ромейской империи. Кому нужна история маленькой провинции Абазгии! Занимайся лучше делом.

Надменный сановник отобрал у Деметрия рукописи и приказал их сжечь.

— Зенон отнял у меня цель моей жизни, и если бы не ты, мне незачем было бы жить, — жаловался писец своему воспитаннику.

Особенно огорчила его гибель записок Ефрата, которые он обнаружил, разбирая документы времен царствования Юстиниана I. Ефрат был одним из доверенных лиц императора, он, как и Деметрий, был евнухом, родом абазг, жил в Палатии.

— Расскажите мне о нем, — попросил как-то Леон.

— О Ефрате упоминает юстиниановский историк Прокопий из Кесарии в связи с поездкой того по поручению императора Юстиниана в Абазгию, но скупно. В отчете же самого Ефрата об этой поездке рассказывается подробно... Проклятый исаврит, я даже не успел переписать ефратовых записок и только бегло прочитал их. — Деметрий застонал и начал бить себя кулаками по голове. Успокоившись немного, стал рассказывать: — Во времена Юстиниана Августа Абазгией правили князья из ромеев. Они были жестокосердны и алчны. Они кастрировали красивых мальчиков-абазгов, а потом продавали их во дворцы восточных владык. Так попал в Палатий и Ефрат...

— А тебя как постигла эта злая участь? — невольно спросил Леон.

— Меня мальчиком украли аланы и сделали кастратом, а потом продали ромейским купцам. А те подарили меня императору. В Палатии я был отдан в ученье писцам. Здесь прошла вся моя жизнь.

Живя в Палатии с детства, Деметрий, однако, не перестал быть абазгом. Напротив, он еще более любил свою родину и тосковал по ней. Чтобы не забыть родной язык, он часто разговаривал с воинами-абазгами,

которых немало было среди охраны священного Палатия. Многим из них он помогал вернуться в Абазгию. Деметрий вел тайную переписку с Константином и по поручению того воспитывал его сына. Была у него связь и с Дадьюном, которого он когда-то выкупил из плена. Писец рассказал Леону о том, как абазги восстали против своих правителей ромеев и перебили их, как избрали из своей среды правителями Опсита и Скепарну и тайно перешли на сторону персов, но ромей снова подчинили Абазгию своей власти. Чтобы сохранить и умиротворить абазгский народ, умный Ефрат сумел тонко подсказать Юстиниану мысль послать его в Абазгию с наказом запретить делать кастратов. По совету Ефрата император повелел привезти несколько детей абазгов, обучать их грамоте и различным наукам. Из них потом состояла внутренняя стража императора. С тех пор абазги сами избирали себе правителей, а императоры утверждали их архонтами.

Деметрий познакомил Леона с учениями греческих философов Сократа, Платона, Аристотеля, с историей завоевательных войн Александра Македонского. Однажды не без умысла дал ему жизнеописание двенадцати цезарей Гая Светония Транквилла. Обратная сторона жизни Калигулы, Нерона, Тита и других римских императоров поколебала Леона, заставила его присмотреться к закулисному миру Палатия, полному интриг, алчности, борьбы за власть, загадочных смертей и исчезновений людей. Деметрий учил Леона видеть за блеском и мишурой шаткие подпорки империй ромеев, сотрясаемой бесконечными войнами с арабами и внутренней борьбой базилевса с почитателями икон. От Деметрия Леон узнал и о базилевсе Льве.

— «Божественный!» — при этом слове старый писец кривил тонкие губы в иронической усмешке. — Он отмечен не божественным провидением, а самим сатаной.

Знал бы император Лев III, чему учит Деметрий Леона, из которого он хотел воспитать верного слугу империи, приказал бы удавить своего лучшего писца. Лев был подозрителен и коварен. Он возвысился благодаря императору Анастасию II, который за воинские доблести дал ему титул патрикия* и назначил архонтом в одну из провинций. Когда абазги восстали против ромеев и присоединились к арабам, император Юсти-

ниан II* послал Льва к аланам с поручением натравить их на абазгов. Император боялся Льва, он не без оснований подозревал его в намерениях захватить престол. Посылая его с опасным поручением, Юстиниан рассчитывал избавиться от него, но этот сатана в образе человека, как называл его Деметрий, сумел проникнуть к аланам, подкупил их, и те огнем и мечом прошли по Абазгии. Льву помог выбраться из гор правитель Алпсидии Маринэ. Дорогой ценой заплатила Абазгия за попытку освободиться от ига Ромейской империи. Не принесли облегчения ей и арабы; они оказались еще хуже, чем ромей. Мусульмане отняли у абазгов землю, установили непосильные харадж и джизие — поземельную и подушную подати, превращали абазгов в рабов. Попытка абазгов отложиться от Ромейской империи и перейти на сторону арабов была пагубной.

Мудрый Деметрий глядел сквозь века; он призывал юного Леона беречь народ и ждать удобного случая.

— Когда войска провозгласили императором Феодосия, Лев не признал его, — шептал писец. — С помощью верных ему военачальников он мечом проложил себе путь к трону и вынудил Феодосия уступить ему царство. Сейчас Абазгия — снова вассал Ромейской империи, но никогда не забывай: кровь абазгов на Льве. Аланы были лишь слепым орудием в его дьявольских руках. Но, видит бог, не время сейчас отплатить ему по древнему закону гор — кровью за кровь. Станешь архонтом, укрепляй страну, объединяй народ и жди.

Деметрий по-гречески и по-латыни говорил гладко, как по писаному, и своего воспитанника приучал к этому.

— Знание языков оттачивает ум, а правильность речи свидетельствует о здравости мышления, — поучал Деметрий Леона. — Все суета. Когда человек — раб своих страстей и облечен притом большой властью, он превращается в дьявольский сосуд пороков и жестокости. Только знания — истинная ценность. Учись. Будь умерен во всем, избегай соблазнов. В одном ты можешь не шадить себя — в заботах о родной стране. Готовься быть справедливым и разумным пастырем своего народа. В этом твое предначертание от бога. Одно помни: цандрипшские дадалы** издавна ромеям служат, и нынешний дадал Мидас, и его сын в Палатий наезжают; приближенных императора дорогими подарками задаб-

ривают, заговор плетут, хотят снова Абазгией править, как их жестокосердный предок Филипп, которого наш персый правитель абазг Скепарна убил. С цандрипшских дадалов глаз не спускай.

Часто у них возникали разговоры о религии.

— Предания свидетельствуют о том, что первыми проповедниками христианства в Абазгии были апостол Андрей и его спутник Симон Кананит. По велению Юстиниана и при содействии Ефрата в Анакопии построен храм Божьей матери. Юстиниан же послал в Абазгию священников, — рассказывал Деметрий. — Но абазги в христианстве не тверды. В них много еще от язычества, они поклоняются своим старым богам. Будешь архонтом, укрепляй христианскую веру. Тем объединишь свой народ. А будут абазги почитать иконы или нет, пусть тебя мало заботит. Одно знай: именем Христа Спасителя много крови пролито невинной. Не допускай этого, будь терпим.

Обычно Леон приходил в келью Деметрия, но как-то писец сам тайком пришел к нему поздним вечером.

— Сегодня я читал письма императору, — зашептал Деметрий. — Было послание и от твоего отца. Вот что он пишет, — старик закрыл глаза и, пропустив пышное титулование императора, на память повторил: — Я стар и немощен, бог призывает меня к себе. Верни мне сына, благослови его архонтом Абазгии. Будет он верным твоим рабом, и страну, тобой мне вверенную, он так же, как я, положит у твоих ног... — Деметрий открыл глаза и в упор взглянул на Леона. — Так пишет твой отец Константин Абазгский, а как он думает, это он скажет тебе с глазу на глаз. Завтра ты предстанешь перед базилевсом. Не избегай его взгляда, но будь смиренным. Час твой пробил, но не забывай: базилевс хитер, он постарается устроить тебе какую-нибудь ловушку. Не погуби себя неосторожным словом, взглядом, даже мыслью. Да благословит тебя всевышний!

В ту ночь Леон не спал. С волнением и беспокойством думал он о том, как предстанет перед грозным императором. Он много раз видел его, но издали — во время молебствий, на ипподроме, среди войск. Он ни разу не удостоился быть им принятым и не жалел об этом, потому что знал: те, кто удостаивались такой милости, нередко прямо от императора отправлялись в

подземелья Палатия, откуда не было выхода, кроме как в преисподнюю...

Утром двое молчаливых воинов-гигантов из личной стражи императора обыскали Леона и, не найдя при нем никакого оружия, повели бесконечными ходами и переходами в покои Льва. По тому, каким путем вели Леона, он понял, что встреча произойдет неофициальная. Возможно, базилевс тем самым хотел дать понять сыну абазгского архонта его полное ничтожество перед ним, владыкой половины мира. Но это еще можно стерпеть. Не задумал ли базилевс уничтожить первенца Константина и послать в Абазгию вместо него кого-нибудь преданного ему исаврита? Но ничего уже нельзя было изменить. Слоноподобные воины зорко следили за каждым шагом Леона: не убежишь, не спрячешься, да и ни к чему, надо идти навстречу своей судьбе.

Лев на открытой веранде кормил голубей. С ним был его сын и соправитель Константин по прозвищу Копроним*. Это прозвище, как рассказывал Леону Деметрий, сын императора получил за то, что во время крещения он осквернил святую купель испражнениями. Константин молод, всего лет на пять старше Леона, высок и плечист. Он с интересом поглядывал на Леона, которого не раз видел на военном плацу, где отпрыски византийской знати под руководством опытных военачальников занимались гимнастикой и изучали воинское искусство. На Льве и его сыне — соправителе вместо императорских пышных одежд, расшитых золотом и жемчугом, исаврийские тоги с красной каймой по низу, только багряные сапожки на Льве императорские, Константин же в сандалиях. Льву уже около восьмидесяти, он ссохся, смуглая от природы кожа на морщинистом лице почти коричневая. Лицом он, как святые на иконах, строг и сух, взгляд его старческих блеклых глаз холодно равнодушен. Леон только мельком заметил все это — нельзя разглядывать Божественного императора и его соправителя — сына, как статуи. Он распростерся перед императором, не доходя до него шагов десять.

— Встань и приблизься, — услышал Леон негромкий голос.

— Не смею, Божественный.

— Я повелеваю.

Леон встал и подошел шагов на пять.

— Дела империи не позволяли мне следить за твоим воспитанием, но твои наставники говорят, что в учении ты весьма преуспел.

— Этим я обязан тебе, Божественный, — смиренно ответил Леон.

— Он воинскому искусству отдавал предпочтение, нежели другим наукам, — заметил Константин.

Леон поймал на себе ощупывающий взгляд базилевса и потупил взор. Лев с первого взгляда увидел в статном широкоплечем молодом абазге война, и это вызвало в нем противоречивые чувства. А что если он свое воинское искусство применит против империи? В таком случае его не следует выпускать из рук. Пусть послужит в войсках поближе, чтобы не спускать с него глаз. Но не вернуть его Константину — это значит предоставить абазгам самим поставить архонта, а они захотят, конечно, такого, который будет добиваться независимости от империи. Варвары абазги не терпят над собой никакой власти. Кто-кто, а он знает абазгов и апсиллов. Лучшие годы его прошли в их краях.

— Империи нужны воины, Божественный, — сказал Леон. — Я готовил себя для того, чтобы служить тебе.

Тонкие губы Льва тронула недоверчивая усмешка.

— Не хочешь ли ты послужить в моих войсках? — спросил он мягко.

— Твоя милость беспредельна, Божественный. Сражаться за тебя сочту за великую честь. Благослови!

Леон опустил на колени и склонил голову, показывая, что всецело отдает себя базилевсу. Но сердце его сжалось. По тому, как Лев медлил с ответом, Леон понял: он взвешивает его судьбу.

— Но, может быть, ты хочешь вернуться в Абазгию? — вкрадчиво спросил Лев. — Отец твой стар и немощен. Он просит вернуть тебя и благославить на архонство.

Вот она, ловушка, против которой предостерегал Деметрий. Лакомую приманку подбросил Леону император!

— Отец мой стар, но бог милостив... Я же готов служить тебе всюду, куда бы ты меня ни повелел послать, Божественный, — ответил молодой абазг.

— А кто может поручиться, что, став архонтом, ты не отложишься от нас? — спросил Константин.

Лев с неудовольствием взглянул на сына. Разве можно выдавать свои тайные мысли, казалось, говорил его укоряющий взгляд. Леон вопроительно посмотрел на базилевса. Тот кивнул, разрешая ему ответить.

— Потерять покровительство Божественного для абазгов равносильно гибели, — сказал Леон. — Абазгия уже становилась на этот гибельный путь и...

Леон смешался. Неизвестно было, как император воспримет напоминание о попытке абазгов с помощью арабов отложиться от империи.

— И что? — прищурился Константин.

— Абазгия — маленькая христоролюбивая страна, — обдумывая каждое слово, сказал Леон. — Она может жить только под покровительством могущества империи и благословением Божественного базилевса.

Лев высыпал из золотой чаши последние зерна пшеницы и отдал ее сыну, неторопливо потер сухие ладони, стяхивая с них невидимую пыль. Казалось, он весь поглощен созерцанием суетящихся у его ног голубей. В действительности же он думал о том, что уже стар, что судьбы будущего переходят в руки этих рвущихся к власти молодых людей, один из которых его сын и наследник престола. А знают ли они, сколь тяжело бремя власти и какой ценой она добывается? По осторожным, обдуманым ответам молодого абазга император угадал в нем человека недюжинного ума. Сумеет ли сын противостоять таким вот умным и сильным воинам? Не лучше ли сейчас, пока он жив, обезопасить трон от таких людей, как этот абазг? Но тогда придется уничтожить многих, а кто будет защищать империю от ненавистных арабов, которые не дают ему с первого же дня царствования насладиться славой и заняться украшением столицы? Принудив Феодосия отречься от престола в свою пользу, недоверчивый Лев сам готов был в каждом заметном выделяющемся из толпы человеке видеть соперника своего сына.

— Ты рассуждаешь здраво, — наконец сказал он. — Повелеваю тебе: отправляйся к отцу. Когда придет время, мы призовем тебя с твоими воинами-абазгами и тогда узнаем, сколь ты преуспел в воинском искусстве.

Леон поцеловал край тоги базилевса и, пятясь, вышел. Он шел, шатаясь как пьяный. Воины, сопровождавшие его, сурово улыбались. Они были довольны тем,

Германик окинул взглядом тесный каменный двор.

— Ты, ты, ты и вы оба, — пальцем показал он на двух воинов, игравших в кости.

Лонгин уже не раз приходил с такими требованиями, и начальник знал: раз нужны сильные воины, значит, предстоит серьезное дело, о котором лучше не спрашивать. Он выбрал самых рослых и надежных воинов.

— За тобой долг, — сказал светлорыжий гигант, сгребая кости.

— Вернемся — продолжим игру, — ответил подстать ему, весь свитый из мускулов горбоносый воин.

Это были Богумил и Гуда. Их случайно свела игра, а до этого они мало знали друг друга. Богумил нес службу во внутренних покоях императора. Про него говорили, что в мечевом бою ему нет равного среди воинов базилевса. Гуда же слыл непревзойденным стрелком из лука и нес службу на стенах внешней ограды, как и большинство лучников-абазгов.

— Ты будешь старшим, — сказал Германик Богумилу. — Вооружитесь и идите, куда вам прикажет патрикий Лонгин.

Патрикий приказал воинам ждать его до вечера возле крайней пристани на берегу Босфора.

— А чтобы вам не было скучно, вот вам...

— Пошли, — сказал Богумил, взяв горсть монет. — Там у одного родосца есть чем прополоскать горло.

Вскоре они сидели под фиговым деревом за вкопанным в землю столом из грубо отесанных досок. Хозяин вынес им объемистый кувшин и глиняные кружки.

— Если вино окажется таким же кислым, как твоя рожа, я утоплю тебя в этом кувшине, — пообещал Богумил.

— Будь ты на моем месте, был бы, как собака на луиу, — буркнул хозяин.

— От него жена сбежала с каким-то фракийцем, — услужливо сказал пропойца в рваном воинском хитоне, жадно поглядывая на кувшин.

— Как, красавица Эленика задала стрелача? — Богумил и его товарищи расхохотались. — Я давно тебе предсказывал это. Ты слишком стар для нее.

— Проваливай отсюда, войлочный козел! — хозяин стал выталкивать оборванца из-за стола.

— Эй, оставь его. За такую новость он заслужил кружку вина.

— А платить кто будет? За вами и так долг.

— Возьми. Этого хватит расплатиться за прежнее, да еще и останется.

Хозяин сгреб деньги и спрятал их за пояс.

— Иди отсюда, не мешай нам, — сказал Богумил бродяге. Потом повернулся к товарищам: — Выпьем за красавицу Эленику! Эх, почему она не ко мне сбежала!

Хозяин с досады плюнул, но промолчал: горе-горем, а деньги всегда остаются деньгами, даже если на душе у тебя тошно, да и ссориться с воинами базилевса опасно.

— Какое дело нам предстоит, хотел бы я знать? — сказал один из воинов.

— Раз оно поручено собаке Лонгину, то хорошего не жди, — ответил обросший волосами чуть ли не до самых глаз смуглый воин.

— Эй, Армен, держись покрепче за свою голову руками! Она может слететь с твоих плеч, у Лонгина всюду уши, — посоветовал третий.

Так за разговорами прошел час, стало темнеть. Лонгин пришел, закутанный в плащ, и, сделав воинам знак, повел их вдоль берега. Снизу доносился мягкий шелест волн; взошедшая полная луна проложила через Босфор серебряный мост. Давно миновали последнюю пристань, и теперь воины шли мимо роскошных усадеб ромейской азиатки. У одной из усадеб Лонгин остановил людей.

— Сначала пойдешь ты, — он ткнул в грудь Армена. — Если у входа есть страж, задуши его и открой ворота.

Армен отправился и скоро вернулся, сказав, что усадьба не охраняется, а ворота он открыл.

— Пойдем.

Группа вошла во двор, поднялась по широкой лестнице. Какой-то человек метнулся к двери, один из воинов успел перехватить его. Это был старый раб, Лонгин приставил к его спине короткий меч.

— Веди к спафарию, и — ни звука.

— Его нет, — прошептал перепуганный раб. — На заходе солнца он уехал.

— Ты лжешь. Веди!

Но раб сказал правду: хозяина не было. В доме

оставались только его жена с ребенком да несколько слуг. Обыскав все помещения, раздосадованный Лонгин вошел в спальню. Молодая женщина гордо сказала:

— Лонгин, не ищи спафарня, его нет.

— Куда ты спрятала его?

— Спафарий Маврикий не привык прятаться. Он уехал по своим делам.

— Знаю, какие у него дела!

Женщина была поразительно красива. Глаза ее пылали, а губы вздрагивали от презрительной усмешки. И только голые до плеч прекрасные руки ее, прижимавшие к груди ребенка, выдавали волнение.

— Лонгин, ты забыл, чем обязан спафарию Маврикийю. Зачем ты врываешься в его дом, как убийца?

— Говори, проклятая, где твой муж, иначе сама ответишь за него.

— Знаю, но не скажу, а отвечать перед богом будешь ты. Спафарий выкупил тебя у магометан, когда ты гнил у них в плену, а теперь чем ты платишь ему?

Воины угрюмо слушали этот разговор. В чем бы ни обвинялся спафарий, жена его была не при чем. Они это понимали. «Счастлив, должно быть, спафарий Маврикий, имея такую жену», — подумал Богумил.

— Нет, скажешь! Не таких заставлял говорить.

Он повернулся к воинам:

— Возьмите ее на потеху! Вам хватит ее до утра, а утром, если она не скажет, где ее муж, я насажу на копье ее ублюдка. Ну!

Один из воинов сделал было шаг к женщине, но Гуда остановил его рукой. Как ни мимолетен был жест, Лонгин заметил его. Лицо патрикия исказилось злобой.

— Ты первый возьмишь ее! — показал он на Гуду.

Тот покачал головой.

— Абазги с женщинами не воюют.

— Ты не воин базилевса, а трусливый шакал. Иди ты! — указал он на Богумила.

Но великан даже не шевельнулся. Женщина с немой благодарностью взглянула на него.

— Учись, Лонгин, благородству у своих воинов, — сказала она.

Лонгин выхватил меч, женщина вскрикнула и согнулась, прикрывая собою ребенка. Она не видела, что произошло в следующее мгновение, а только услышала,

как у ее ног зазвонел брошенный меч. Богумил перехватил руку Лонгина и так сдавил, что у того хрустнули кости. Патрикий взвыл и выбежал с проклятиями. Слуги испуганно шарахнулись от него. Богумил приподнял женщину. Она была бледна и шаталась.

— Мы не знаем, чем прогневил твой муж базилевса, тебе же зла не хотим. Но Лонгин не оставит тебя в покое. Беги, — сказал он.

Женщина положила плачущего ребенка на постель. Но даже приподнявшись на носках, она не дотянулась до лица Богумила, обхватила его руками и, наклонив к себе, поцеловала, а потом — Гуду. В прекрасных глазах ее блестели слезы.

— Пусть хранит вас святая мать Божья, воины. Я всегда буду молиться за вас.

Никогда Богумилу и Гуде не забыть бездонной глубины глаз и поцелуя этой женщины. Теперь что бы с ними ни случилось, оба они не раскаивались в непослушании Лонгину. В глубоком молчании возвращались воины в казармы. Богумил и Гуда, немного отстав, шли плечом к плечу. Они не видели за собой вины, но понимали, что Лонгин им не простит. Гуда все еще чувствовал прикосновение теплых губ женщины и, словно стараясь сохранить его, то и дело прикрывал щеку ладонью. Как непохожа она была на случайных их подружек — крикливых и развязных обитательниц лупанара*.

Подождав Богумила и Гуду, Армен сказал:

— Бегите.

— Нет, — покачал головой Гуда.

— Женщина обещала молиться за нас Божьей матерью, — беспечно сказал Богумил.

Но едва Богумил вошел в свою казарму, как на него набросились четверо гигантов-ипаспистов,** не дав ему схватиться за меч. Они повалили его, заломили за спину руки и скрутили веревками. Богумил не сопротивлялся, понимая бесполезность этого.

— Иди, — ткнул его в спину копьем ипаспист.

Богумил встал, и, направляемый уколами копья в спину, пошел. Так со связанными руками его и втолкнули в подземелье. Тяжелая окованная железом дверь захлопнулась за ним, оставив его в кромешной тьме. А через некоторое время к нему втолкнули абазга. Они развязали друг другу руки и улеглись рядом на кучу

прелой соломы. Долго лежали, молча прислушиваясь к непонятым шорохам. Потом Гуда сказал:

— Молитвы женщины нам не помогли.

— Будем молиться своим богам, — ответил Богумил.

Он нащупал под рукой какой-то гладкий, продолговатый предмет и, поняв, что это человеческая кость, с отвращением швырнул ее по направлению шороха. Послышался писк.

— Крысы?

— Они.

О том, что он в них кинул, Богумил не сказал.

Гуда брезгливо вздрогнул:

— Если мы не выйдем отсюда, крысы сожрут нас.

Плотная тьма осеяземо прилипла к лицу. Гуде хотелось оторвать, оттолкнуть ее, увидеть хотя бы проблеск света, чтобы дать глазам отдохнуть от давящего мрака. К смраду подземелья они уже притерпелись и почти не замечали его, но крошечная тьма угнетала.

— Как ты попал в Палатий? — спросил Гуда.

— Сам пришел. Десять лет назад снарядил нас воевода-князь на торг в понизовье Днепра. Там сманил меня один ромей на службу в императорское войско. «Таких, как ты, могучих воинов, базилевс весьма жалует», — сказал он. Я и соблазнился.

— А разве твоей стране сильные воины не нужны? Или земля твоя бедна, нет зверя в лесах, рыбы в реках, хлеба она не родит? Чего ты искал здесь — славы, богатства? — с упреком говорил Гуда. — Я здесь не по своей воле: меня мальчишкой привезли. И нет у меня другого желания, как только вернуться в Абазгию.

Но Богумил сказал не всю правду. Отпуская его к ромеям, воевода-князь дал ему тайный наказ присматриваться ко всему, а особенно к воинским порядкам, в чем сила ромеев, в чем слабость, на чем их империя держится. Хотя и знали славяне о ромеях немало, хаживали к ним «в гости» с мечом, но глаз с них не спускали. Не мог всего этого сказать Богумил Гуде.

— Родина — она как мать. Как же мать свою не любить! А покинул я ее любопытства ради: хотелось из теплые заморские страны посмотреть, ума набраться.

— Набрался? — Гуда усмехнулся.

— Сыт по горло. Давно пора к своим возвращаться, да не пускают из Палатия. Был бы в тех войсках, что

во Фракии, ушел бы. А здесь куда уйдешь? Кругом ромейская земля.

Узники потеряли всякое представление о времени: для них оно словно остановилось и растворилось в окружающей тьме. Но оно напоминало о себе нарастающими муками голода, сменившимися затем нестерпимой жаждой. Богумил и Гуда быстро слабели и почти все время находились в состоянии полузабытья. Неужели префект приказал заживо похоронить их в этом каменном мешке? Богумила охватил приступ буйства. Он начал метаться в тесном подземелье, потом принялся грохотать в дверь кулаками и ногами. Он проклинал Лонгина, императора, вызывал на бой все ромейское войско. Наконец, устав, повалился рядом с Гудой.

— Лучше расшибиться головой об стену, чем медленно подыхать здесь.

По тому, как спокойно он это сказал, Гуда понял: Богумил всерьез намерен наложить на себя руки.

— Почему ты так говоришь? Разве в твоём сильном теле живет душа слабой женщины?

— Зачем ждать, когда крысы живого начнут грызть? Их уже много здесь собралось, слышишь?

— Воин должен бороться до конца. — Гуда положил руку на грудь Богумила, не давая ему встать.

— С крысами?.. Пусти!

— С самим собой...

Завязалась борьба. Гуда из последних сил цеплялся за Богумила.

— Сначала ты убьешь меня, а потом делай с собой что хочешь, — сказал он. — Никто не уйдет от смерти, как не уйдет всадник от тени своей, но тот, кто ищет смерти раньше назначенного богами срока, — трус.

Богумил покорился. Они лежали, обессиленные борьбой. Густой черной смолой сочилось время. Крысы все больше смелели: то одна, то другая пробегала по их телам, словно проверяя, не пришла ли пора вонзить в них зубы. Сначала узники отмахивались от крыс, а потом перестали обращать на них внимание, только тела их вздрагивали от прикосновения наглеющих тварей. Гуда бредил. Ему казалось, что он в родных горах; повсюду, среди зеленых лугов, виднеются пятна тающего снега, звенят ручьи, он спешит к одному из них, чтобы напиться, но только наклонится, как ручей уходит под землю,

дразня тихим журчаньем. Гуда спешит к другому ручью, но и тот исчезает; Гуда разрывает землю руками, но вода неуловима. А рядом олень пьет из родника; он поднял голову и смотрит на Гуду огромными черными глазами, с его морды падают сверкающие капли, они растут, сверканье больно вонзается в мозг Гуды, и в то же время бездонные глаза оленя будто втягивают его в свою густую тьму. Но нет, это не глаза оленя, а тьма подземельная. Очнувшись, Гуда провел сухим языком по шершавым, потрескавшимся губам.

— У смерти вкус сухого песка, — прошептал он по-абазгски и поднялся, порываясь куда-то бежать.

Теперь Богумил стал успокаивать товарища, хотя сам был не в лучшем состоянии. Жизнь по капле оставляла измученные тела узников.

Но вот в затухающем сознании Богумила возникла странная картина: подземелье осветилось багровым светом, на фоне его появилась гигантская фигура человека. Богумил приподнялся на локтях и безумным взглядом смотрел на вошедшего. Свет больно резал глаза.

— Я думал, что крысы давно обглодали твои кости. Вставай!

Как ни был слаб Богумил, он нашел в себе силы подняться.

— Выходи, если хочешь жить, — сказал гигант.

Богумил сделал несколько шатких шагов. Потом вернулся к Гуде. Нечеловеческим напряжением сил ему удалось поднять его.

— Брось эту надаль! — сказал ипаслист.

Но Богумил вынес Гуду из подземелья, и — странное дело — с каждым шагом силы его возрастали, а когда он увидел бассейн, то кинулся к нему почти бегом. Он пил большими глотками теплую стоялую воду, потом, спохватившись, стал пить Гуду. С трудом удалось ему разжать зубы Гуды и влить в его рот несколько капель воды. Один, два слабых глотка, и Гуда ожил. Он вскочил и приник к воде. Оба пили, плескали воду себе на лицо, на грудь. Двое ипаслистов с удивлением смотрели на это воскресение из мертвых.

— Они готовы выпить весь бассейн, — сказал один из ипаслистов.

— Теперь они не будут жаловаться на недостаток

воды, — загадочно проговорил второй. — Пошли! — он толкнул Богумила в спину тупым концом копья.

Гуда и Богумил шли медленно, все еще не веря, что остались живы. Над ними был не каменный свод, а звездное небо, и не смрад подземелья, а теплый влажный воздух обвевал их искусанные крысами тела. Но радоваться было рано. Обоих сковали одной цепью и повели на корабль. Там они оказались прикованными к одной скамье, за одним веслом. Жадный Лонгин продал их в рабство. На рассвете корабль снялся с якоря и отправился через Понт Эвксинский к далеким берегам Кавказа. Так Богумил и Гуда стали побратимами.

Три долгих года они были скованы одной цепью. За эти годы тела их высохли, покрылись язвами, а валек весла залоснился, отполированный руками; зато ладони гребцов стали шершавы и тверды, как копыта. Все это время побратимы не теряли надежды вырваться на свободу — только бы оказаться у родных берегов. Но много раз ходил корабль в Понт Эвксинский, был и у берегов Кавказа, а желанная свобода не приходила — кроме крепко стерегли рабов-гребцов. И вот теперь, когда все испытания остались позади, Гуда умирал. Богумилу больно было смотреть на побратима. Он понимал, что в тот момент, когда Гуда ступил на родную землю, у него иссякли последние силы. Гуда достиг ее, и больше ему ничего не нужно было. Он отдал себя духам гор.

Из леса появился Ахра. За ним шли древняя старуха и девушка. Как ни был удручен Богумил, он не мог не обратить внимания на дивную красоту молодой абазгки. Это были старая ведунья трав Шжуакуа и Амза.

Старуха обошла вокруг Гуды, шепча какие-то заклинания, потом присела возле него и стала осматривать и ощупывать его сухими коричневыми пальцами.

— Смотри, нан*, и учись, — обратилась знахарка к девушке. — Это храбрый воин. Я вижу на его теле рубцы старых ран, но новых нет. Трава ахурбгиц** ему не нужна. Болезни у него тоже никакой нет, но он очень слаб и умрет, потому что его душой овладели духи гор. Тело его еще живет, а душа уже на пути к предкам.

— Но ты, ди***, не позволишь его душе расстаться с телом, — сказала Амза. — Абазгии нужны воины.

— Да, нан, ты верно говоришь, Абазгии нужны воин-

ны, — закивала старуха. — Попытаюсь вернуть его душу. Может быть, еще не поздно.

Шкуакуа взялась за дело. Она выбрала из корзины какие-то корешки, травы, сухие ягоды, долго варила их с приговорами в глиняном горшочке. Когда варево было готово, она сказала Амзе:

— Остуди, нан, и дай ему выпить половину. Если духам гор угодно будет вернуть ему жизнь, то после питья он уснет. Когда же он проснется, дай ему испить осгальное. Утром дайте ему кислого молока с медом. Если же духи гор не отпустят его душу, то питье выйдет обратно с кровью, и тогда надо готовить долю мертвого*.

Старуха ласково погладила Амзу по плечу и заковыляла восвояси. Ахра почтительно проводил ее до леса. Мудрая знахарка неспроста поручила девушке ухаживать за больным. С помощью Ахры и Богумила Амза влила в рот Гуде целебное зелье. Некоторое время она с тревогой следила за ним. Гуда открыл глаза и увидел склоненное над ним прекрасное лицо девушки; он зажмурился, боясь спугнуть чудесное видение. Но оно было явью — девушка находилась здесь, рядом: Ласковые руки приподняли ему голову. Гуде казалось, что сама Абазгия, к которой он так страстно стремился, смотрит на него глазами-звездами и вливает в него жизненные силы. Глаза Гуды заблестели. Он взял руку Амзы и, не выпуская ее, уснул. Она посидела возле него, потом осторожно высвободила руку.

— Ахра, скоро ночь. Проводи меня. Утром я приду. Когда он проснется, вы сами напоите его.

Ахра пошел провожать девушку. Богумил с трепетным чувством восторга смотрел вслед Амзе.

Он поднялся над Гудой во весь свой громадный рост и протянул к небу руки.

— Духи предков, я должник ваш за дарованную свободу, за Гуду-побратима, — сказал он просто и мужественно.

СВАДЕБНОЕ ПОСОЛЬСТВО

Мудрый и в аду выкрутится.
Абхазская пословица

1

Посольство Дадына не ладилось. Толстый, сонный на вид чиновник, ведающий посольскими делами каганата, тархан Юук-шад, что значит Сова-князь, настойчиво допытывался, зачем приехали абазги, а осторожный старик отвечал, что скажет это только кагану.

— Разве ты не знаешь, что смертному не дано видеть солнцеликого? Скажи, зачем приехали, и я передам.

— А ты бессмертный?

Важный хазарин опустил пухлые веки.

— Ты хитер, как старый ворон. Но то, что ты просяшь, невозможно. Я доложу о тебе царю. Он у нас ведаст всеми делами в государстве.

— Пусть будет так, — сказал он. — Когда мы предстанем перед вашим царем?

— Разве абазгскому послу не правится у нас? Почему он торопится, почему не хочет сказать, зачем совершил свой дальний путь?

— Об этом я скажу только царю, — ответил старик.

— Ну, тогда жди, — невозмутимо ответил тархан и закрыл глаза, давая понять, что прием окончен.

Раздосадованный Дадын снова ушел ни с чем. Уже больше недели потерял он в бесплодных разговорах с толстым хазарином, а дело не сдвинулось ни на шаг. Дадын не был даже уверен, знают ли вообще каган и царь об их приезде. А между тем принимавший их чиновник был не так ленив, как казалось. Византийский посол — желтый и высохший, похожий на мумию и не-

подвижный, будто каменный истукан, каких Дадын видел на степных курганах, приехал позже него и уже отправился в обратный путь, уладив, очевидно, свои дела. В посольский двор то и дело въезжали гонимы на взмыленных лошадях и разлетались из него во все стороны на свежих. Откуда-то из-за Дона приехали русо-бородые богатыри в кольчугах до колен и островерхих шлемах. Это были саклабы — так называли росичей, болгар арабы и хазары. Они были молчаливы и суровы, держались обособленно, но зорко присматривались ко всему. Хазарский чиновник принял их без задержки, и те, как узнал Дадын, говорили с царем Барджилом. Потом старый абазг видел их на базаре: саклабы выкупали из плена своих земляков.

Однажды после очередной неудачи в хазарском посольстве к Дадыну подошел худой и смуглый человек, закутанный до самых глаз в пеструю ткань.

— Ты много прожил — об этом говорят твои почетные седины, но ты не знаешь человеческой природы, — сказал он по-гречески.

— Зато ее хорошо знает мой меч. Что тебе надо? — ответил Дадын.

— Совсем немного. Дай мне, славный воин, от щедрости твоего сердца, а взамен я дам тебе мудрый совет.

— Говори.

— Но сначала яви свою щедрость. Мой совет так прост, что, услышав его, ты рассмеешься и ничего мне не дашь. А без него ты лишь потеряешь время.

— Держи.

Дадын высыпал на ладонь человека несколько серебряных монет. Тот поспешно спрятал их и сказал:

— Рука дающего да не оскудеет...

Дадын нахмурился. Он готов был вытряхнуть из непрошеного советчика попусту отданное серебро.

— Подожди, я не все сказал!.. Рука берущего становится податливой... Не понимаешь? Дай тархану Юкукшаду бакшиш... Приходи к нему вечером.

Дадын рассмеялся.

— Не сам ли тархан послал тебя ко мне?

Но человек в пестром халате поспешно ушел.

В тот же вечер Дадын решил повидаться с тарханом наедине, полагая, что в беседе с глазу на глаз он скорее добьется результатов. Хазарин полулежал на

мягких подушках. Мальчишка-раб приложил палец к губам, призывая Дадына к тишине, но старик заметил, что хазарин не спит. Он показал ему крупный изумруд:

— Взгляни на этот камень. Может быть, его блеск рассеет твой сон, — тихо проговорил абазг.

Тяжелые веки хазарина чуть приподнялись. Мальчишка озорно сверкнул глазами и показал Дадыну два пальца. Видимо, он хорошо знал аппетит своего господина. Дадын добавил к изумруду розовый лал*. Хазарин живо сгреб камни и, засунув их за пояс, поманил Дадына пальцем. Склонившись к его уху, он зашептал:

— Опора трона не любит давать необдуманные ответы. Прежде чем принять тебя, он должен знать, о чем будет идти разговор. Без этого ты ничего не добьешься. Здесь, — хазарин показал себе на грудь, — хранится много тайн. Твоя тоже останется здесь навсегда.

Дадын раскрыл ладонь и показал еще несколько драгоценных камней. Глаза хазарина загорелись, но он превозмог жадность и покачал головой.

— Ты щедр, но я не смею преступить закон.

Дадын понял, что ему не преодолеть этого препятствия. Он решил не придерживаться строгих инструкций Леона и действовать по своему усмотрению. Отдав камни хазарину, чем еще больше расположил его к себе, он взглядом показал на мальчишку.

— Он не знает по-гречески, а если бы и знал, то все равно не может говорить: у него нет языка.

Дадын коротко изложил цель своего приезда.

— Завтра в полдень приходи за ответом. Опора трона назначит тебе день приема.

На следующий день хазарии встретил его приветливо.

— Опора трона примет тебя завтра, — сказал он дружелюбно. — Но помни: успех вашего дела зависит от тебя самого.

Повеселевший Дадын отправился в сопровождении Ахры бродить по городу. Он присматривался к незнакомой жизни, прислушивался к разноязычному говору. В городе было много рабов; они несли основные тяготы по ведению хозяйства родовитых хазар и болгар, которых здесь было немало: ковали оружие, делали на гончарных кругах посуду, обрабатывали землю. Особенно много их было занято на строительных работах.

Перенесение хазарской столицы из Семендера, нахо-

дившегося в предгорьях Кавказа, на остров и низовья Итиля* было вызвано частыми набегами арабов. По великой реке и назвали новую столицу. Этот обширный остров был весьма удобен. Баслы** издавна прятались на нем от врагов, зимой хазарские стада пережидали здесь трудную пору бескормицы; почва на острове лучшая, дает хорошие урожаи, что также привлекло хазар, постепенно оседавших на земле.

Итиль только строился. Он был похож на огромное стойбище кочевников, особенно на окраинах. Но в центре его уже вышло несколько каменных и кирпичных дворцов; самый большой — кагана, поменьше — царя и приближенных. Вокруг них стояли дома знати. Жилища простых хазар незатейливы; они сложены из кирпичасырца, а некоторые сплетены из камыша и обмазаны глиной. Крыши круглые, камышовые, благо материала этого по берегам Итиля вдоволь. На базаре, как и на всех базарах Востока, не столько торгуют, сколько шумят и толкуются. Сильный дым от жаровен с бараниной виснет в неподвижном знойном воздухе, стучат молотки ремесленников, орут зазывалы — предлагают ковры, ткани, украшения, благовония; много народа толпится на площади, где удачливые воины продают свой живой товар. Старый хазарин торгуется с воином, стремясь подешевле купить девушку. Он то отходит, то возвращается вновь, когда воин начинает громко расхваливать свой товар, бесцеремонно показывая толпе, какие у девушки крутые бедра и упругие груди. Над стариком смеются, подзадоривают его. Похоть и скупость — два отвратительных человеческих порока бушуют в нем. Девушка в самом деле хороша; толпа со снисходительной насмешливостью сочувствует ей, жалея, что такая красота достанется слюнявому старику.

Абазги не стали ждать конца постыдного торга. Они остановились возле одной из кузниц и залюбовались работой кузнеца. Частыми ударами легкого молотка он вытягивал на наковальне свитый из стальных проволок клинок. Время от времени кузнец разогревал его в горне и снова принимался стучать своим нехитрым инструментом. Несколько готовых сабель стояли у стены, а одна, с богато отделанной рукоятью, лежала перед хазарином, видимо, хозяином кузницы. Дадын жестом попросил клинок. Хозяин, видя, что перед ним знатный

воин из неведомой страны, любезно подал его. Узорчатая сталь хищно изогнутой сабли была легкой и гибкой, жесткая рукоять, украшенная драгоценными камнями, плотно вошла в ладонь. В глазах кузнеца вспыхнуло выражение гордости. Хоть и раб он, а все же приятно ему, что его труд оценил седой воин.

— Наш Камуг не хуже делает, — сказал Ахра.

Кузнец стремительно выпрямился.

— Вы абазги? — спросил он по-картлийски.

— Да, — ответил Дадын.

Хозяин забеспокоился. О чем чужестранец говорит с его лучшим оружейником-рабом?

— Спроси, не продаст ли он саблю? — сказал Дадын.

Узнав, в чем дело, хазарин покачал головой.

— У этой сабли уже есть хозяин, — сказал он.

Пусть воин выберет себе другую.

— Это хорошая сабля, — быстро заговорил кузнец, — но у нее есть тайный порок, о котором знаю только я. Если хочешь иметь верного хранителя чести, то возьми ту, которая стоит у стены слева. В ней гнев божий и сила. Не в украшении сила оружия. Ты смело можешь крестить эту саблю с клинком любого дамасского мастера — она тебя не подведет... Да умножит господь силу руки, в которой будет это славное оружие!

— О чем ты болтаешь? — недовольно проговорил хозяин.

— Я говорю старому воину, что эти сабли не для его слабых рук.

— Поистине ты глуп. Если бы не твои искусные руки, я давно отдал бы тебя на съедение собакам, — сердито сказал хозяин. — Вместо того, чтобы привлечь богатого покупателя, ты отталкиваешь его.

— Хорошо, я заставлю седого воина щедро заплатить тебе за саблю, — сказал кузнец хозяину, — но за это ты отпустишь меня до захода солнца.

— Будь по-твоему, — согласился хозяин. — Но если ты меня обманеешь, то я почешу твои пятки палкой.

— Славный воин, — обратился кузнец к Дадыну. — Купи ту саблю, которую я тебе показал. Заплати щедро. За это хозяин отпустит меня сегодня на строительство церкви. Там ты увидишь меня, и я скажу тебе нечто очень важное.

Дадын для видимости перебрал несколько клинков

и взял тот, на который ему указал кузнец. К большому удовольствию хозяина он заплатил за него, не торгуясь.

Хазары ненавидели ислам — жестокую веру своих исконных врагов. В ней они видели угрозу существованию своего государства. Хазарская знать склонялась к учению иудеев, усиленно проповедуемому приезжими раввинами. Что же касается христианства, то к нему относились терпимо, видя в этой религии смирения средство держать в повиновении рабов-христиан. Поэтому хазары не препятствовали строительству в Итиле маленькой церквушки. В редкие часы отдыха рабы-христиане приходили на стройку, чтобы во славу господню положить хотя бы один кирпич в стены пристанища страждущих утешения от земных скорбей. Работами руководил старенький священник-армянин; он добровольно обрек себя на жизнь среди своей паствы, состоящей в основном из его земляков; в строительство церкви вносили свой посильный вклад также картлийцы и римеи. Священник почтительно встретил Дадына и Ахру, а когда узнал, что они христиане из Абазгии, разволновался.

— Господь сподобил меня побывать в ваших святых местах, — проговорил он. — Был я в Анакопий, молился у гроба преславного Симона Кананита — верного сподвижника апостола Андрея, отслужил с архиепископом Елифаном всеобщую перед светлым воскресением Христовым в Анакопийском храме Божьей матери. Был в Коумане*, где почил святой Иоанн Златоуст, помолился у могилы пресветлого епископа Василиска... Что заставило тебя, сын мой, оставить христоролюбивую страну вашу и прийти к нечестивым хазарам?

Дадын уклонился от ответа. Чтобы не обидеть священника, он пожертвовал на строительство церкви несколько золотых монет.

— Да снизойдет на тебя божье благословение за твой щедрый дар, — растроганно сказал священник, крестя седого камарита широкими взмахами руки.

Видимо, он не был избалован щедрыми подаяниями верующих. Откуда рабам взять золото? Расположив к себе священника, Дадын сказал ему напрямик:

— Отец, сюда придет один человек. Устрой так, чтобы я поговорил с ним без свидетелей.

— Он христианин?

— Да.

— Иисус Христос нес свой тяжкий крест на Голгофу за нас грешных. Только спрадианием искупим мы свою вину перед сыном божьим. Обещай ничего не предпринимать, что может озлобить нечестивцев против христиан.

— Покорность была противна характеру Дадына, но он не стал спорить со священником.

— Хорошо, отец.

Священник провел Дадына в хижину и вышел. Его хижина отличалась от других лишь тем, что у входа в нее прибит деревянный крест; внутри было чисто, пахло сухими травами. В углу, под ликом Спаса, светила лампадка. Как только кузнец появился, Ахра дал ему понять, что Дадын ждет в хижине. Но кузнец не вошел в нее. Он остановился у входа и зачерпнул ковшом воды.

— Ты слышишь меня, воин? — спросил он, делая вид, будто пьет.

— Говори.

— Я кахетинец. Люди зовут меня кузнец Гигла. Но не о себе забочусь — о господине моем Шакро, старшем наследнике нашего азнаура Петре.

«Я знаю Петре, встречался с ним еще при дворе царя Стефаноза», — подумал Дадын, продолжая слушать.

— Два года мы томимся у хазар в неволе, — горопливо говорил кузнец. — Мой господин горд и самолюбив; он не захотел стать рабом, и за это каган приказал заковать его в цепи и бросить в яму. Я же кую оружие для хазарских воинов — да повернется оно против них самих, проклятых! Но не слабость духа заставила меня взяться за привычное мне ремесло. Рабский труд мой дает мне хлеб и воду. Ими я делюсь со своим господином. Без этого он давно бы умер от голода и жажды. Мой господин был могучим воином, а теперь жизнь едва теплится в нем. Молю тебя именем христоролюбивой Картли, помоги моему господину вырваться на свободу. Кахети и азнаур Петре не забудут твоего благодеяния. О себе не прошу. Я, неразумный, обнаружил свое умение ковать оружие, и теперь хазары не отпустят меня ни за какой выкуп. — Кузнец оглянулся и заскрежетал зубами. — У-у, проклятый! Я уйду. Хозяин послал сво-

его сына наблюдать за мной. Это собачье отродье идет сюда. Прощай! Да благословит тебя господь!

Кузнец выплеснул воду и, не ожидая, когда к нему подойдет хозяйский сын, отправился месить глину для самана. Некоторое время Дадын оставался в хижине. Осторожность подказывала ему не вмешиваться в это дело, чтобы не осложнить сватовство, но и оставить сына своего старого приятеля гнить в яме он не мог.

2

Сколько лет матери хазарского кагана лучезарной Парсбит, никто не знает, а если и догадываются, то молчат. Об этом могли бы сказать рабыни, которые купали ее в молоке, натирали благовониями, накладывали на лицо белила и румяна, но и они, боясь лишиться языка, никому не скажут о тех следах, которые неумолимое время оставило на теле их грозной повелительницы. Сама Парсбит не обманывала себя; в ее власти было заставить тайно доставленного к ней молодого воина ласкать ее увидевшее тело, но она понимала, что пленять уже не может. Примирившись с этим, как с неизбежным, она направила всю силу изощренного ума на дела хазарского каганата. Оправданием вмешательства в государственные дела для нее было то, что солнцеликий ее сын неизлечимо болен*; она чувствовала, что скоро золотой трон под балдахинном опустеет. Кто взойдет на него? Нет, нет, этого допустить нельзя. Пусть ослабнет божественная сила кагана, но Парсбит не позволит умертвить его раньше, чем истечет срок правления, назначенный им самим**. Кендеркаган Буришад, что означает волк-князь, и чаушир Шоно, что по-монгольски тоже волк, — лукавые царедворцы; они кружатся над каганом, как коршуны над издыхающим верблюдом, и в то же время не спускают глаз друг с друга. Парсбит умело сталкивает этих хищников, но не позволяет им вцепиться друг в друга, понимая, что пока оба заняты тайной борьбой, они не опасны. Стоит ей подать знак верным людям, и оба будут удушены. Но со своим внуком — царем Барджилем — не может сладить. Он не выказывает стремления занять трон отца, но и не отказывается от него. Скрытность Бард-

жиля тревожит Парсбит. «Зачем ему прятать от меня свои намерения? — думает она. — Не хочет ли он устранить меня?»

Острые, ярко окрашенные ногти Парсбит вонзились в расшитую шелком подушку, глаза загорелись. Жажда повелевать была сильнее плотской страсти. «Почему женщина не может быть каганом? Разве я не умна, разве род Хатирлитбер не так же древен, как род каганов Ашина? Разве мой отец не был царем хазар?..»

Зная, что обычной, освященный веками, не разрешает женщине быть каганом, Парсбит готова была примириться с тем, что посетелем божественной власти станет ее внук. Она рассчитывала прибрать его к рукам и править хазарами. Но мальчишка своенравен и скрытен, за ним — войско. Это-то и бесило. Парсбит нахмурила густо насурьмленные брови и хлопнула в ладоши. Рабыня вошла и распростерлась у порога.

— Если Опора трона во дворце, скажи ему, что я хочу его видеть.

Рабыня неслышно вышла. «Он заставляет меня напоминать о себе», — с неудовольствием подумала Парсбит, но встретила внука приветливо.

— Ты совсем забыл свою старую бабушку. Моему сердцу холодно. Согрей его своим присутствием.

Барджиль бросил на бабушку быстрый взгляд, стараясь понять, что означает ее жалобный тон, но увидел только раскрашенную маску, которую странно оживляли блестящие глаза. На юноше — плащ золотистого шелка, под ним кольчуга, искусно сработанная зарикиранскими мастерами*; синие шаровары свисают над мягкими сапогами из красного сафьяна. Заплетенные в мелкие косички волосы схвачены на затылке узлом. Тонкий нос, чуть выпирающие скулы, слегка раскосые глаза и матово-бронзовый цвет лица говорили о том, что в жилах молодого царя течет кровь древнего рода Ашина. Парсбит про себя отметила, что Барджиль даже во дворце носит кольчугу, дабы не подвергнуть себя опасности быть пронзенным клинком тайного врага. Она показала ему на расшитую подушку, но Барджиль остался стоять, опершись локтем на высокую греческую вазу. Легкий дымок из бронзовой курильницы наполнял покои Парсбит благовониями. Она сделала вид, будто не заметила нежелания внука сесть ниже ее.

— Я говорил с гонцами.

— Откуда гонцы?

Барджилю не хотелось посвящать бабку в свои дела. «Получается так, будто я ей докладываю как кагану», — подумал он с неприязнью, но скрывать ничего не стал: новости были важные, и касались они всего каганата. Барджиль же считал, что благополучие страны важнее дворцовых интриг: перед общей опасностью все будут заодно, а опасность была велика.

— Из Картли один азнаур сообщил, что халиф Хишам* снова призвал Масламу заняться делами Закавказья...

— Как, владыка арабов не снес головы презренному сыну рабыни?! — воскликнула Парсбит.

— Он для Хишама удобный человек, — возразил Барджиль. — Как сын халифа и рабыни Маслама не имеет права на трон, и в то же время он — надежная опора омейядов. Мы можем только сожалеть, что у нас нет своего Масламы. Его возвращение на Кавказ означает, что арабы снова пойдут на нас.

«Ты хочешь сказать, что я без тебя не обойдусь?» — подумала она, а вслух сказала:

— Хазарским керханам** не впервые рубить головы почитателям ислама.

Барджиль едва сдержался, чтобы не крикнуть ей: «Что ты понимаешь в воинском искусстве!» Он бросил на нее холодно-презрительный взгляд, напомнивший ей взгляд ее жестокого отца.

— До возвращения Масламы на Кавказ знамя омейядов поручено Санду.

Парсбит вскинула на него встревоженный взгляд, и он понял его значение.

— Да, тот самый Саид ибн Амр аль-Харашин, — с чувством некоторого злорадства подтвердил Барджиль.

— Велика ли его сила? — озабоченно спросила она.

— Лазутчики донесли, что Саид идет с тридцатитысячным войском. Кроме того, халиф дал ему много золота для набора войска на месте.

Парсбит задумалась. Она уже не пыталась скрывать тревогу. Возвращение халифом в Закавказье старых врагов хазар — выдающегося полководца Масламы и грозного Саида — говорило о том, что арабы готовятся к нападению на них. Санд был заместителем Хоросана

и прославился жестокостью во время подавления восстания пенджикентцев. Саид свирепо расправился с руководителем восстания Диваштичем. Халиф Хишам знал, кого послать на хазар, ставших на пути стремлению арабов прорваться в степи Придонья.

— Отправь послов к князьям северных саклабов. Пусть просят помощи войском.

Барджиль покачал головой, показывая всю бесплодность ее совета.

— Саклабы на нас злы: не забыли наших походов на них. Им на руку, если арабы ослабят нас войной.

— Видно, боги лишили их разума. Если мы не оставим арабов, они и их землю предадут огню и мечу...

— Лазутчики донесли, что в Картли неспокойно. Повсему видно: картлийцы поднимаются на арабов,

— Не мешало бы заручиться поддержкой картлийцев, — сказала Парсбит.

Барджиль на это ничего не ответил, подумал лишь, что у его бабки короткий ум: картлийцы не простят хазарам их грабительских налетов, а кахетинцы тем более злы на них за частые набеги и пленение сына Петре. После некоторого раздумья он небрежно сказал:

— Тархан Южук-шад доносит, что приехало посольство от правителя Абазгии Леона.

— А этому что нужно?

— Просят невесту для брата правителя Федора.

Парсбит гневно встала.

— Нашу Чичек* мы отдаем за сына императора ромеев Константина. Лев Исавр стар, Константин скоро сам станет императором. А Федор кто? Брат правителя маленькой страны, подчиненной византийской короне. Он не имеет даже права на правление. Не по чести сватаются абазги. Что ты ответил абазгским послам?

— Я еще не говорил с ними, потому что и в самом деле не знал, что им ответить.

Парсбит торжествующе взглянула на него; она поняла, что ее царственный внук в нерешительности. Если бы он дал согласие на брак Федора с одной из своих сестер, она из духа противоречия воспротивилась бы этому, но раз он не знает, что делать, то кто же должен знать, как не она? Парсбит подошла к курильнице и бросила на тлеющие угли щепотку какого-то зелья. Закрыв глаза, она протянула над курильницей руки;

чувственные ноздри ее трепетали, вдыхая возбуждающий дым. Она резко повернулась к Барджилю. Грудь ее высоко вздымалась от учащенного дыхания. Она смотрела на Барджиля расширенными зрачками.

— Кто знает, где обрывается тропинка жизни?.. Это знают только боги... Мы спросим богов Юлдыз*... Она умна и послушна... Мы отдадим ее за Федора...

Барджиль с плохо скрытым пренебрежением смотрел на бабу, одурманивающую себя дымом конопли. Он и сам уже почувствовал легкое опьянение. «Пусть устраивает судьбы моих сестер—это дело как раз для нее, лишь бы не вмешивалась в дела войска», — подумал он, но на всякий случай спросил:

— А что скажет солнцеликий?

— Солнцеликий спросит богов, и боги откроют ему тайну будущего. Я сама поговорю с солнцеликим.

Они расстались, довольные друг другом. Парсбит отправилась к кагану. Она взяла у чаушира-привратника Шоно очищающий факел и вошла к сыну, не снимая обуви, как того требовал ритуал для тех немногих, кто допускался к кагану. Шоно остался у порога.

3

Верховный владыка хазар сидел у окна. Лицо у него худое и желтое, живот сильно вздут. Несмотря на жару, он кутался в теплый халат. Каган взглянул на мать, но в его тусклых глазах было лишь бесконечное равнодушие неизлечимо больного человека. Вялым движением исхудалой руки он приказал унести раздражающий его огонь. Парсбит отдала факел привратнику и тот, птясь, убрался. Взгляд, который Шоно кинул на кагана и его мать, говорил о том, что ему очень хочется знать, о чем будет разговор. Парсбит внутренне содрогнулась при виде печати смерти, которая лежала на всем облике кагана. Она жалела его как мать, но не желала видеть здоровым. Больной, немощный, он устраивал ее больше; она вкусила сладость власти и уже не могла от нее отказаться.

— Я пришла узнать волю богов, — смиренно сказала она.

По бескровным губам кагана промелькнула едва заметная усмешка. Разве может он сказать, что давно уже не беседует с богами? Раз боги отвернулись от него, о чем ему с ними говорить? Он смотрел в окно и вспоминал о том времени, когда, будучи еще мальчишкой, мчался по степи на необъезженной двухлетке, охотился на сайгаков, спал под открытым небом, подложив под голову седло. О, чего бы он не дал за то, чтобы еще раз промчаться на быстром коне с тяжелым беркутом на руке! Лучше смерть в бою с ненавистными арабами, чем вот так заживо гнить в затворничестве. Жрецы забрали его каганом потому, что этого захотел его отец, бывший тогда царем хазар. Но боги не наделили кагана своей карающей силой, иначе как могло случиться, что в бесконечной войне с арабами он не снискал славы победителя? Как позволили боги врагам разорить прежнюю столицу хазар — Семендер? К чему кагану жены и наложницы, если он немощен? «А мать жива и здорова, — со злобой подумал он. — Что ей нужно?» Он устало поднял глаза на Парсбит.

— Боги молчат, когда их не спрашивают, — ответил он. — О чем я должен спросить богов?

— Хазарскому царству снова угрожают арабы. Что нас ждет?

— Почему об этом говоришь мне ты, а не Опора трона? Или я уже не каган?

Он сказал это тихо, но с такой злобой, что Парсбит в страхе понялась.

— Пришли ко мне Опору трона: волю богов я передам ему.

Видя, что она не уходит, он спросил:

— Что еще?

Кагана утомила вспышка гнева; он откинулся на сиденье и закрыл глаза.

— Прибыло посольство от правителя Абазгии Леона. Простр невесту для брата правителя — Федора.

Вот еще забота — устраивать судьбы своих отпрысков. Их много у кагана. Дети, как молодая поросль, тесно обступили трон, и каждый из них требует своей доли власти, богатства, славы. Всех не удовлетворишь. Каган приблизил к себе лишь первенца — Барджиля, угадав в скрытном юноше сильную натуру; в нем он видел своего наследника. Об остальных сыновьях он мало

заботился. В густой поросли выживут и займут свое место под солнцем самые сильные — такова мудрость жизни. Но дочери доставляли ему немало хлопот: куда их девать? Только удалось уладить дела с замужеством старшей дочери Чичек, как новые сваты пожаловали. И всем им нужно приданое, достойное хазарского кагана...

— Дочери хазарского кагана заслуживают более достойных мужей, чем брат правителя Абазгии, — сказал он ворчливо. — Но на всех царевичей не хватит... Юлдыз подросла, ей пора замуж. Она достаточна умна. Боги помогут ей стать правительницей. Займись этим сама...

Парсбит торжествовала: случайно или по воле богов намерения кагана в отношении брака Юлдыз совпали с ее далеко идущими планами. «Боги благоволят тем, кто знает, чего хочет», — подумала она.

4

На другой день Парсбит и Барджиль приняли абазгского посла. Молодой хазарский царь и его властолюбивая бабка сидели рядом, подчеркивая тем самым равенство своего положения. Дадын сразу сообразил, что в делах сватовства надо искать поддержки у Парсбит. Женщины играли в этом деле важную роль. Он выступил вперед и торжественно произнес:

— Приветствует тебя, лучезарная повелительница хазар, и тебя, славный победитель Джахара, опора трона могучего хазарского царства, богом данный нам владыка Леон Абазгский.

Барджиль слегка кивнул головой, а Парсбит даже не шелохнулась. Что для них Леон Абазгский!

— Мой повелитель, Леон Абазгский, — церемонно продолжал посол, — спрашивает: здоров ли Солнцеликий, носитель божественной силы?

Барджиль нахмурился.

— Здравствует ли Леон Абазгский? — поспешно спросила Парсбит, не давая Барджиллю ответить.

— Бог милостив к нему: он здоров и могуч.

— Благополучен ли был твой путь? — спросил Барджиль, стремясь скорее закончить церемониал. — Не чинили ли наши люди тебе препятствий?

— Путь мой был благополучен, обид от ваших лю-

дей мы не имели, — ответил Дадын, заметив, что на его традиционный вопрос вежливости царствующие особы отделились молчанием, и из этого он сделал вывод, что каган болен. — Наш господин Леон Абазгский шлет вам свои дары, проси прощения за их скудность.

Не давая опомниться Парсбит и Барджиллю, Дадын отступил и жестом приказал внести подарки. Первым вошел Ахра с золотым подносом, на котором сверкала грудка драгоценных камней; за ним шли воины: в руках каждого были огромные, великолепно отделанные туры рога, полные золотых монет и жемчуга, затем внесли золотые чаши, узкогорлые серебряные кувшины, мехи с знаменитым абазгским медом. По тому, как Барджиль и Парсбит обменялись взглядами, старик понял: они удивлены богатством подарков. Этого он и добивался. Пусть не думают хазары, что Леон Абазгский правит обиженной богом страной. Барджиль и Парсбит благосклонно приняли подарки. Медленно, обдумывая каждое слово, Дадын снова заговорил:

— Велико и могуче хазарское царство, славно победами его блистательное войско, а перед сокровищами дворца носителя божественной силы меркнут богатства многих царей. Но наслышаны мы, что дороже всех сокровищ — дивные цветы, что растут в прекрасных садах Солнцеликого. Мы просим божественного подарить нам один чудесный цветок из своего сада, дабы украсить им благословенную землю Абазгии.

Парсбит сделала вид, будто не поняла посла.

— О каких цветах ты говоришь?

— О дочерях Солнцеликого, — поклонился Дадын.

— Нашу Чичек мы уже подарили сыну императора ромеев.

Дадын уловил в словах Парсбит намек на незначительность рода правителя Абазгии по сравнению с родом ромейского императора, но понял, что прямого отказа не получил, и это придало ему смелости.

— Разве род Солнцеликого так скуден, что у него больше не осталось прекрасных цветов?

— Древний род Ашина неистощим, — надменно ответила Парсбит. — У его венца — Солнцеликого кагана — много дочерей и сыновей.

— Абазгии преклоняются перед древним родом Ашина, который дает хазарам каганов. Мы сочтем для себя

за великую честь породниться со столь могущественным родом и отдать себя под его покровительство.

Парсбит сжала тонкие губы и опустила глаза, не зная, как истолковать последние слова посла. Барджиль же, который до этого, казалось, не интересовался разговором, негромко сказал:

— Родство с Солнцеликим ко многому обязывает.

Дадын понял, что молодой хазарский царь ждет от него каких-то заверений. Каких? Женитьба Константина на Чичек означает союз ромеев и хазар против общего врага — арабов. Дадын вспомнил слова Леона: «Абазгия, как просяное зерно между жерновами». Ромеи, хазары, арабы и есть те жернова. Один неосторожный шаг, и абазги окажутся между этими жерновами и будут перемолоты. Понимает ли Барджиль, в какое затруднительное положение он поставил абазгского посла? Не только понимает, но и ждет от него ответа.

— Когда наши предки избрали для своего поселения землю у теплого моря, они не думали, что мы их, потомки, окажемся на большой военной дороге — издали начал Дадын. — Теперь же, когда на побережье появляется превосходящий нас враг, мы уходим в горы. Там мы неуловимы и непобедимы.

— Ты хочешь сказать, что вы, абазги, непобедимы потому, что неуловимы? — в голосе Барджиля послышалась насмешка.

Дадын опустил глаза, чтобы скрыть блеснувший в них гнев, и глубоко вздохнул. Он почувствовал, как у него вспотели ладони. Так всегда бывало с ним, когда он обнажал свой не знающий пощады меч. Но в следующую секунду он уже был спокоен.

— Наша страна — это наша крепость. Абазги не ходят воевать в чужие страны, но свою землю умеют отстаивать. Как ни малочисленно абазгское войско, но все же способно удержать горные проходы против любого врага.

Теперь вспыхнул Барджиль. Он подался вперед и зло спросил:

— Почему вы пропустили через горные проходы к нам арабского полководца Джахара?

Дадын в душе усмехнулся: «Значит, я не ошибся. Здесь-то мы с вами и поторгнемся».

— Опора трона завидно молод, — ответил Дадын —

Он, наверное, не знает, что аланы, подстрекаемые императором ромеев, пролили кровь абазгов за то, что мы хотели быть свободными. За это руками воннов Джахара абазги отоместили аланам. Не наша вина, что агаряне, опьянев от крови аланов, пошли дальше, в ваши степи. Если Абазгия породнится с Хазарией, то для всех ваших врагов горные проходы будут навсегда закрыты.

Барджиль откинулся на спинку трона.

— Правда ли, что в соседней с вами Апсилии арабы держат войска? — спросил он.

— Они были в Апсилии до последнего времени, но сейчас их там нет. Сейчас в столице апсильев Цхуме и рядом в крепости Клисюра стоят ромейские войска. Но агаряне снова могут появиться... — Дадын не договорил.

«Они уже идут, — подумал Барджиль. — Скорее всего мусульмане пойдут на нас проторенным путем через Чора*. Но не исключено, что они выделят отряд и пошлют его в обход, чтобы усмирить восставших картлийцев, а заодно зайти к нам в тыл через горы Абазгии. Хитрый абазг очень хорошо это понимает», — размышлял Барджиль.

Он что-то сказал Парсбит, и та согласно кивнула.

— Сколько жен ваши обычаи позволяют иметь правителю? — спросила она.

Старик внимательно взглянул на Парсбит. Оговорилась она, что ли? Ведь посла сватают невесту для Федора, а не для Леона. Что-то ему не понравилось в ее вопросе. Что именно, — старик не мог дать себе отчет, но раздумывать было некогда.

— Абазги — христиане. Святая церковь велит нам иметь только одну жену.

Парсбит, однако, заметила свой промах и поспешно затушевать его.

— О вашей просьбе будет доложено Солнцеликому. Как он повелит, так и будет.

Хотя вопрос этот Парсбит уже решила, ей не хотелось, ради сохранения престижа, так скоро дать положительный ответ. Но она обнадеживающе посмотрела на Дадына, давая понять, что все зависит от нее.

— Наслаждайтесь отдыхом, — сказал Барджиль. — Южук-шад позаботится о том, чтобы посол абазгов и его люди были довольны пребыванием в нашей столице.

Дады поклонился и вышел. Юкук-шад поспешил за ним. Он взял его под руку и повел длинными переходами в свои покои.

— Мне не ответили на вопрос вежливости о здоровье кагана. Он болен?

— Тс-с, об этом не говорят, — прошептал хазарин. — Здесь всюду уши.

5

В завешанной коврами комнате, куда Юкук-шад привел Дадына, было полутемно и прохладно. Хозяин хлопнул в ладоши. Вошла молодая смяглая красавица; он ласково потеребил ее за ухо и сказал что-то такое, от чего ее щеки вспыхнули. Она стыдливо взглянула на гостя и вышла. Юкук-шад проводил ее потеплевшим взглядом. Через несколько минут она внесла низенький столик, а затем — поднос с едой и узкогорлым кувшином. Все это время Юкук-шад не спускал глаз с ее стройной фигуры. Потом она уселась на подушке в соседней комнате, так, чтобы ее можно было видеть; и начала негромко петь, аккомпанируя себе на маленьком бубне.

— Теперь мы можем говорить спокойно.

Песня красавицы была нежна, соткана из полутонов, ее переходы было трудно уловить. Так в пустыне на ее родине поют в барханах пески. Гортанный напев и негромкий рокот бубна не мешали вести беседу и делали совершенно невозможным подслушивание.

Юкук-шад налил в чашу Дадына, потом себе золотистого пахучего вина.

— Не знаю, какие боги покровительствуют тебе: наши или ваши, но твое дело уже решено.

Дадын уловил в словах тархана веселые нотки и ответил в том же тоне:

— Все боги любят, когда им приносят жертвы, а я немало пожертвовал.

Юкук-шад беззвучно рассмеялся, сотрясаясь тучным телом.

— Но у меня есть еще одно дело; ради него я готов снова принести любую жертву.

Хазарин вопросительно сощурился.

— У вас томится сын кахетинского азнаура. Зачем вы его держите? Разве кахетинцы ваши враги?

Тархан приподнял чашу в знак уважения к гостю. Пил он маленькими глотками, причмокивая и жмурясь от удовольствия. Дадын тоже выпил, отметив про себя, что этим приятным, темного териким вином можно незаметно уопить. «Не хочет ли хазарин меня напоить? Ну, нет, не проведешь. Сколько ты выпьешь, столько и я, а меня тебе не переопить», — подумал старый абазг.

— Люблю хорошее вино. Оно тебе нравится?

— Я чувствую в нем жар солнца и аромат долины Кахети, — ответил Дадын, думая меж тем о том, как бы повернуть разговор в нужное ему русло. Не затем же он сюда пришел, чтобы пить вино и слушать грустные песни красавицы.

— Это вино прислал мне мой друг азнаур.

— А сын моего друга азнаура Петре томится у вас в исноле... За него ты получишь от меня великую жертву для ваших богов.

Из-под пухлых век хазарина на абазга внимательно смотрели желтые глаза не ленивого толстяка, а умного царедворца и политика.

— Ты хитрее, чем я думал, — поощрительно улыбнулся Юкук-шад, — но у тебя есть один недостаток: ты нетерпелив. Однако ты мне нравишься. Мы с тобой будем большими друзьями. — Хозяин снова наполнил чашу. Оба выпили. — Ты думаешь: Юкук-шад толстый и ленивый, Юкук-шад жадный, Юкук-шад всегда спит. — Глаза хазарина в упор смотрели на гостя. — Юкук-шад толстый — это правда, но не ленивый. Юкук-шад берет золото и драгоценные самоцветы не из жадности, а ради того, чтобы не сдохнуть от жажды, когда родник удачи пересохнет под жгучими лучами немилости царя. Юкук-шад никогда не спит. Поэтому его и называют Сова-князь. Он, как паук, повсюду расставил свои сети и все видит и слышит. Юкук-шад верный страж хазарского государства. Но Юкук-шад не всемогущ...

Ты сказал правду: кахетинцы нам не враги, сына твоего друга следовало бы отпустить... Ты друг, тебе скажу: я давно опасался большой войны с арабами, теперь она надвигается. На нас идет меч омейядов — великий полководец Востока Маслама, с ним — лев Пенджикента Саид ибн-Амр аль-Хараши. Зачем в предстоя-

шей битве умножать своих врагов? Надо выпустить сына кахетинского азнаура — он могучий воин, и надо отправить послов к Картлийскому царю Мириану для заключения союза в войне с мусульманами. — Тархан заговорил совсем тихо, склонившись к уху Дадына. — Ты спросил о здоровье Солнцеликого, но тебе не ответили. Я скажу: боги отняли у нашего кагана здоровье и лишили его божественной силы. Они оставили ему только злобу и мстительность. Он не простил азнауру Петре разгрома своего лучшего сторожевого отряда.

— Но ваши воины хотели угнать табун лошадей, принадлежащих азнауру Петре. Его сын защищал свое добро, — возразил Дадын.

— Да, это так, — хазарин сожалеюще покачал головой. — Но каган пока еще каган. — Он улыбнулся, давая понять, что не очень чтит верховного владыку хазар, лишенного божественной силы, но вынужден считаться с обстоятельствами. — Кагану не сказали правды, а изобразили дело так, будто кахетинцы хотели угнать его лучших скакунов. Каган приказал в отместку захватить кахетинцев в плен. Он хотел заставить сына азнаура доить кобылиц, а когда гордец отказался, повелел жрецам, чтобы пленный сопровождал его в страну предков, когда боги призовут кагана к себе.

— А если пленник умрет раньше Солнцеликого?

— Тогда каган прикажет выбросить его тело и будет смотреть, как собаки и коршуны растерзают его.

Некоторое время Дадын сидел, задумчиво опершись подбородком на ладонь и поставив локоть на колено. Казалось, он весь был поглощен пением красавицы. Хазарин искоса наблюдал за ним, думая о том, что боги не зря связали его с этим человеком. Что-то в нем было такое, что вызывало желание сделать этого мужественного и умного старика своим другом.

— Есть ли в твоей паутине люди, которые охраняют тех, на кого пал гнев кагана?

Юкук-шад утвердительно кивнул. Дадын повеселел.

— Два умных человека могут иногда сделать то, чего не сделает войско, — оказал он. — Умертвите кого-нибудь и докажите, что пленник не вынес заточения. Не пойдет же больной каган осматривать труп.

Юкук-шад вокочил на свои коротенькие ножки и стал быстро ходить, словно перекатываясь, по комнате

из угла в угол. Потом остановился напротив Дадына и уставился на него. Он удивился, как эта простая мысль не пришла ему в голову раньше.

Они еще долго шептались под негромкую бесконечную песню красавицы. Потом Юкук-шад, пришедший под действием золотистого вина в блаженное состояние, сказал своему новому другу:

Сейчас ты увидишь такое! чего никогда и нигде не видел и больше не увидишь.

Он сделал знак красавице, и та вошла в комнату. Она сбросила легкий халат и осталась обнаженной, если не считать узенькой набедренной повязки и многочисленных браслетов, звеневших у нее на руках и ногах при каждом движении. Девушка начала танец под плавающие всплески прозрачного шарфа из тончайшего шелка, и сразу Дадын оказался во власти очарования невиданного им доселе мастерства танца. Он не впервые видел танцующих женщин Востока. Он насмотрелся на них в Багдаде, Дамаске, Константинополе, но от эротических телодвижений тех уличных танцовщиц у него всегда оставалось впечатление, как от чего-то испристойного. Сейчас же он не испытывал стыда, потому что видел перед собой удивительно яркий танец-рассказ о драматической борьбе девушки с несчаной бурей. Вот она идет по пустыне веселая, жизнерадостная, жаждущая любви и счастья, но вдруг на ее лицо набежала тень тревоги: она увидела надвигающуюся опасность и заспешила. Но черная буря настигает ее, тревога девушки растет; она беспомощно мечется, не зная, куда укрыться: в глазах страх и отчаяние, руки с мольбой тянутся к небу, тело протестующе извивается, каждая жилка, каждый мускул в нем трепещет, дрожит. Вот первый порыв горячего ветра дохнул на девушку, разметал змейки тонко заплетенных кос. И странное дело: девушка повернулась лицом к буре и приняла вызов стихии — она решила бороться. Движения ее стали порывистыми, будто она преодолевает силу ветра, она закрывает лицо от раскаленных песчинок, но они проникают всюду, жгут, секут слабеее тело. Буря сильнее, девушка уже не может противостоять ей, ноги ее вязнут в песке, ее заносит. И все же она не сдается: в ярости разгребает вокруг себя песок, пытается встать, но дышать нечем; она задыхается, слепнет и все же продолжает ползти.

Душа ее уже сломлена, но молодое тело не хочет сдаваться, жажда жизни заставляет продолжать неравную борьбу. И жизнь побеждает. Буря утихает: еще один-два порыва, и снова сияет солнце; измученная, обессиленная девушка медленно поднимается, отряхивается от песка, и по мере того, как к ней возвращается жизнь, растет в ней радость победы над слепой стихией.

Пластичные движения удивительно гибкого тела были столь выразительны, что даже неискушенный Дадын понимал все, о чем хотела рассказать девушка в своем танце с помощью прямо-таки волшебного шарфика. Юкук-шад верно сказал: ничего подобного Дадын до сих пор не видел. Старик поднялся; движимый чувством искреннего восхищения, он подошел к девушке:

— Как тебя зовут?

Она поняла вопрос.

— Гюльнар, — и опустила прекрасные глаза.

Хотя танцовщица привыкла к тому, что ее тело улаживает взоры, чем-то этот старик ее все же смущал.

— Возьми на память. — Он протянул ей сверкающий камень.

Она испуганно посмотрела на Юкук-шада, тот кивнул, милостиво разрешая ей принять дорогой подарок.

— Никто никогда ей ничего не дарил, кроме меня. Но тебе я разрешаю оделать ей подарок, — сказал хозяин великодушно.

Снова потекла беседа. Дадын спросил, кого из дочерей кагана отдадут абазгам в невесты. Юкук-шад, порядком захмелевший, но не потерявший способности соображать, сказал после некоторого раздумья:

— Юлдыз, да, только Юлдыз. Она не столь прекрасна, как Чичек, но зато здоровьем крепче и умна, похожа на свою бабу, нашу повелительницу Парсбит.

— Почему ваша повелительница спросила, сколько жен разрешается иметь правителю Абазгии?

Юкук-шад сразу превратился в ленивого на вид чиновника: на его совиные глаза опустились пухлые веки, лицо стало непроницаемым. Юкук-шад не был бы тарханом и царедворцем, если бы по случайно оброненным словам своей повелительницы не проник в ее тайный замысел. Но он не выдаст его никому. Все хорошо, что делается для хазарского каганата — таково было его правило. Он покачнулся и привалился к плечу Дадына.

— Великие спрашивают о том, о чем хотят знать, — невнятно пробормотал он.

Но старый абазг был не из простаков. «Он не так пьян, как показывает, — подумал Дадын. — Просто он не хочет говорить. Значит, тем более я должен узнать, что кроется за вопросом Парсбит».

Хазары не рискнули везти Юлдыз в Абазгию через Дарьял и Картли: на этих хоженных врагами путях велика была опасность попасться на глаза какому-нибудь летучему арабскому отряду, а свадебный караван — не разъезд: в нем пять украшенных серебром повозок, та, в которой ехала Юлдыз, обита золотыми пластинками, внутри отделана дорогими мехами и парчой; две тысячи кобылиц с жеребятами, пятьсот мулов, две сотни двугорбых бактрийских верблюдов, а малорослых, хазарских — более тысячи; овец тысяч пять, да людей — знати, керханов и погонщиков — целая армия! Парсбит хотела направить караван кружным путем, чтобы обогнул он Кавказские горы с запада через земли аланов и адыгов, а там берегом моря добрался до Анакопии, но Барджиль решительно настоял на том, чтобы отправиться его через горы. Хоть и труден этот путь, зато много короче. Главной целью, однако, было, не это. Барджиль приказал начальнику свадебного каравана тархану Тугузу Багадур-шаду разведать дорогу, которой в свое время арабское войско под командованием Джыхара проникло в самое сердце Хазарии. Так ли действительно труднодоступен этот путь, как говорит старый хитрый абазгский посол, и есть ли уверенность, что абазги способны закрыть его для врагов?

Если бы Юлдыз знала, сколь трудным и опасным окажется путешествие, она, пожалуй, вообще не согласилась бы ехать в Абазгию, но теперь назад не повернешь, да ее, собственно, и не спрашивали. Выглядывая время от времени из повозки, Юлдыз смотрела в ту сторону, куда медленно тащился караван, но смотреть пока особенно было не на что — кругом знакомая степь. Потом стали появляться увалы. С одного из пологих холмов Юлдыз увидела однажды сквозь дрожащее ма-

рево полдневного зноя далекую синюю громаду. Сначала она приняла ее за грозовые облака, но время шло, а грозы не было — синяя громада оставалась неподвижной и все еще далекой. Когда же старая нянька — ромейка Софья оказала ей, что это горы, Юлдыз радостно захлопала в ладоши. Значит, скоро конец пути, а там — ее нареченный. Созрев для любви, она томилась ее ожиданием. Но шли дни, а караван еще только подползал к горам, и по мере того, как они росли перед глазами Юлдыз, радостное нетерпение встречи с нареченным в ней угасало, и было от чего. Горы вставали перед караваном, казалось ей, непреодолимой стеной; они заслонили полнеба, вознесясь выше облаков. Дорога сузилась, стала петлять, уводя все выше и выше.

— Что это там, вон, видишь, наверху белеет? — Юлдыз показала на вершины.

— Звездочка моя, это снег, — сказала нянька.

Глаза Юлдыз расширились.

— Как я там буду жить?.. Там и летом снег, холодно... — Она залилась слезами. — Я хочу домой!

И все же это были еще не горы, а предгорье. Настоящие горы начались еще через два дня, и вот караван очутился в самом сердце их. Взгляд Юлдыз, привыкший к степному простору, повсюду наталкивался на них, как на стену; девушке казалось, что горы наступают, давят, а нависшие скалы вот-вот обрушатся на караван. Когда ее скрипучая повозка проезжала по-над краем пропасти, она забивалась в угол и жмурилась. Хазары тоже жалась к скалам, опасливо косились на жадно разверстые пропасти. Дадын посоветовал Тугузу оставить повозки, но тот скорее дал бы себя удавить, чем допустил, чтобы дочь кагана прибыла в Абазгию не с подобающим ей почетом. Он приказал разобрать повозки и навьючить их на верблюдов. А путь час от часу становился трудней. Временами Тугузу казалось, что караван зашел в тупик.

— Верно ли идем? — спрашивал он.

— Путь нам исстари известный, тархан, идем правильно, — успокаивал его Дадын.

И действительно, за скалами открывалась узкая щель; за ней тропа уводила под облака. Хазарские лошади боялись обрывов, храпели, пятились, верблюды тоже проявляли беспокойство. Дадын сказал Тугузу:

— Тархан, пересади невесту и сам пересядь на нашего коня. Абазгские лошади к горам привычны, за ними и ваши смелей пойдут.

Тугуз очень скоро оценил совет Дадына. Маленькие абазгские лошади легко взбирались на кручи, без боязни проходили по самому краю обрыва. Юлдыз замирала от страха, когда ее лошадь с чуткой осторожностью преодолевала коварные осыпи. Много возни было с верблюдами: гордые корабли пустыни чувствовали себя в горах неуверенно, капризничали, кричали, ложились, но их заставляли идти, потому что сворачивать некуда: хочешь не хочешь — иди, карабкайся вверх. Мулы же были невозмутимо спокойны и послушны. Когда поднялись на перевал, Дадын сказал Тугузу:

— Отсюда уже наша земля.

Но впереди — те же горы, и не было видно им конца. Над ними клубились облака, в расщелинах лежал снег; кое-где он длинными языками высывался из теснин, и оттуда веяло холодом. Крепкий ветер с юга свистел в скалах; орлы, распластав крылья, кружили над караваном; они ждали добычи, и она им доставалась — несколько лошадей и верблюдов сорвалось с тропы. Хазары не стали даже смотреть, куда они подевались. Горные луга манили сочным разнотравьем; скот жадно тянулся к нему. А ниже — темный дремучий пихт'ач. Дикая первозданная земля абазгов была сурова и величественна. Юлдыз обреченно озиралась. «Куда меня привезли? Какая неприветливая страна! Разве можно здесь жить? Наверно, мой нареченный такой же страшный, как и его земля», — тревожилась юная хазарка.

Дадын снял с себя дорогой пояс и положил у подножья скалы. Тугуз увидел здесь много подобных подношений; некоторые из них истлели, иные были, видимо, положены недавно. Он понял: старый абазг задабривает какого-то горного бога. На всякий случай и он оставил у скалы на перевале золотой арабский динар. Кто его знает, этого абазгского бога, еще столкнет в пропасть. Лучше не гневить его, а из-за одного стертого динара он не обеднеет. Тугуз всматривался в горы и подступы к перевалу, прикидывал: полсотни воинов остановят здесь тысячный отряд, а тысяча — армию.

— Джахар здесь прошел?

— Здесь. Но ты видел лишь половину пути. Там, —

Дадын показал на юг, — есть большая быстрая река и еще один перевал. Ты их увидишь. Теперь абазгский путь навсегда закрыт для наших и ваших врагов.

Тугуз удовлетворенно кивнул. «Опора трона правильно рассудил: Юлдыз — не слишком большая цена за то, чтобы абазги охраняли горные проходы?», — подумал он. Дадын прервал его мысли.

— Поспешим, тархан. Духи гор не любят, когда здесь остаются на ночь.

7

Для встречи хазарской невесты Леон приказал всем главам родов отрядить лучших своих людей и с ними явиться в Анакопию. Но прежде чем отправиться навстречу свадебному каравану, придирчиво осмотрел их. Видом людей из рода Дигуа он остался доволен: они приехали в праздничных одеждах, их лошади были вычищены и под дорогими седлами. Сам Дигуа красовался в куньей шапке и шелковом плаще, под которым блестела чешуя кольчуги. Древний род Дигуа богат и многочислен; он издавна близок правителям, а у абазгов в чести. Хороши были и дадыновцы: молодец к молодцу, рослые, сильные, оружие у всех отменное, пригнано умело, и лошади у них лучше. Сразу видно — воины. Дадыновцев возглавлял Ахра. Он вернулся из Хазарии раньше других предупредить Леона о выходе свадебного каравана. Дигуа и его сын Сияс с неприязнью косились на дадыновцев. «Худородные камариты. Награбили, вперед вылезли. Но мы еще поглядим, кто Леону верный слуга», — ревниво думал Сияс.

Леон обратил внимание на то, что из Цандрипша никто не приехал. Видимо, дадал Мидас не пустил. Он был почти рад столь открытому проявлению враждебности Мидаса, «Меньше потом придется объяснять другим дадалам», — подумал Леон. С каждым днем в нем крепла решимость покончить с цандрипшским дадалом и его сыном Гобаром. Он ждал лишь повода.

Федор по пятам следовал за Леоном, то и дело бросая на него умоляющие взгляды, но тот делал вид, будто не замечает — знал он, чего хочет брат, но нельзя

68

жениху раньше времени показываться невесте. При виде людей дадала Малхаза Леон сдвинул брови.

— Дочь кагана встречаем, а с ней знатные хазары. Посмотрят на вас, скажут: абазги — дикари.

— Думал, в горы идем, зачем рядиться...

— В горы, да не на охоту! Не поедете с нами!

Малхаз взмолился:

— Не позорь, апсха! Переоденемся, лошадей сменим...

— Чтобы завтра утром у переправы были в достойном виде, — строго предупредил Леон.

Окрестные абазгские и многие апсильские поселения опустели. Все, кто был опособен сидеть в седле, поехали встречать хазарскую невесту. Не каждый день такое увидишь. Леон встретил караван задолго до того, как он вышел на побережье. Лихие всадники с гиканьем и гортанными возгласами вылетели на поляну, как только на ней показалась голова каравана, и завертелись в бешеном вихре вокруг раззолоченной повозки Юлдыз. Степняков-хазар ездой на коне не удивишь, но, увидев джигитовку абазгов, они одобрительно зацокали языками. Быстрые кони абазгов на полном скаку вдруг упирались всеми копытами во влажную землю и скользили по ней, как по льду, или, вздыбившись, внезапно поворачивали в обратную сторону, а всадники при этом успевали поднимать с земли мелкие предметы, подбрасывать и ловить их на лету, метко стрелять из луков. Всадники и лошади были слиты словно кентавры.

Леон сказал Тугузу Багадур-шаду, как представителю знатнейшего хазарского рода Хатирлитбер, должное почтение. Спросил о здоровье кагана, царя Барджиля и Парсбит, справился, как невеста перенесла дорогу, осведомился о здоровье самого Тугуза и благополучии его стада, о состоянии сопровождающих караван знатных хазар и керханов. Но подробнее о невесте расспрашивать не стал. Это можно было понять и как дань обычаю, и как желание оставить главный разговор на более приличествующее время. Родовитый хазарин изучающе смотрел на Леона. Когда толмач начал было переводить слова правителя Абаэгни, он оказал, что не надо.

Ответив Леону, как того требуют приличия, он проговорил:

— Трудный путь через горы и реки мы совершили

69

без препятствий. Твои люди позаботились о переправах и о нашем благополучии. Я доволен.

Тугуз тут же подкрепил свою благодарность мешочком золотых монет, который Дадын почтительно принял. Багадур-шад говорил по-гречески свободно, даже с некоторой изысканностью, чем могли похвастаться далеко не все родовитые хазары.

— Если до Анакопии путь недалек, то мы остановимся на этой удобной поляне.

Тугуз вопросительно взглянул на Леона, но тот вежливо сообщил:

— Скоро будет большая равнина с хорошим пастбищем и водопоем, и от Анакопии близко.

Тугуз кивнул в знак согласия и приказал каравану двигаться дальше. Они ехали бок о бок. Леон время от времени ловил на себе по-змеиному холодный, неподвижный взгляд Тугуза; он никак не мог отделаться от ощущения какой-то опасности, но потом оно прошло. Леон рассказывал Тугузу об Абхазии и ее народе, о возможности нашествия арабов..

— Какие у вас отношения с императором? — спросил как бы между прочим хазарин.

— На Божественного мы не в обиде, — несколько уклончиво ответил Леон.

Ему не хотелось говорить знатному хазарину о зависимости Абазгии от Византии, ведь неизвестно, как он воспримет эти сложные взаимоотношения.

Тугуз мало говорил, больше спрашивал. У Леона создалось впечатление, что хазарин знает больше того, о чем он ему рассказывает, и как будто взвешивает его ответы. Это Леону не нравилось. Он перевел разговор на мелочи. Тугуз понимающе взглянул на него и загадочно, как показалось Леону, улыбнулся.

Женское любопытство пересилило гордость кагановой крови — Юлдыз украдкой выглядывала из повозки; она пугалась и удивлялась ловкости абазгских всадников. Когда караван снова двинулся вперед, абазги затянули песню; ее своеобразный напев, казалось девушке, исходил из скал, ручьев и могучих деревьев, мимо которых тащилась ее повозка. Будто не абазги, а сама их земля приветствовала ее торжественной песней. Юлдыз и сама умела петь; она подстроилась к голосам

абазгов и начала потихоньку вторить им. Нянька с лукавой улыбкой пошутила:

— Звездочка уже поет по-абазгски?

Юлдыз засмеялась..

Перед вечером караван остановился на виду Анакопии. Хазары тотчас же поставили свои юрты, а для знати разбили шатры; самый большой из них, с золотым гранатовым цветком на макушке, — для Юлдыз. Она вышла из опостылевшей повозки и остановилась пораженная: Анакопия розовела под закатным светом; палевое море показалось ей продолжением неба, словно она стояла на краю бездонного обрыва; увидев атласные переливы едва приметных волн, Юлдыз задохнулась от восторга. Даже в сказках няньки не было подобного чуда. А за спиной в синей предвечерней дымке тонули горы. Теперь они не казались ей страшными — напротив, преодолев их, она почувствовала себя приобщенной к их гордому величию. Многотысячная толпа абазгов и апсиров шумно приветствовала появление Юлдыз. Она прикрыла лицо и юркнула в шатер. Некоторые сверхзоркие анакопийские женщины успели заметить, что хазарка сильно нарумянена, и нашли этому объяснение: она-де за румянами прячет свое уродство. В женщинах говорила ревность. Зачем было везти невесту для Федора из-за гор? Разве в Абазгии и Апсии перевелись красивые девушки? Еще не видел как следует Юлдыз, многие анакопийки ее невзлюбили.

А Федор не находил себе места. Уже многие видели его невесту, архиепископ Елифан послал к ней ромеек приобщить ее к христианству, уже шли приготовления к свадьбе, а он ее так и не видел. Трудно было смириться с этим юноше, который томился желанием хотя бы одним глазом взглянуть на свою невесту. Помог ему Сияс — постоянный спутник Федора на охоте и устроитель всех его юношеских забав. Они переоделись простыми поселянами и отправились в хазарский стан. Абазги бывали там запросто; многие из них уже познакомились с диковатыми гостями, а во время ристалища, когда те и другие показывали свое искусство владеть конем и оружием, даже подружились. На Федора и Сияса не обратили особого внимания. Кружа между юртами и шатрами, будто любопытства ради, они приблизились к большому шатру, обогнули его, и тут Сияс

остановился, не решаясь идти дальше, а Федор сделал еще несколько шагов. Юлдыз и ромейка сидели у моря на ковре и о чем-то оживленно разговаривали. Два вооруженных воина стояли неподалеку: они охраняли дочь кагана. Федор видел тонкий девичий стан, закутанный в голубой шелк, множество косичек, спадавших на спину и закрывавших лицо девушки. Юлдыз, будто почувствовав пристальный взгляд постороннего, обернулась и обдала Федора желтым светом глаз.

— Золотоглазая! — прошептал пораженный юноша. — Я назову ее Хиблой.

Ее янтарные глаза под тонкими бровями вразлет выразили живой интерес и недоумение: так близко она видела абазга впервые; этот юноша с пробивающимся пушком над верхней губой смотрел на нее с таким открытым восторгом, что она смутилась и прикрыла лицо; она была польщена тем впечатлением, которое произвела на молодого абазга. Женщина, даже если в ней течет царская кровь, не может оставаться равнодушной к тому, кто ею восхищен. Хазарские воины, однако, решили, что молодые абазги слишком много себе позволяют, рассматривая дочь кагана, как каменную бабу на кургане; они с решительным видом направились к юношам. Федор и Сияс поспешили уйти.

— Сияс, у нее золотые глаза! — взволнованно говорил Федор. — Я не рассмотрел ее лица. Она красива?

Сияс рассмеялся. Смотрел на свою невесту и не увидел, красива ли она? Откуда ему было знать, что зерно любви уже созрело в юной душе Федора, и стоило ему упасть на подготовленную почву, как оно моментально проросло. Но одно хорошо знал Сияс: он угодил брату правителя, а это было для него самым главным. Он умело подогревал юношескую страсть Федора, так как, будучи старше, уже кое-что в этом смыслил.

Хазары торопились. Зима в горах наступает рано, а Тугуз хотел вернуться тем же путем. Он настоял на том, чтобы под договором, обязывающим абазгов охранять перевалы от врагов хазарского каганата, стояла и подпись Федора. Леона удивила настойчивость, с какой Багадуш-шад требовал соблюдения этой формальности, но особенно возражать не стал: в конце концов, Федор его брат и сопровитель. Он не задумывался о том, какую цель преследуют этим каган и Парсбит, а надо

было б задуматься, потому что этим требованием началось осуществление их замысла сделать Федора правителем Абазгин, а Юлдыз — его сопровительницей. Для того, чтобы Федор в будущем не отказался от своих обязательств, им нужна была его подпись под договором.

К обряду крещения Юлдыз отнеслась с любопытством, но когда в Большом храме стала рядом с Федором под венец, ею овладело страшное состояние, похожее на оцепенение. Оно возникло в тот момент, когда она узнала в Федоре очарованного ею молодого абазга. Юлдыз на миг вокинула на него изумленные глаза и потом уже до конца венчания не поднимала головы. Федор тоже смотрел себе под ноги. Они были оглушены близостью друг к другу, оба трепетали перед тем неизведанным, чему давали обет; они стыдились смотреть людям в глаза, машинально повторяли слова, которые им подсказывали, непослушными будто чужими ногами ходили вокруг аналая. Абазги обсуждали достоинства и недостатки невесты. Мужчинам она нравилась, а женщины находили ее неприятной. Они язвительно перешептывались:

— У хазарки глаза, как у лисы...

— Как у рыси...

— Да что там — раскосая! Вы только посмотрите!..

— Она лошадиное молоко пьет...

Но были и иные разговоры, знай о которых, Леон и Дадын заставили бы болтунов прикусить языки.

— Загорелось ему. Раньше старшего брата женится. Еще усы не отросли. Мог бы подождать... — шептал Малхаз, наклоняясь к уху Дигуа.

— Леон тоже скоро возьмет жену, — ответил тот.

— Кого?

— Дадынову внучку... — Малхаз озадаченно вытаращил глаза на Дигуа.

«Осадить, осадить его надо, как зарвавшегося коня», — подумал о Дадыне Дигуа. Его ненависть была бы еще сильнее, если бы он знал, что мысль женить Федора на дочери кагана подсказана Леону Дадыном.

Анакопия пышно праздновала свадьбу. К богатому приданому невесты все главы родов добавили свои подношения. Самый дорогой подарок Федору преподнес Сияс. Эта был большой турий рог, наполненный золо-

тыми монетами. Свадебное пиршество, перемежаемое джигитовкой, борьбой и стрельбой из луков, продолжалось несколько дней. Все это время Федор томился ожиданием. Наконец, ему разрешили отправиться к молодой жене. Его сопровождал Сияс. Он видел, что Федор бледен и едва передвигает ноги.

— Будь мужчиной, иди смело.

Сияс жарко зашептал ему на ухо наставления. Федор вспыхнул и оттолкнул непрошеного советчика.

Юлдыз сидела на постели, но тотчас же встала и со страхом стала следить за ним. Он нерешительно ходил по комнате, бросая на нее смущенные взгляды, потом остановился перед ней. Наконец они могли разглядеть друг друга. Девушка робко сказала:

— Я забыла свое новое имя.

Федор рассмеялся.

— Тебя называли Ефросиньей, но ты Хибла—это значит золотоглазая. Я всегда буду тебя так называть.

— Хибла, — повторила она с доверчивой улыбкой. — Красивое имя.

Глаза ее сверкнули, обдав Федора жарко вспыхнувшей радостью. Она сняла с себя пояс с маленьким кинжалом и бросила ему под ноги. Он с недоумением смотрел на нее, не зная, как это понять.

— Теперь я твоя раба, — сказала она, краснея и опуская голову...

Хазары ушли сразу после свадьбы, оставив весь скот и лошадей, предназначенных в приданое. С Юлдыз Тугуз оставил лишь няньку, нескольких рабов и врачавателя — тибетца Шан Биби. В ночь перед уходом тархан и врачеватель допоздна беседовали с глазу на глаз.

МАРИНЭ

Не должно достигнутым смертью врасплох, всего, что хотел, не свершив на земле, тебе, властелину, сокрыться во мгле.

Фирдоуси

1

Абазги и апсилы связывают свои знаменательные даты с каким-нибудь памятным событием; они говорят: это было в год большой воды в реках, или — это произошло в то лето, когда падали звезды. И те и другие помнят тот год, когда спафарий Лев был в их краях. Этот человек, оставивший кровавый след на земле абазгов и ставший впоследствии императором Византии, сыграл заметную роль в истории Ассилии и Абазгии.

Выполнив коварный замысел императора Юстиниана II — руками аланов наказать абазгов за попытку отложиться от империи, — Лев надолго застрял в горах. Он знал, что абазги охотятся за ним. Они предложили аланам за него много золота. Те, для видимости, согласились передать Льва абазгам, но, получив золото, отбили спафария. Однако абазги не теряли надежды отомстить ненавистному посланцу императора. Лев каждую минуту ждал их беспощадную стрелу и проклинал судьбу. Все знали, что император послал Льва на это опасное дело в надежде избавиться от честолюбивого исаврита. Это не было секретом и для него самого.

— Как я выберусь отсюда, одному богу известно! Но идти через землю абазгов не имею никакой охоты, — сетовал Лев на свое затянувшееся пребывание у аланов.

До него доходили смутные слухи о разгоравшейся борьбе среди византийской знати за престол империи.

Находясь далеко от разворачивающихся событий, он был бессилён что-нибудь предпринять, и это приводило его в ярость и отчаяние. Он боялся опоздать. Но Льву повезло, как везет всем людям, умеющим использовать обстоятельства. Как-то аланы сообщили ему о том, что в Апсилии находится какое-то византийское войско. Лев попросил немедля провести его к нему. Правда, это оказался лишь небольшая отряд, состоявший из ромейских и армянских воинов; он скрывался от арабов в горах, добывая себе пропитание грабежом. Войны страшно растерялись, увидев в глухом лесу грозного спафария, и беспрекословно отдали себя под его начальство. Узнав, что «Железная крепость» — Тсахар, расположенная на границе Апсилии и Мисиминии, находится в руках арабов, Лев решил её захватить. Комендантом крепости был армянин Фарсман. Лев подослал к нему своих лазутчиков-армян с предложением сдать крепость без боя. Фарсман высокомерно отказался. Взять крепость силами двухсот воинов нечего было и думать, но овладеть ею нужно было во что бы то ни стало. В замыслах Льва ей отводилась важная роль. Он должен вернуться в Константинополь в ореоле славы. Посланный один, без войска, в этот забытый богом угол империи, он не только не сложил голову, как втайне надеялся император Юстиниан, но выполнил труднейшее задание — усмирил абазгов и попутно захватил неприступную «Железную крепость», вернув тем самым Апсилию империи. О, как зелены будут лавры Льва, когда он вернется в Константинополь! Кто же, как не он, блистательный спафарий Лев, родом из славной Исаврии, достоин будет занять трон империи в час смертельной схватки с арабами? Только он, отважный Лев. Войны поддержат своего кумира. Он знает, как привлечь их на свою сторону. Таким был ход рассуждений честолюбивого исаврита. Время показало, что этот хитрый политик и дерзкий военачальник не ошибся в своих расчетах.

Да, спафарию очень нужна была «Железная крепость». Он решил заручиться помощью апсильов, но для этого ему надо было встретиться с их правителем Маринэ. Они встретились на лесной лужайке. Лев был в исаврийской тоге, под которой поблескивали латы. Высокоский, с бритым черепом и резкими чертами лица, с хо-

лодным, неотступно следящим за собеседником взглядом и плотно сжатым ртом, он являл собой тип властного до жестокости военачальника и политика, какими были вершители судеб Византийской империи. На Маринэ — арабский шелковый плащ, под ним простая рубаха льняного полотна. Гордая посадка головы и внимательный взгляд темных глаз выдавали в нем человека смелого и умного, а густая, полуседая борода внушала почтение. Некоторое время оба молча разглядывали друг друга, потом Маринэ сказал:

— Ты звал меня, спафарий, я пришел, и уши мои открыты.

— Я давно слышал о твоей мудрости и доблести. Теперь же рад приветствовать тебя самого.

Ни один мускул не дрогнул на лице Маринэ; он только чуть кивнул, показывая, что слушает. Он понимал; знатный исаврит искал встречи с ним не для того, чтобы сказать эти льстивые слова. Но пусть надменный посланец императора не ждет ответной лести.

— Зачем натравил аланов на абазгов? — спросил он сурово. — На тебе кровь наших братьев.

Лев ждал этого вопроса. Он знал, что апсилы и абазги, хотя и живут в разных областях, но по языку и обычаям почти не разнятся и друг с другом не враждуют, считая себя братьями.

— Это прискорбно, — сказал Лев. — Но такова была воля Божественного императора. Он не прощает измены. Я же — его меч. Разве можно упрекать меч за то, что он делает, находясь в руках воина?

— Стремление к свободе — не измена, — возразил Маринэ. — Если апсилы захотят жить по своим древним обычаям, император сочтет это изменой?

— А разве вы живете не по своим обычаям?

— Да, по своим обычаям живем. Почему же император считает абазгов изменниками, а нас нет?

— Вы верны империи, а абазги желают иметь над собой никакой власти.

Маринэ что-то взвешивал в уме, потом спросил:

— Почему ты говоришь: мы верны империи, а не императору?

Лев вскинул на него удивленный взгляд. «Уж не проник ли этот лесной царек в мои тайные замыслы? Но чем он может быть мне опасен? А все же лучше его

иметь союзником. Он мне нужен», — подумал Исаврит.

— Императоры смертны, империя же вечна. — И, не давая Маринэ опомниться, Лев перешел в наступление: — Как можешь ты, архонт, мириться с тем, что в твоей крепости сидят проклятые мусульмане?

Маринэ понял: теперь с ним говорит посланник императора, но это его не смутило.

— Кто сказал тебе, что я примирился? Крепость — не вся Апсилия. Мусульмане сидят в ней, не смея сделать за ее стены ни шагу.

— Не думаешь ли ты, что мусульмане сдадутся?

— Так и будет. Они уже едят своих лошадей. Скоро начнут грызть друг друга. — По лицу Маринэ промелькнула злая усмешка.

— Ждать нельзя. К врагам может подойти подкрепление, и тогда вся твоя страна снова окажется в их власти. Крепость надо взять немедленно.

Маринэ покачал головой.

— Зачем спешить? Когда каштаны поспеют, они сами упадут к нашим ногам.

Но Лев не мог и не хотел ждать.

— Ты бережешь своих воинов — это достойно похвалы. Но победа капризна: упустишь ее благосклонность сегодня, — завтра она повернется к тебе спиной! Если сможешь мне взять «Железную крепость», будешь архонтом объединенных областей Апсилии и Абазгии. Я, спафарий Лев, обещаю тебе это.

По тому, как побледнел Маринэ, Лев понял: он попал в цель. Это было давнишним стремлением правителя Апсилии. Не его вина, что нашествие арабов связало ему руки. Не будь этого, Маринэ сам сумел бы объединить апсиров и абазгов в тот момент, когда аланы, по наущению Льва, опустошили Абазгию. Тогда был хороший повод выступить. Можно было сказать, что апсилы пришли в Абазгию помочь своим братьям изгнать аланов. Но теперь Апсилия ослабла в борьбе с арабами, и Маринэ пришлось отказаться от намерения выступить в роли объединителя. И вот дьявол в образе Исаврита искушает его испытать свою судьбу.

— Дай мне подумать, спафарий. Завтра утром ты получишь ответ, — сказал Маринэ.

Наутро к лагерю Льва пришли триста хорошо во-

оруженных воинов-апсиров во главе со своим правителем.

— Веди нас, спафарий, — коротко сказал Маринэ.

Когда Фарсман увидел высыпавших из лесу воинов Византии и апсиров, он понял, что ему не на что надеяться. Он знал о существовании в горах Апсилии отряда полуодичавших голодных византийских воинов и не боялся их даже после того, как отрядом стал командовать прославленный спафарий Лев. Теперь же, увидев с ними воинов Маринэ, Фарсман понял, что апсилы от отдельных налетов перешли к общему наступлению. Он послал к Льву своего сына в качестве заложника и предложил мир. Исаврит холодно ответил:

— Передай отцу и начальнику: я предлагал ему мирный исход, он не захотел; теперь я не хочу. Готовьтесь к битве.

Когда сын Фарсмана ушел, Маринэ еще раз попытался предотвратить кровопролитие.

— Зачем напрасно жертвовать людьми? — сказал он. — Пусть уходят.

Но Льву нужна была только блистательная победа!

— Отпусти их — они потом вернутся с еще большей яростью и причинят зло твоей объединенной стране. Самый лучший враг — мертвый.

— Пусть будет по-твоему, — окончательно сдался Маринэ. — Сегодня ночью мои воины проникнут в крепость и откроют ворота. Будь готов.

Люди Маринэ давно уже следили за осажденными. Они заметили, что по ночам арабы спускаются к реке за водой, Маринэ решил этим воспользоваться. Исполнителем своего предприятия он избрал ловкого и смелого воина. Это был Сергей, известный у апсиров под прозвищем Апста зыхьчо, что значит охраняющий ущелье; прозвище перешло к нему от деда и отца и постепенно распространилось на весь род. Этот род жил перед входом в Тзибильское ущелье; он первым принимал на себя удары иноземных завоевателей. Сородичи Апста зыхьчо мужественно обороняли горный проход, давая возможность землякам, смотря по обстоятельствам, либо собраться для отпора врагу, либо уйти в горы с семьями и скотом. Вследствие этого некогда могущественный род Апста зыхьчо сильно обезлюдел, но и сейчас он был в большой чести у апсиров.

Как только стемнело, Апста зыхьчо взял с собой мехи для воды и тайным путем проник к тому месту, где арабы брали из реки воду. Здесь он залег, притаившись за большими камнями у самой воды. Он долго лежал, прислушиваясь к мопотонному шуму реки и вою шакалов. Эти ночные твари чувствовали предстоящее пиршество — их много собралось у крепости. В самую глухую пору темной беззвездной ночи Апста зыхьчо услышал, как сверху скатился камень. Идут! Апсил начал было считать крадущиеся темные силуэты, но бросил, решив, что чем больше людей спустится к реке, тем легче будет с ними смешаться. Люди наполняли мехи и бесшумно поднимались к крепости. Апста зыхьчо тоже наполнил свой мех и без труда присоединился к молчаливым водоносам. Едва апсил вошел в крепость, как у него отобрали полный мех, а взамен сунули в руки пустой. Пришлось совершить повторное путешествие к реке. Вернувшись, он сдал кому-то мехи и загаился за стеной. Когда водоносы разошлись, Апста зыхьчо стал пробираться к главным воротам. На стенах крепости маячили темные силуэты вооруженных людей. Это была стража. Сегодня она была усилена. У самых ворот апсил наткнулся на араба, который ходил взад-перед перед глубокой аркой подворотни. Улучив момент, когда араб повернулся к нему спиной, Апста зыхьчо обхватил его левой рукой за шею, а правой вонзил нож в сердце. Араб захрипел и медленно повалился на бок. И тут случилось непредвиденное: у самых ворот, оказывается, спал на земле еще один воин. Апста зыхьчо не заметил его в кромешной тьме и, когда нащупывал засов, наступил на спящего. Тот вскочил и, почуввав неладное, закричал:

— К оружию, правоверные, к оружию! Враг в крепости!

Апста зыхьчо ударил его ножом в бок; араб, умирая, простонал:

— Азраил, проводи меня в эдем...

Стража всполошилась, но было поздно — в распахнутые ворота хлынули апсильские и византийские воины во главе с Маринэ. Захваченные врасплох, арабы металась в предрассветной мгле и падали под ударами мечей и стрел. К восходу солнца все было кончено. Апсилы вылавливали отдельных затаившихся арабов и

добивали их или брали в плен. Среди убитых Маринэ нашел Фарсмана. Он лежал, так и не выпустив из рук меча, который на этот раз не попробовал крови. Между ребер у него торчала апсильская стрела. Маринэ оставался, чтобы лучше рассмотреть коменданта крепости. В это время из-за обломка стены выскочил сын Фарсмана с занесенным мечом. Апста зыхьчо прыгнул ему наперерез и принял удар на себя. Маринэ обернулся и взмахнул мечом; несчастный юноша упал рядом с отцом.

Маринэ приподнял спасителя и ужаснулся: чуть ли не половина лица война была рассечена. Он поднял его на руки и понес. Искусный знахарь, всегда сопровождавший воинов Маринэ, уже спешил ему навстречу. Передав знахарю раненого, Маринэ сказал:

— Лечи его, как лечил бы меня. Это мой побратим.

Апста зыхьчо остался жив, и не было у Маринэ чело- века более близкого и верного, чем он.

2

День догорал. Тучи набухли кизилковым соком заката; лиловые горы кутались в них, как пастух в бурку перед ненастьем. Светлячки пробовали в глубине кустов свои фонарики, собираясь лететь на простор выползающей из ущелья ночи. Слышнее стал голос Кодора; река почуяла прибывающую к ней с гор с тальми водами грозную силу и будто сердилась на тесноту своего каменного ложа. Где-то в лесу ухнул филин, ему ответили жалобным плачем и причитаниями вечно голодные шакалы. Пара черных воронов пролетела на ночлег в горы. Маринэ смотрит на густеющие тени, слушает голоса родной природы и думает о прожитом. Глубокий вечер его жизни так же печален и тревожен, как этот багровый закат.

Маринэ был старым и седым уже тогда, когда нынешние старики были молодыми людьми. Но что с того, что слава о первейшем человеке среди апсиллов разнеслась по всему Кавказу и даже залетела во дворцы повелителей народов Востока и Запада, если долгая жизнь принесла суровому воину и правителю Апсиллии лишь горький дым разочарования? Ничего из задуман-

ного им еще в молодые годы не осуществлено — не собраны под его властной рукой в одно могущественное государство земли апсилов, абазгов и мисимян, не восстановлен Цхум, разрушенный ромеями лишь для того, чтобы он не достался войнам персидского царя Хосрова, некогда грозная крепость Тсахар тоже лежит в развалинах. Из остатков ее апсилы сложили для своего правителя и его семьи маленький дворец. И вот Маринэ сидит в крохотной башенке этого дворца и провозжает уходящий день. Таков итог его долгой жизни.

Много вечеров и рассветов встретил он в этой башне, много здесь им передумано и взвешено. Теперь решение принято, завтра он его объявит. На душе Маринэ — спокойная грусть примирения с неизбежным. Что ж, он покажет своему народу выход — единственный правильный выход... Пусть не думает его сын Евстафий, что он счастливее отца. Другого пути у него нет.

По мере того, как сумерки сгущались, Маринэ все больше проявлял нетерпение; он напряженно вслушивался в тишину леса. «Они должны были вернуться к первой звезде, — подумал он о гонцах, разосланных несколько дней назад во все концы Апсии. — Но вот уже Вечерняя звезда выводит на небо свое бесчисленное сверкающее воинство, а их нет...». Услышав, наконец, радостное ржание возвращающихся из дальней дороги лошадей, Маринэ с облегчением откинулся на спинку скамьи. К воротам крепости-дворца подъехало несколько всадников, а через некоторое время на башню поднялся сын Маринэ.

— Гонцы вернулись. Они оповестили всех. Не застали только Мыкыча и Циркута. Они дней пять как уехали в Анакопию, — сказал Евстафий с нескрываемым раздражением. Он был уже немолод и фактически правил Апсией. То, что отец до сих пор не сказал ему, зачем созывает глав родов, вызвало в нем недовольство. Лишь глубокое почтение к отцу не позволяло Евстафию явно выразить его.

— Мыкыч и Циркут завтра будут здесь, — проговорил Маринэ.

— Значит, это ты послал их к ромейскому выкормышу?.. Зачем?

— Завтра ты обо всем узнаешь.

— Что ты задумал, отец?..

— Завтра!

Евстафий выдержал тяжелый взгляд запавших глаз отца. Маринэ твердыми шагами пошел к выходу. Стальное острие его алабаши высекло искру из каменного пола. Евстафий стиснул кулаки; в нем кипела обида. Он догадывался, зачем отец созвал старейшин апсильских родов, и тихо сказал:

— Духи гор, не дайте свершиться неправому делу.

Духи гор никогда не скажут прямо; их язык надо понимать. Как бы в ответ на слова Евстафия бесшумно полыхнул в облаках розовый свет молнии. Евстафий почувствовал в груди холодок; он не понял, одобряют ли его духи гор или предостерегают, и это посеяло в его душе тревогу.

Главы апсильских родов начали съезжаться к полудню. Первым приехал в сопровождении двух сыновей-близнецов Апста зыхьчо. Лицо главы рода обезображено страшным шрамом. Ростом он невелик, телом сух и в бою проворен, как рысь. Не одна вражья голова слетала с плеч, сиенная быстрым, как молния, клинком Апста зыхьчо. Его сыновья — небольшого роста крепыши — Абыда и Гьд держались скромно, но с достоинством. Все знали: братья — неустрашимые воины, они не уступают отцу в воинской доблести.

Как ни торопились люди Маринэ навстречу Апста зыхьчо, проворные братья опередили их. Они мигом слетели с седел и, стараясь опередить один другого, помогли отцу спешиться. Апста зыхьчо, чуть прихрамывая, пошел к Маринэ.

Завидев побратима, Маринэ встал ему навстречу.

— Ты, как всегда, первым откликнулся, — сказал он, усаживая Апста зыхьчо рядом с собой.

— Я и мои сыновья всегда готовы служить Апсии и тебе, — с достоинством ответил старый воин. — Куда ты поведешь нас?

— Стар я войско водить. Да и не воинской доблести жду от тебя. Мне нужен твой мудрый совет.

У Маринэ не было тайн от побратима. Прежде чем объявить свое решение главам родов, он хотел заручиться поддержкой Апста зыхьчо. Старики беседовали с глазу на глаз. Евстафий не посмел приблизиться к ним. Он встречал других глав родов. Когда появился в окружении своих немногочисленных сородичей старик

Абгахша из далекого и глухого урочища Амзара, среди людей Маринэ и ранее прибывших послышался недвольный ропот. Абгахша лишь сверкнул на них глазами из-под косматых бровей и угрюмо отошел в сторону. Абгахша — не апсил. Он принадлежал к одному из могущественных некогда родов мисимиян — племени, жившего высоко в горах севернее абхазов и апсилов. Мисимиянские роды были чрезвычайно горды, жили независимо друг от друга, никого не признавая. В результате междоусобиц, а также нашествий персов и арабов много мисимиян было истреблено, страна их опустела. Оставшиеся несколько родов, в том числе и род Абгахша, жили обособленно, занимаясь охотой и скотоводством. Крепость Тсахар, из остатков которой был построен дворец Маринэ, была когда-то южным форпостом Мисиминии на границе с Апсилией; ее разрушили воины Льва Исавра.

Абгахша молча и безразлично осмотрел развалины и маленький дворец Маринэ, потом стал что-то тихо говорить своим молодым спутникам. Абгахшу не приглашали на совет старейшин. Он держался слишком высокомерно, а раз человек возгордился до того, что никого не хочет замечать, то стоит ли обращать на него внимание? Но каждый думал про себя: «Зачем приехал этот старый горный волк? Что ему нужно от апсилов?». Неприязнь к Абгахше объяснялась еще и тем, что, когда апсилы отбивались от арабов, его род не пришел им на помощь, тогда как другие мисимиянские роды присылали своих мужчин. К сожалению, мисимияне слишком поздно поняли, что им следовало выступить против общего врага совместно с апсилами и абазгами. Но, как говорят, кувшин разбился, и вино пролилось. Не затем ли приехал Абгахша, чтобы, хоть и поздно, присоединиться к апсилам и разделить с ними судьбу своего рода? Говорят, Абгахша недавно был в Анакопии, но и там ни с кем не общался. Мрачная и загадочная фигура этот Абгахша.

3

Приехали Дадын и Дигуа в сопровождении Мыкыча и Циркута. Маринэ тайне надеялся, что придет его внук Леон, но, увидев приближающихся гостей, пода-

вил в себе разочарование. Правда, приезд этих двух глав могущественнейших абазгских родов стоил посещения самого правителя. Леон не ошибся в выборе посланцев — глав обоих родов в Апсилии хорошо знали и уважали за неустанную борьбу против Священного Палатия. Маринэ про себя отметил благоразумие Леона. Глава апсилов обнял сначала Дадына, как старшего, потом Дигуа, прижавшись по обычаю плечом к плечу гостя, затем усадил их рядом с собой. Оба со сдержанным достоинством оказывали знаки почтения старшему и знатнейшему из апсилов. Евстафий бросал на них злобные взгляды; это не ускользнуло от внимания абазгов. Они молча взглянули друг на друга, поняв, что отца и сына разделяет несогласие, а это плохо. Сын Маринэ горяч, неукротим.

Главы апсильских родов собрались под священным деревом предков. Этот дуб выделялся величиной и мощью даже среди своих многовековых собратьев — настоящий великан среди великанов. На его широко раскинувшихся могучих ветвях висели многочисленные подношения ищущих покровительства Ажвейпша — оленины рога, черепа зверей, расшитые пояса, разноцветные лоскуты. На одном из суков виднелись истлевший лук и колчан со стрелами. Рассказывали, что лук и стрелы повесил какой-то бездетный апсил, просивший у Ажвейпша сына, а когда его желание исполнилось, он к своим подношениям добавил люльку, из которой вырос посланный богом малыш. Так они и висели рядышком, олицетворяя надежду апсилов на всемогущество старых языческих богов, веру в которых не поколебало даже трехсотлетнее господство христианства.

При появлении Маринэ главы родов почтительно встали. Правитель апсилов жестом попросил всех сесть, но сам остался стоять, опираясь на алабашу.

— Дети мои, — тихо, но внятно заговорил Маринэ. — Мое старое сердце наполняется радостью, когда я вижу вас. Вы слетелись ко мне по первому моему зову. Вижу: вы готовы идти в бой, храбрые мои воины.

Все снова встали и поклонились вождю, который не раз водил их на славные битвы. Тем самым старейшины выражали готовность и впредь служить ему мечом.

— Но на этот раз не воинской доблести жду от вас — пусть ваши мечи остаются в ножнах. Мне нужны

ваши преданные сердца и ваша вера в будущее нашей родины. Ради этого я созвал вас.

— Мы готовы повиноваться тебе. Приказывай, — сказал Апста зыхьчо.

— Приказывать — значит принуждать. Я же хочу от вас не слепого повиновения, а проявления мудрости.

Маринэ окинул апсилов взглядом, но видел их как в тумане — ему вдруг отказало зрение. Сердце правителя внезапно затрепетало, как птица в силке; в него вонзилась боль. Он понял: это конец. Маринэ давно был готов к этому и потому остался спокоен, как подобает апсилу перед лицом смерти. Старик только покачивался, но когда Евстафий хотел поддержать его, отстранил сына движением руки. Апсилы должны видеть: с ними говорит их правитель. Ум его ясен, решение непреклонно. Все видели, что их вождю трудно говорить, и взволнованно ждали, понимая необычность происходящего. В густой кроне священного дуба перекликались яблочки, вдали приглушенно шумел расходящийся Кодор. Дадын смотрел в ту сторону, будто прислушиваясь к сердитому рокоту реки. В действительности он весь напрягся, готовый ко всему. Он тоже ждал.

— Если бы я сказал, что мне нужны ваши жизни, я знаю: любой из вас, не колеблясь, отдал бы свою, но сегодня я от вас хочу большего, — продолжал Маринэ. — Духи гор сосчитали дни моей жизни, но прежде чем оставить вас, я скажу то, что подсказывает мне мудрость прожитого. Это все, что у меня для вас осталось...

Маринэ перевел дыхание. Он поднял голову и прислушался к щебетанию птиц — так, по крайней мере, всем казалось. На самом деле старец прислушивался к скребушей сердце боли.

— Мне нечего скрывать от вас. Духам гор не было угодно, чтобы дело моей жизни увенчалось успехом. Апсилия и Абазгия не стали единым эриставством, как того все мы желали. Но это желание не должно умереть со мной. Апсилия обескровлена, мы изнемогаем в борьбе с агарянами. Мы не можем без конца противостоять им: нас мало, их много. Если апсилы не хотят разделить судьбу мисиминян, они должны объединиться с абазгами в одно государство... по нашей доброй воле под рукой Леона Абазгского.

Под священным дубом будто пронесся вихрь. Многие вскочили, послышались негодующие возгласы:

— Не пойдем под Леона!..

— Абазги отсиживались за нашей спиной!..

— Леон — выкормыш императора Льва. Мы ему не верим!..

Евстафий был бледен; он с ненавистью смотрел на Дадына и Дигуа. Маринэ поднял дрожащую руку, призывая к тишине, но страсти разгорались все больше. Дадына и Дигуа окружили приближенные Евстафия, кое-кто из них схватился за рукоятки мечей. Дадын встал и скрестил на груди руки. Мудрый абазг спокойно переждал бурю. Дигуа остался сидеть, потому что знал: апсил не осрамит себя, не ударит сидящего.

— Я пока еще правитель! — твердо произнес вдруг Маринэ. — С каких пор вы перестали уважать старших? Стыдитесь, апсилы, я не узнаю вас!..

Некоторое время царило молчание. Все чувствовали смущение перед своим старым вождем, никто больше не садился. Встал и Дигуа. Он с облегчением вздохнул и бросил на Дадына вопрошающий взгляд. Тот был невозмутим. В Дигуа вспыхнула снедавшая его неприязнь к старому камариту. Он сознавал, что соперник проявил больше мужества и выдержки. Но тут снова заговорил Маринэ, и Дигуа весь обратился в слух.

— Я говорю об объединении Апсилии и Абазгии под рукой Леона с болью в сердце. Но я вижу: это только моя боль. Какой совет вы можете дать, если позволили распалиться своему сердцу? Слушайте, а потом взвесьте все спокойно и мудро, как мужчины. Я никого не принуждаю избирать своим патроном Леона Абазгского, каждый волен поступать по-своему...

Переждав новый приступ, Маринэ снова заговорил:

— Абазги и апсилы — родные братья. Обычай, язык и боги у нас одни. В жилах многих апсилов течет абазгская кровь... Разве мы не берем себе жен у абазгов, а они — у нас? Что нас разделяет? Ничто. Объединяет же многое: общая судьба наших народов-братьев... Когда, воины царя Хосрова и мусульмане разоряли Апсилию, разве абазги не приютили наших жен и детей, разве не они помогали нам в битвах?.. Когда аланы по наущению спафария Льва залили кровью Абазгию, разве мы оставили наших братьев в беде? Неужели духи

гор отняли у нас память, и мы забыли об этом?.. Вы скажете: а как же наследник, которому я должен передать Апсилию по праву?..

Маринэ обвел толпу тускнеющим взглядом и, не найдя в ней Евстафия, протянул ищущую руку. Все вдруг поняли: их владыка ослеп. Евстафий, встревоженно подбежал к отцу. Маринэ оперся на плечо сына. Главы родов подошли ближе, предчувствуя беду — уж очень стар был их правитель, а этот разговор, решавший судьбу Апсилии, оказался выше его сил.

— Горестно мне: не такой хотел я оставить тебе Апсилию. Знаю: если бы наша страна была так же могущественна, как в дни моей молодости, не было бы для нее правителя лучше, чем ты. А сейчас — какое наследство я тебе оставляю? Разоренную страну, обескровленный народ. Ты был бы для апсилов добрым и мудрым пастырем, ты смел и неукротим. Но силы, тебе противостоящие, могущественнее. Когда горный обвал преграждает путь ручью, тот находит иной путь, сливается с другим ручьем. Только безумец решится грудью преградить путь обвалу. Не уподобься такому безумцу. Сохрани свой народ в нашей общей колыбели Апсны. За это потомки благословят тебя. Знаю, какую обиду тебе наносу. Но судьба Апсилии мне дороже тебя, хотя ты кровь и плоть моя, надежда и продолжение рода. Заклинаю тебя памятью и кровью павших в борьбе сынов Апсилии: не дай обиде ослепить себя, прояви мудрость мужа — ведь ты уже не дитя. Будут главы апсильских родов отдавать себя под покровительство Леона Абазгского — не противься. Сам первый иди к нему, ведь в нем наполовину наша кровь. Такова моя воля... Циркут, Мыкыч, здесь вы? — спросил вдруг Маринэ.

Циркут вышел вперед и низко поклонился:

— Мы здесь.

— Что Леон Абазгский наказал вам передать мне и главам апсильских родов?

Циркут еще раз поклонился Маринэ, потом — всем присутствующим и заговорил:

— Леон Абазгский сказал так: «Я склоняю голову перед мудростью и доблестью моего деда — правителя Апсилии Маринэ. Если он и знатнейшие апсилы решат на своем сходе объединиться с Абазгией, мы примем их как родных братьев».

— Дадын, верно ли Циркут передал слова Леона Абазгского?

— Передано верно, но не все. Леон Абазгский еще сказал: «Я буду чтить Маринэ как главу нашего рода, а его сына сочту родным отцом».

Циркут в замешательстве посмотрел на Дадына. Насколько он помнил, Леон этого не говорил, но смолчал, понимая, что это дополнение сейчас весьма уместно. Он только подумал о том, что у правителя Абазгии ловкие и хитрые советники. Циркут и Мыкыч переглянулись: они поняли неизбежный ход событий и уже решили для себя не затеряться в них, а постараться выскочить вперед. Дигуа стиснул зубы, досадуя на себя за недогадливость. Опять проклятый разбойник обошел его.

— Не вассалом будешь у Леона Абазгского. Не забывай: он мой внук, тебе — племянник. За Абазгией и Апсилией — Картли и могущественная ромейская империя. Хотя и неавистно всем нам иго ромеев, но за ними сила, за ними ты сохранишь наш народ. Иного пути нет у тебя, сын мой. Клянись быть верным Леону Абазгскому, — потребовал Маринэ.

После мучительного колебания Евстафий сказал:

— Духи гор, будьте свидетелями: клянусь верно служить нашей общей родине — Апсны.

Дадыну и Дигуа не понравилась клятва Евстафия. Они поняли: Евстафий не признает над собой Леона. Абгахша, о котором все забыли, неодобрительно насутился. Кто знает, о чем думал этот горный волк?

— Сын мой, я не могу от тебя требовать того, что свыше твоих сил, но знай: если по твоей вине между абазгами и апсилами прольется кровь, я призову духов гор наказать тебя...

Острая боль снова пронзила измученное сердце Маринэ. Он выронил алабашу и, хватаясь за грудь, стал падать. Евстафий и Апста зыхычо подхватили его на руки. Лицо старца стало мертвенно бледным, он дышал часто, стекленеющими глазами Маринэ уставился в густую крону дуба; он будто прислушивался к тихому говору листьев священного дерева... В уголках запавшего рта показалась темная струйка крови. Апсилы и абазги обнажили головы. Никто из них не проронил ни слова, не запричитал. Их вождь умер мужественно и просто, как полагается апсилу.

НАСЛЕДНИКИ СТЕФАНОЗА

Вижу: ветви дерево пустыло,
это рода царственного сила...

Иоан Шавтели

1

Пятый день Леон в пути. Его сопровождает Дадын с десятком верных камаритов. Свита маленькая, но надежная. Леон не хотел привлекать внимание к своей поездке к правителю Эгриси Мириану. На всякий случай в Анакопии распространили слух: едет-де апсха с малым числом воинов осматривать свои владения, а заодно потешить душу охотой. Выехали в ночь. Поначалу направились в горы, а там свернули на восток и тайными тропами к рассвету пересекли Апсилию. Дневали у выхода из ущелья реки Келасури, где их уже ждали запасные лошади. В сумерках перешли реку вброд. Прошли через Келасурскую крепость и вступили в Эгриси. Ехали цепочкой по узкой лесной тропе. Впереди — Ахра. Одному Ажвейлшу известно, как он находил ее во тьме. За ним — Дадын, потом Леон, а затем — остальные. У каждого — два коня. Тихо кругом, лишь временами зальется не то лаем, не то смехом шакал да захлопает крыльями потревоженная птица. Размеренный топот копыт и покачивание в седле не мешают мыслям Леона.

Еще не так давно отсюда начинались владения царей Лазики, которые держали в подчинении обширные приморские области, простирали свое влияние на многие соседние царства. Ныне же эта опустошенная, много раз политая кровью земля подпала под руку правителей Эгриси. Что ж, патрикий Сергей, сын Барнука, в этом сам держит ответ перед богом. Видно, в книге

судеб было предначертано ему восстать против владычества Ромейской империи и отдать свою страну под власть Омейядского халифата. Хотел ли он этим облегчить участь своего народа или мыслил с помощью арабов раздвинуть за счет соседей пределы своего государства, неведомо, да только ввергнул Сергей свой народ в еще большую беду. Арабы обложили народ непосильными подушным и поземельным налогами, знатные лазы потеряли свои привилегии, а лучше всего то, что мусульмане насильно обращали народ в свою веру.

Кесарь не простил Сергию отпадения от империи. Когда ромейские легионы вместе с картлийскими войсками вытеснили из Лазики магометан, он лишил лазов самоуправления, а потом и вовсе отдал Лазику во владение Эгриси. Так и канули в лету государство Лазика и древняя династия ее царей. Сколько Леон ни всматривался в будущее, стараясь проследить дальнейший путь Абазгии, он неизменно приходил к одному: судьба Лазики — нам урок. При очевидной угрозе нашествия агарян надо следовать заветам отца — быть в союзе с Картли и... держаться императора Льва.

Сегодня ехали не таясь, но избегали сел. Их можно было не объезжать — сами поселяне при виде вооруженных всадников оставляли жалкие жилища и уходили в глухие болотистые леса. Сразу за переправой через реку Ингури отряд наткнулся на свежее пепелище. Еще не облетела с деревьев пожухлая от жара листва; стоял трупный смрад; тяжело взлетали сытые вороны. Леон поморщился, Дадын же с усмешкой сказал:

— Это запах войны. Привыкайте.

Из зарослей ежевики и сасапарели вылезло какое-то чудище; абазги не сразу признали в нем человека. Он был в лохмотьях, космат, весь в гноящихся язвах и струпьях; вместо глаз — зияющие раны. Страшный человек полз, волоча изуверски перебитые ноги. Лошадь Леона всхрапнула, попятилась. Человек приподнялся на руках и невидяще уставился в ее сторону.

— Кто здесь?.. Ты христианин? — свистящим шепотом спросил он.

— Да, мы христиане, — ответил Леон. — Кто ты, несчастный?

— Если ты христианин, избавь меня от мучений, убей!

— Без божьей воли даже волос не упадет с головы человека, — проговорил Леон, содрогаясь от ужаса и сострадания.

— А-а-а-у!.. Моя семья погибла по воле бога — ты это хочешь сказать, христианин?

Леон наклонился над лежащим.

— Кто погубил твою семью?

— Гасан, запомни, вероотступник Гасан!.. Пусть весь его род станет добычей шакалов и воронов, как стали мои внуки. Да свершится проклятье! — Несчастный издал тяжкий стон. — Что же ты стоишь, убей меня! Ты сделаешь доброе дело.

Человек услышал фыркание и топот других лошадей. Он с трудом повернулся в их сторону.

— Неужели среди вас нет ни одного мужчины? — он заскрежетал зубами. — Труссы! Отдайте мечи женщинам выкапывать корни. Вы недостойны носить их.

Дадын требовательно взглянул на Ахру, тот неохотно слез с лошади.

— Как тебя зовут, за кого мы должны отомстить? — хмуро спросил он.

— Гаха мое имя, Гаха... Не дайте мое тело на растерзание зверям.

Ахра вытащил меч.

— Приготовься умереть, Гаха.

Гаха приподнялся на руках, перекрестился сам и перекрестил молодого воина.

— Благословляю твой меч... Господи, прими мою душу грешную!..

Абазги соблюли христианский обычай — похоронили несчастного страдальца в наскоро вырытой неглубокой могиле и отправились в дальнейший путь.

Откуда им было знать, что, уходя отсюда под натиском византийцев и картлийцев, арабы обещали вернуться с еще большими силами и навсегда покрыть зеленым знаменем пророка понравившуюся им землю древней Лазики. Принявшего мусульманство Гасана они оставили со специальным заданием. Арабский военачальник сказал ему: «Всю землю, которую ты очистишь от неверных к нашему возвращению, мы отдадим тебе в правление». Вот он и старался, этот вероотступник, истреблять христиан. Он не подозревал того, что явля-

ется лишь слепым орудием омейядов, от которого избавляются, как только в нем отпадет нужда.

К концу пути, когда вот-вот должны были показаться стены Цихе-Годжи, из зарослей ольхи вырвался отряд всадников и помчался на абазгов. Сверкающие над головами всадников клинки красноречиво говорили об их намерениях. Нападающих было вдвое больше, чем абазгов; они разворачивались полукольцом.

Абазги взяли за тяжелые луки, привстали на стременах; приученные лошади стояли как вкопанные.

По мере того, как нападающие приближались, тетивы луков абазгских лучников оттягивались назад, и вот уже правая рука лучника с зажатой между пальцами стрелой — у самого уха, а круто изогнутый лук полон едва сдерживаемой силы. Легкий свист, и новая стрела во мгновение ока легла на левую руку, а правая уже рвет тетиву к уху. Лишь трижды абазги успели послать свои несущие смерть стрелы. Действие их было ошеломляющим — несколько всадников сразу елетело, другие еще некоторое время продолжали скакать, кто клонясь набок, кто откидываясь назад или припав к загривку лошади. А одна лошадь со стрелой в груди по самое оперение, поднялась на дыбы и грохнулась на землю, придавив собою всадника. Полукольцо распалось. Леон поднял гибкий кривой клинок — подарок Дадына, везенный из Хазарии; он наметил себе всадника в чалме и богатом бурнусе, скакавшего на великолепном воронном коне. Дадын попытался было удержать Леона, да где там — молодой правитель забыл об опасности. Кровь закипела в нем. Он гикнул и помчался навстречу врагу: только ветер в ушах, да в груди холодок игры со смертью. Дадын едва успел крикнуть:

— Ахра, береги апсху!

На какое-то мгновение Леон увидел окрашенную хной бороду и черные горящие глаза. Враг занес саблю, намереваясь срубить его как лозу, но Леон хорошо заученным приемом выбил ее и тут же полоснул концом клинка своего противника от левой ключицы до правого бедра. В следующий момент он прикрылся щитом от удара второго нападающего, и все же они не разминулись: и того достал клинок молодого правителя. Оглянувшись, Леон увидел, что рыжебородый повис вниз головой на стременах, а второй, выронив саблю и схва-

тившись за окровавленную голову, мчится прочь с поля боя; увидал он и то, как Дадын ударил юнца длинным прямым мечом плашмя по спине — так старый воин выразил ему свое презрение. Юнец взвыл и пустился наутек. Абазги оставили лужи и взялись за мечи. Ахра подставил под удар врага щит, а правой рукой пырнул его в бок коротким мечом. Абазги рубились с азартным ожесточением. Дадын и Леон, оставив разгоряченных коней, стали наблюдать, как бьются их молодые воины. Они им не помогали, да в этом и нужды не было — врагов осталось мало. Дадын доволен; трудное ученье пошло впрок — лихо бьются его питомцы. Не выдержав дружного отпора, враги бросились врассыпную. Ахра озорно свистнул им вслед — пусть почувствуют свой позор.

За время, пока шел этот скоротечный бой, коршун не успел сделать над воинами третьего круга, а поле сечи покрылось трупами поверженных. Почти половина врагов была перебита. Леону понравился конь рыжебородого. Он приказал его поймать. Но вряд ли бы это удалось, если бы коню не мешал волочившийся за ним труп хозяина. Это было красивое животное. Сухая маленькая голова, тонкие стройные ноги при широкой груди говорили о том, что в жилах жеребца течет благородная кровь арабских охакунов. Четверо молодых абазгов едва сдерживали разъяренного жеребца; он храпел, его большие глаза горели фиолетовым огнем, уши были прижаты, а крепкие зубы оскалены. Леон вскочил на него.

— Осторожно, апсха! — крикнул Ахра.

— Пустите! — приказал Леон азартно.

Жеребец бешено сопротивлялся всаднику — он становился на дыбы, взбрыкивал, крутился на месте, норовя укусить за ногу, лягался, потом вдруг бросился вскачь и, сделав крутой поворот, резко остановился, взрыв передними копытами землю. Леон не ожидал этого — едва удержался в седле. Жеребец снова поднялся на дыбы и сразу прыгнул вперед, вскинув задом. Опять бешеная скачка, крутой поворот и внезапная остановка. Неопытный всадник неминуемо перелетел бы через голову коня. Наверно, жеребец таким способом уже не раз сбрасывал с себя непрошенных седоков, но с Леоном он не мог сладить. Абазги то замирали от страха за

Леона, то из их уст вырывались возгласы одобрения; жеребец упал и перекатился на спину — хотел раздавить несправедливого всадника своим телом, но Леон был начеку: он успел выпростать ноги из стремян и отвалиться в сторону, но как только жеребец поднялся на передние ноги, словно рысь, прыгнул в седло. Дадын встревожился: не хватало еще, чтобы этот бешеный конь покалечил правителя!

— Брось камчу, апсха! — крикнул он.

И действительно — стоило Леону бросить висевшую у него на запястье плеть, как жеребец сразу утихомирился; он лишь гарцевал на месте, тяжело поводя взмыленными боками и роняя с губ пену. Леон стал ласкать его, обтирать пучком травы шею и бока; жеребец фыркал, поводил ушами, принимался к рукам Леона — знакомился. Но едва Ахра протянул Леону его плеть, как конь снова взвился и чуть было не вырвался. Леон понял: жеребец признавал его на равных.

— Настоящий аура!* — воскликнул Ахра, завистливо поглядывая на коня.

— Пусть так и будет кличка ему — Аура, — согласился Леон.

Несколько воинов меж тем перевязали свои пустяковые раны, наложив на них молодые листья ольхи и подорожника. Отряд продолжал путь. Ехали осторожно. Кто знает, может быть, побитые вернутся с подкреплением? Все были возбуждены, недоумевали: кто эти люди и почему они на них напали? По словам Дадына, это земля Мириана, стало быть, и люди его. Все это было странным, наводило на раздумья. Беспокоило то, как эта стычка будет воспринята правителем Картли Мирианом и его братом Арчилом. Абазги, однако, заметили, что нападающие были неопытными воинами. Тем не менее Дадын тихо выговаривал Леону:

— Ты не простой воин — апсха. Ты должен руководить боем, а не рваться вперед, как... — он чуть не сказал мальчишка. — Что если бы тебя ранили или, не дай бог, убили? Горе Абазгии, позор на мою седую голову, на весь мой род.

Но в глубине души старик был доволен. «Смел, бьется искусно, только сверх меры горяч. Ну, да с возрастом остынет, станет мудрее», — думал он, поглядывая из-под нависших бровей на Леона.

Никто, однако, не догадывался о том, что Леон сегодня впервые обогрил свою саблю кровью. В Константинополе юнцов из византийской знати учили драться деревянными мечами, и, бывало, они наносили друг другу изрядные синяки. Здесь же не о синяках шла речь — о жизни. Леон слушал Дадына, покусывая губы, но помалкивал. Старик прав, нельзя бросаться, сломя голову, в первую же драчку. Вдруг рассмеялся:

— Плохо же нас встречает правитель Картли.

— Думаю, — не Мириана люди, — ответил Дадын. — Те бьются стойко, а эти — как вороны разлетелись.

2

Вдали снова показался отряд всадников. Абазги остановились, взяв наизготовку луки, но Дадын предостерегающе поднял руку. Некоторое время он смотрел на всадников из-под ладони.

— Похоже — картлийцы. Стойте здесь.

Дадын поскакал к чужому отряду; навстречу ему выехал всадник:

— Кто такие?

Дадыну не понравился надменный тон картлийца.

— У нас, абазгов, молодые первыми приветствуют старших, а картлийцы разве не чтят этот обычай предков? — спросил он.

Воин вспыхнул.

— Вы абазги? Прости, отец.

Его словно ветром сдуло с седла; он поклонился Дадыну, потом взял его коня под уздцы и почтительно повел к своему отряду, впереди которого находился еще довольно молодой воин в богатом одеянии и золоченом шлеме. Старик узнал в нем Арчила — младшего брата правителя Картли. Дадын спешился и поклонился.

— Счастливой дороги тебе, доблестный Арчил, — с достоинством произнес он.

— А, старый разбойник, здравствуй! — дружелюбно сказал тот. — С какими вестями послал тебя к нам твой патрон?

— Леон Абазгский сам скажет, зачем приехал.

Старик дипломатично назвал правителя своей страны не по-картлийски — эриставом и не по-домейски —

архонтом, потому что такого звания он еще не получил от императора, а Леоном Абазгским, вложив в эти слова все значение, которое хотел им придать. Так в свое время величали и Константина.

— Так это он! — обрадовался Арчил.

Он тронул коня, отряд картлийцев поскакал к абазгам. Дадын едва успел предупредить своих:

— Брат правителя.

Абазги спешились и поклонились. Арчил обнял несколько растерявшегося Леона, потом стал рассматривать его, держа обеими руками за широкие плечи.

— Так вот ты каков, Леон Абазгский! — сказал он, весьма довольный видом молодого правителя. — Благодарю небо: дорогого гостя оно послало нам.

— Прости нас, славный Арчил, но смеем ли мы воспользоваться гостеприимством благословенной Эгриси! Арчил удивился.

— А что может этому помешать? Ты здесь, значит, ты наш гость. Я сейчас же пошлю к брату гонца с вестью о твоем прибытии. Он будет рад тебе.

— Сначала выслушай меня... Против нашей воли случилось так, что мы пролили кровь на вашей земле...

— На вас напали наши люди? — Арчил грозно нахмурился.

— Чьи это были люди, мы не знаем. Мы вынуждены были защищаться и побили их.

— Кто посмел напасть на правителя благословенной Абазгии? — вскричал разгневанный Арчил. — Не Гасан ли? Так клянусь Георгием Победоносцем: я не вернусь в Цихе-Годжи, пока не расправлюсь с веротступником. Мы затем и вышли в поход, чтобы наказать его за разбой. Расскажи, где и как это произошло.

По мере того, как Леон рассказывал, брови Арчила расправлялись. Тут кто-то из картлийцев обратил его внимание на коня Леона.

— Это же Шайтан — конь Гасана! — вскричал Арчил. — Ты опередил меня, Леон Абазгский. Поистине, бог покровительствует тебе. — Он еще раз взглянул на коня и с досадой покачал головой. — Сколько раз он выручал Гасана! Это не конь — ветер. Тебе он принадлежит по праву.

— Проклятие Гахи начало сбываться, — сказал Дадын.

— Какого Гахи? — спросил Арчил.

Леон рассказал о случае у реки Ингури. Арчил выслушал его с большим вниманием, потом жестко произнес, обращаясь к своим воинам:

— Пусть тело Гасана растащат шакалы, а голову проклятого вероотступника привезите в Цихе-Годжи и воткните на кол. Пусть ее расклюют вороны.

По дороге Цихе-Годжи Арчил рассказывал Леону:

— Тяжкое испытание послал бог народу Картли. Черной тучей пошли на нас саркинозы. Нет сил у нас одолеть их, но картлийцы не покорились, не склонились к мусульманству, бьются за веру христову, за землю свою, что еще предков наших кормила и поила. Видя такое бедствие, отец наш, владыка Картли, благословенный Стефаноз, разделил между Мирианом и мной сокровища, что еще наши царственные предки накопили. Мы зарыли их в потаенных местах. Для будущего храним, для возрождения Картли. Отец и Мириан в Цихе-Годжи обосновались. Я же в Тбилиси остался, но не стерпел притеснений прислужников проклятого эмира, сюда переехал. Наш отец не выдержал испытаний, постигших Картли, — умер в горе. Похоронили мы его в Цихе-Годжи. Вместе с братом моим Мирианом и людьми нашими мы прогнали из Эгриси саркинозов. Пока в Тбилиси хозяйничают саркинозы, не будет моей ноги там. С братом дружны мы. Оба крест тяжкий несем, за общую колыбель всех грузин — Картли молимся, силы собираем на новую битву с мусульманами.

— Где ныне глаза картлийской православной церкви? — спросил Леон.

— С нами наш мудрый вероучитель католикос Тлатор, — ответил Арчил. — Ныне Цихе-Годжи стал средоточием духовной и мирской жизни всей Картли. Под древними святыми хоругвиями нашими собралось много эриставов и питахшей. Придет час — выступим на мусульман, и если будет угодно богу, освободим всю Картли, тогда по своим пределам разойдемся. А пока живем мы, уповая на бога и на помощь императора.

— Ныне императору впору самому помощи просить. Воюют ромен с агарянами много лет, а никак их не одолеют, — сказал Леон.

— То-то и плохо, что император нам сейчас помочь не может, — сокрушался Арчил.

Вот и опоясанная тройной стеной крепость Цихе-Годжи. Народ высыпал на ее стены и радостно приветствовал абазгов. Женщины поднимали на руках детей, и те бросали сверху цветы. Перед дворцом в две шеренги стояли азнауры и отборные тадзреулы в кольчугах, с копьями и щитами, кроме того, на боку у каждого еще и длинный узкий меч. Между воинами расстелены ковры. Сумрачный дворец-крепость с узкими окнами-бойницами и высокой дозорной башней украшен хоругвиями. Леон смущен оказываемыми ему почестями, а Дадын доволен. «Хорошо встречают. Но как-то отнесется к Леону Мириан?» — ревниво подумал старик.

Не успел Леон ступить на ковер, как из дома вышел Мириан. Длинная полуседая борода покрывала грудь, взгляд пронизательный. Леон взбежал по лестнице, но и Мириан сделал несколько торопливых шагов ему навстречу. Они сошлись на лестничной площадке, устланной дорогим ковром. Леон хотел было преклонить колено, но Мириан удержал его.

— Я прибыл к тебе по завету моего почившего отца и по велению собственного сердца как сын к отцу.

— Ты и есть мне как сын, ибо с твоим отцом мы были братьями. Твое появление на нашей земле ознаменовалось добрым делом. Бог избрал тебя своей карающей десницей и твоей рукой наказал вероотступника Гасана. — Мириан повернулся к народу; он положил руку на плечо Леона и провозгласил:

— Слава Леону Абазгскому!

Взметнулись мечи, копья, затрепыхались хоругви; тысячеголосые возгласы народа вспугнули голубей.

— Ваша!

— Слава! Слава!

Мужественная красота и скромность молодого правителя Абазгии пришлись по душе народу. Среди женщин, стоящих у входа во дворец, Леон увидел девушку, заметно выделяющуюся среди других изысканной скромностью наряда, с золотым обручем на голове, отягощенной длинными косами; глаза девушки были устремлены на Леона с таким откровенным любопытством, что он смутился. Мириан взял Леона под руку и повел во внутренние покои дворца.

— Бог даровал мне радость встречи с тобой, но все-

же упрекну: не предупредил о приезде, ехал с малыми силами, а это опасно.

— Все в божьей воле, — беспечно ответил Леон.

— Да ты и сам неплох, — улыбнулся Мириан.

Мириан усадил Леона напротив себя за столик и, как повелевает обычай, сначала расспросил Леона о здоровье, о дороге, о стычке с Гасаном и еще раз возблагодарил бога за то, что он рукой Леона покарал разбойника. Присутствующие при этом Арчил, Дадын и приближенные хранили почтительное молчание, но когда Леон сказал, что приехал просить у наследников Стефаноза совета, в зале зашептались. Мириан встал, давая понять, что сейчас не время говорить о делах.

— Гостям надо с дороги отдохнуть, — сказал он.

Леон снова увидел девушку с золотой диадемой. Она смотрела на него и с улыбкой говорила что-то, склонившись к уху красивой женщины лет тридцати пяти. «Должно быть, она из знатной семьи», — подумал он о девушке. Леон не ошибся: это была младшая дочь правителя Картли Мириана — Гурандухт.

Давно в Цихе-Годжи не устраивалось пышных празднеств — в то тревожное время было не до пиров и развлечений, но на этот раз в честь дорогого гостя Мириан и Арчил приказали устроить достойный его пир. Столы накрыли повсюду — во дворах, на площади, а то и прямо рассаживались на траве в тени чинар; пылали костры, над ними жарились целые туши быков, десятки фазанов и павлинов, нанизанных на вертелы; вино лилось рекой. Гостеприимные картлийцы рассадил за свои столы спутников Леона, но тех было мало, на всех не хватило; из-за гостей ссорились. Помирились на том, что абазги дали слово отведать хлеб-соль у каждой группы пирующих.

Во дворце тоже шел пир горой. Леон сидел между Арчилом и Мирианом. Все уже порядком захмелели. Благословивший братскую трапезу старенький католикос Табор устал и временами клевал носом. Служки пытались увести его на покой, но тот досадливо от них отмахивался. Мириан то и дело подливал вина в чашу гостям, сам же почти не пил. Леон тоже захмелел, но держался с достоинством. Дадын пил умеренно. Он больше слушал, о чем говорят за столом, и поглядывал на Арчила и Мириана, замечая, что те только пригуб-

ляют вино. Зато эриставы, азнауры и тадзреулы отводили душу за время долгого поста — пили так, как умеют картлийцы — не пьянея, а только становясь красней и красноречивей. Старик знал многих из них еще с тех пор, как бывал при дворце царя Стефанова по поручению покойного Константина, знали и его. Вон сидит кахетинский азнаур Петре, с которым Дадын не раз обмывал усы вином из одной дружеской чаши. Этот богатырь сильно сдал — постарел, поседел. Должно быть, его одолевают мысли о родной Кахети, изнывающей под арабами, о сыне Шакро, сгинувшем в хазарском плену. Дадын сообщил уже Петре о том, что он дал хазарам выкуп за него, но Шакро еще не вернулся, а может быть, не дождался свободы... Петре встретился взглядом с Дадыном, устало улыбнулся ему и поднял чашу. Дадын ответил ему тем же. Справа от Петре сидит его младший сын Зураб — могучий богатырь, а слева — азнаур Дато, через земли которого ехали абазги. Дадын отметил про себя, что его не было в отряде Арчила, и это показалось ему странным.

Кто-кто а Дато должен был проявить рвение в поимке вероотступника Гасана, разбойничавшего на его земле. Перехватив взгляд Дадына, азнаур громко крикнул:

— Эгей, старый камарит, много ли взял ромейских кораблей? Пью за твое здоровье!

Это можно было понять двояко: как похвалу и как намек на то, что абазги не очень-то верны ромейской империи и при случае не прочь воизвить ей под ногу занозу. Дадыну тост Дато не понравился, но оставить его слова без ответа нельзя; они были сказаны громко, и теперь все притихли, ожидая, что скажет старый абазг, грехи которого кое-кому из присутствующих были известны. Мириан сдвинул брови, Леон глядел в чашу, медленно поворачивая ее то одной, то другой стороной. Арчил предостерегающе смотрел на Дадына. Католикос Табор по старческой тугоухости не расслышал слов Дато. Петре сжал огромные кулаки и уставился на Дато выпуклыми глазами. Дадын неторопливо налил в чашу вина и встал. Меж тем он лихорадочно искал ответ. Он понимал: Дато сказал это не зря; кто-то, если не он сам, подхватит на лету слова Дадына и донесет до императора Льва: хвалился-де приближенный Леона Абазгского за столом царя Мириана, что

берёт на меч ромейские торговые корабли.

— Ты выпил за мое здоровье, выпью и я за твое — полчаши. — Дадын отпил вино. — Остальное я допью после того, как оторву голову той поганой вороне, которая накаркала тебе про ромейские корабли. Не к лицу тебе повторять воронье карканье.

Дадын сел и отодвинул чашу. По залу прошел разноголосый гул: одни одобряли ответ, другие обиделись за Дато. Мириан, окрывая усмешку, гладил рукой бороду, Арчил откровенно хохотал — ему понравился ответ старого камарита, о разбойничьих делах которого он знал. Повеселел и Леон; он вздохнул с облегчением и издали поощрительно улынулся Дадыну. Зато Дато почувствовал себя оскорбленным. Он вскочил на стол и выхватил меч, но сын Петре сгреб его в охапку и усадил на место. Мириан встал. Все поднялись и повернулись к нему лицом. Только католикос Табор остался сидеть, но и он задрал жиденькую бороденку и приложил к уху ладонь — приготовился слушать.

— Один бог над нами, все мы под рукой богом данного нам кесаря ходим. Давно ли мы здесь с доблестными воинами императора изгнали из Эгриси нечестивых магометан? Еще не впитали кровь наши поля, не остыли родные пепелища, не высохли слезы наших жен, матерей и сестер, потерявших в битвах своих мужей, братьев, сыновей, а полчища саркинозов снова черной тучей заливают нашу землю. Кахети в огне, в Тбилиси хозяйничают эмирские прислужники. Поганому врагу мало лишить нас земли, которая кормила наших предков; он хочет обратить картлийцев в мусульманство...

Под гулками сводами ширшественного зала раздались негодующие возгласы:

— Не быть этому!

— В бой, картлийцы, за веру христову, за нашу Картли!

Мириан поднял руку, призывая к тишине.

— Враг не дает нам вложить мечи в ножны и взяться за орала. В это время грозных испытаний мы все должны быть едины, как пальцы, сжатые в кулак. Тот, кто сеет между нами рознь — помогает поганым.

Все поняли, к кому относятся эти слова. Дато бешено сверкнул глазами на Дадына. Но Зураб придавил его тяжелой рукой.

— За наше братство! — провозгласил Мириан.

— Ваша!

— Пусть дружба Картли и Абазгии переживет века!

— Ваша, ваша, ваша!

Мириан обеими руками поднял полную чашу и под торжественную заздравную песнь медленно осушил ее.

4

Поздно ночью, когда зал опустел, и в светильниках выгорело масло, Мириан поднялся на сторожевую башню и вошел в маленькую угловую комнату. Это было временное пристанище духовного пастыря всех грузин — католикоса Табора. Простая постель, покрытая ковром, у изголовья — большое распятие, искусно вырезанное из светлого камня. В углу, у иконы, светится крохотный живой огонек лампы. При появлении Мириана старец поднялся.

— Я нарушил твой покой, святой отец.

— Что может потревожить служителя бога? Я уже отдохнул и ждал тебя, сын мой.

Католикос засветил от лампы свечу, воткнул ее в оплывший воск подсвечник и поставил на стол.

— Что скажешь о Дато, святой отец?

— Кого бог хочет наказать, того лишает разума, — сурово проговорил старец.

— А по мне, так лучше бы исторг из него душу. Темная она у Дато. Много я дал бы за то, чтобы знать, какому богу он молится.

— Ты что-нибудь знаешь? — спросил католикос.

— То-то и беда, что не знаю, поступки же Дато подозрительны. Гасан на его земле зверствовал, а меч Дато в ножнах ржавел. Сегодня же с советником Леона Абазгского ссору затеял. Похоже, хочет он поссорить нас с императором. Вот и суди, какая душа у Дато.

Табор озабоченно пожевал губами, он понимал: Мириан ждет от него совета, но что он может посоветовать? Только просить бога укрепить его дух в борьбе за объединение усилий всех мтаваров и азнауров в войне против мусульман. Будучи последовательным кафоликом*, он настойчиво склонял Мириана к мысли крепить Грузию под главенством православной церкви.

— Что армянские нахарары*, что картлийские мтавары — все едино волки, терзающие и растаскивающие свои государства по частям, а нечестивым того только и надо: по частям легче покорить народы. Не в одном Дато дело. Много воли дал ты своим азнаурам, а каждый из них опит и видит себя великим мтаваром.

— Мне это известно, святой отец, но азнауры и мтавары — наша опора, они не могут быть сильны без земли и воинов-поселян. Уповаю на то, что перед лицом общей опасности они сплотятся воедино, — сказал Мириан, задумчиво поглаживая бороду.

Его самого беспокоило своеволие азнауров. Задуманная им с братом реформа задерживалась из-за того, что многие азнауры находились вдали от своих земель, занятых арабами, но эгрисских азнауров он укреплял, наделяя землей и крестьянами-воинами. Ныне же некоторые из них претендуют уже на потомственное владение областями, подчиненными им. Другого пути укрепления Картли не было. «Бог даст победу, тогда осуществим реформу по всей Картли», — думал он.

— Святая церковь наша сильна единством православной веры, а государство — единством верующих. Не забывай об этом, сын мой. Ты защитник веры в триединого нашего господя бога и надежда его паствы. Молюсь за тебя денно и ночью. С чем Леон Абазгский прибыл?

— А это мы сейчас узнаем. Арчил приведет сюда его человека — доверенного покойного Константина. — Мириан прислушался. — Идут уже.

Скрипнула тяжелая дубовая дверь, пламя свечи заколебалось. Перед Мирианом и Табором предстали Арчил и Дадын. Старый абазг опустился на колени перед католикосом.

— Благослови, святой отец.

Табор небрежно перекрестил Дадына, пробормотав что-то невнятно. Потом абазг, не вставая, повернулся к Мириану. Тот сел, положив на стол сцепленные руки.

— Встань.

Дадын поднялся и посмотрел в глаза Мириану.

— Помнишь ли ты наказ, данный тебе Константином Абазгским?

Старый абазг внутренне вздрогнул. Значит, не ему одному Константин поручил заботы о будущем Абазгии!

— Помню и готов отвечать.

— Говори.

— Леон предан союзу с Эгриси.

— Не ошибаешься ли ты?

— На том крест готов целовать.

Левая бровь католикоса чуть приподнялась, в глазах мелькнула ирония.

— Пустое говоришь. Ты в язычестве погряз. Истинной христианской веры в тебе отродясь не было. Что тебе крестное целование! Как можем мы верить тебе?

Дадын оправдывал осторожность наследников Стефаноза и католикоса, потому что сознавал всю глубину своей ответственности; он еще раз оценил предусмотрительность покойного Константина, замыслившего убраться своего сына Леона, если тот будет осуществлять политику великодержавного ромейского императора. Дадын некоторое время думал о том, как доказать католикосу и Мириану, что Леон свято блюдет заветы отца и верен союзу с Эгриси. Наконец, решился:

— Я взял ромейский корабль. Все золото, которое он вез для раздачи жалования воинам келасурского гарнизона, я передал Леону Абазгскому...

Мириан и Табор переглянулись, Арчил усмехнулся.

— Сказано, сатана в образе человеческого, а еще крест целовать хотел, — пробормотал католикос.

— И что? — не терпелось Арчилу.

— Леон Абазгский сказал: на ромейские деньги у ромеев же купим оружие для войны с агарянами.

Арчил рассмеялся, Мириан же строго сказал:

— Больше не трогай ромейских купцов. Беду навлечешь на своего патрона, и нам от того беспокойство. Попадешься нам — пошады не жди. Ромейские купцы доставляют мне железо и оружие, а они сейчас нужны для войны с саркинозами. Ты же мешаешь этому.

— Не трону, государь.

— Какого совета и помощи ждет от нас твой патрон? — спросил Мириан.

— Хотим просить главу картлийской православной царквы назначить к нам священником — картлийца или абазга.

Мириан круто повернулся, а католикос, несмотря на свой преклонный возраст, живо вскочил.

— Этого не просите! — резко сказал он. — Вы, абаз-

ти, своевольны. Ни кесарь, ни святейший патриарх никому не доверяет абазгскую паству, кроме как человеку, верному святому престолу.

Мириан подошел к Дадыну и, глядя ему в глаза, сказал:

— Достаточно пока и того, что наш святой отец — картлиец. Он и наш и ваш заступник перед богом и императором.

— Истинно так, благослови тебя господь, — проговорил католикос, крестясь.

Дадын поклонился!

— Я понял.

Абазгский архиепископ мешал Дадыну разбойничать. Но раз Мириан и Арчил запретили трогать ромейских купцов, с чем он не мог не согласиться в силу сложившихся обстоятельств, отпала и необходимость замены епископа своим человеком.

Мириан взглянул на брата, приглашая его высказаться.

— Если саркинозы снова вторгнутся в Эгрию, чем вы можете помочь нам? — спросил Арчил у Дадына.

— Дадим пеших и конных воинов, — ответил тот.

Мириан заинтересовался:

— Кто поведет войско?

— Леон Абазгский сам возглавит своих воинов. Я же буду его ближайшим помощником и советчиком.

Арчил заметил:

— Пеших не нужно. Посадите всех лучников на коней... Лучников бы побольше.

— Своих воинов держите при себе, — вмешался Мириан. — Пусть будут готовы. Брат дело говорит: хорошо бы ваших лучников всех на коней посадить. Ну, об этом мы завтра поговорим с твоим патроном, а сейчас иди и не забывай, что я сказал о ромейских купцах. Они нам нужны.

Когда Дадын вышел, Арчил заметил:

— Леон не так прост, как показывает.

— Леон — послушное копье в руках глав своих родов, а особенно этого камарита, — возразил Мириан.

— Лукав язычник, — сказал католикос. — Главы родов у Леона — то же, что наши азнауры: каждый готов вцепиться в другого, как волк, и каждый в мтавары метит. Господь, прости слепых, образумь безумных во имя защиты святого престола от нечестивых. Аминь!

Все перекрестились.

ПОСЛЕДНЯЯ СТРЕЛА ГУДЫ

Злее птицы кровожадной эта хищная стрела...

Фирюз Машрики

1

Гуда происходил из семьи, связанной дальними родственными узами с дадыновым родом, и его безоговорочно приняли как своего. К Богумилу же вначале относились с недоверчивостью, ничем, впрочем, открыто ее не высказывая. Но скоро отношение к нему изменилось к лучшему. Этому способствовали большой рост и непомерная сила Богумила — достоинства, издревле почитаемые всеми народами, но более всего — сам правитель. Леон знал Богумила еще в Константинополе; он не раз видел его среди охраны священного Палатия, втайне восхищался могучей статью славянина. С Гудой же разговаривал по-абазгски, дабы поупражиться в родном языке, как того требовал от него Деметрий. Увидев их среди дадыновых людей, Леон удивился, но вида не подал, лишь небрежно заметил:

— Не понравилась служба у императора?

Он полагал, что они тайком покинули Палатий. Богумил и Гуда смутились: неизвестно ведь, как правитель Абазгии отнесется к их непослушанию Лонгину. Не прикажет ли заковать и отправить обратно? Видя нерешительность побратимов, Леон добавил:

— Как вы здесь оказались, мне до того дела нет. Одио знайте: на моей земле вам ничего опасаться. А все лучше бы вам ромейским купцам на глаза не попадаться.

Тогда Гуда поведал Леону обо всем, что с ними произошло, ничего не утаил, и о том, как стали они с Богумилом побратимами, тоже вспомнил.

— Славных воинов лишился император, — усмехнулся Леон, а потом обратился к Богумилу: — Теперь ты свободен. К чему лежит твоя душа?

— Далеко моя страна, а все ближе, чем от Палатия. Если дозволишь, погощу у побратима, а потом уйду к своим. Жаждались меня родичи, а пуще всех — мать с отцом. Не ведаю, живы ли? — отвечал правителю Богумил.

— Бог милостив, дождутся. А покуда не хочешь ли послужить мне — моих воинов искусству мечевого боя обучить? Известно мне: в этом с тобой никто не сравнится. Отпущу с наградой, какую заслужишь.

— Великую честь оказываешь мне. — Богумил низко поклонился, коснувшись рукой земли. — Послужу тебе и твоему народу не за награду — за доброту твою и гостеприимство. Вели отобрать крепких воинов. Трудно будет мое учение.

Леон тут же отдал распоряжение Дадыну выделить сотню воинов и снарядить их ромейским оружием. Потом повернулся к Гуде:

— Не прошу — приказываю: готовь лучников по своему разумению... Ну-ка, покажи свое искусство. — И тут же распорядился: — Дайте ему лук и стрелу.

Гуда понял: не прежний подневольный императору юноша говорит с ним, а правитель. Он взял поданный лук и для пробы потянул на себя тетиву. С облегчением заметил: не столь тугой, как тот, из которого он раньше стрелял; на прежний лук у него сейчас не хватило бы силы. Вложив стрелу торцом в тетиву, искал глазами цель. В сотне шагов от них на сухом суку ворона чистила клюв. Быстро, почти не целясь, Гуда пустил в нее стрелу. Ворона упала. Абазги с восхищением зашелкали языками, но Леон упрекнул:

— В Константинополе ты выбирал цели потрудней.

— Мои руки еще слабы и давно не держали лук, апсха.

— Набирайся сил, упражняйся сам и других учи. Чтобы не хуже палатийских лучников были. Смотри, за это мой спрос с тебя, — строго предупредил Леон.

Когда он ушел с Дадыном, Богумил произнес:

— Князь... Такому послужить — душе отрада.

Богумил горячо взялся выполнять наказ абазгского князя. Сотню самых рослых и сильных молодых абазгов

поселили лагерем. Учил их Богумил по всем правилам воинской науки. Тяжела была эта наука: часами он заставлял молодых воинов рубить шести, бегать и прыгать в полном ромейском воннском облачении, учил быстро строиться щитом к щиту неодолимой стеной и ошетиливаться копьями; показывал, как выбить меч из рук противника, как одному биться с двумя и тремя врагами разом. Но самым трудным и ненавистным для абазгов упражнением было держать в вытянутой руке меч. Чуть ли не до обморока довел он однажды людей, неподвижно стоявших в тесных латах и шлемах под палящим солнцем. Изнемогавшие от тяжести мечей руки воинов одеревенели и клонились к земле. Прохаживаясь перед строем, Богумил подправлял их.

— Чтобы меч держать, сила нужна, а сила без пота не придет, — наставительно говорил он. — Чем солонее пот в ученьи, тем слаще победа, уразумел?.. Ну, ну, выше руку, не палку держишь — меч.

Дадын стоял в стороне, неодобрительно смотрел на Богумила и утомившихся воинов. Пора бы дать им отдохнуть. Наконец не выдержал:

— Абазги исстари на коне, да с луком. К чему нам ромейские воинские порядки? — сказал он. — Агаряне бьют ромеев конницей.

— Против сомкнутого строя римских легионов никто не устоял...

— Так-то римские, — возразил Дадын.

— Верно... Агаряне бьют ромеев за плохую выучку римской науке побеждать, — усмехнулся Богумил. — Силы да стойкости у ромеев нет той, что у римских воинов была. Если бы ромей воевали так же ловко, как торгуют, были бы и они непобедимы.

Дадын засмеялся. Что правда, то правда: ромей торговать куда как горазды. Богумил, выполняя наказ воеводы-князя, внимательно вглядывался во все стороны жизни Ромейской империи: немало запало в его голову из того, что он видел на чужбине.

Гуда тоже прилежно занимался с лучниками и сам подолгу упражнялся в стрельбе, возвращая руке былую твердость, а глазу меткость. Он ухитрялся держать в пальцах сразу несколько стрел и пускал их с такой быстротой, что они летели одна вслед за другой. Даже бывалые воины качали головами: «Вот это лучник!». Ни

одна стрела не пролетит мимо цели, будь то лещинка толщиной с палец, или бычья шкура с белым квадратом, удаленная на полтысячи шагов. Гуда заказал себе невиданный лук — на локоть выше его роста и такой тугой, что ни один лучник не смог натянуть на него тетиву; стрелы же были — каждая с алабашу. Наконецники, выкованные специально, не плоские и длинные, как лист ивы, а четырехгранные — чтобы латы ими пробивать. На пробу Гуда просадил такой стрелой крепчайшие латы, а заодно и доску, на которую их повесили. Богумил даже поежился: «За щитом от него не укрошься».

Покончив с занятиями и отпустив людей, Гуда ушел куда-нибудь в тень и лежал, ко всему равнодушный. С тех пор, как воин иопил из рук Амзы целебный отвар, приготовленный знахаркой, он стал быстро поправляться; его большое костистое тело, как в былые времена, обросло железными мышцами. Но духи гор, вернув к жизни могучее тело Гуды, должно быть, не до конца отпустили его душу. И без того немногословный, он вовсе замолчал, подолгу задумывался, если же отвечал на вопросы побратима, то односложно. Он облюбовал скалу неподалеку от лагеря и подолгу сидел там, положив на колени длинные руки и уронив на них голову. Иногда Гуда на целый день уходил в горы, говоря, что идет поохотиться, но часто возвращался без добычи; для такого лучника, да при обилии дичи, это было необъяснимо. «Значит, не на охоту ходит. Но куда? Что гложет душу побратима?» — терялся в догадках Богумил.

2

В этот день Гуда снова ушел. Он долго пробирался сквозь густой подлесок. Наконец, выбрался на лесистый бугор. Отсюда, сквозь редкие деревья, хорошо видна небольшая лужайка-двор, примыкающая к хижине. Гуда лег в густую траву и затаился. Легкий ветерок шаловливо перебирает листья деревьев, и от этого солнечные пятна на земле в непрерывном игривом движении; неподалеку черный дрозд копошится в прошлогодней листве, выискивая под ней червей; он выхватывает

их и улетает, потом снова возвращается. Хлопотливое дело — кормить птенцов. У корней липы вьются гудящие шмели — там их гнездо. Мир и покой царят в лесу. Гуда терпеливо смотрел, не отрывая глаз, на хижину и дождался: из нее вышла Амза. Она села среди травы на лужайке и стала плести корзину. Наструганные и вымоченные для гибкости ленты из лещины послушно проворным пальцам. Амза в белом платье из тонкого льняного полотна; одна коса за спиной, другая покоится на груди. Думы девушки, наверно, так же легки и светлы, как корзина, которую она плетет, — на ее лице блуждает улыбка. Временами из хижины выходит Шкуакуа и тогда Амза перекидывается с ней несколькими словами. Вот она чему-то засмеялась, откидывая голову. Гуде показалось, будто солнце померкло перед красотой девушки.

Увидев в полубессознательном состоянии склоненное над ним прекрасное лицо Амзы в тот момент, когда она давала ему целебное питье, Гуда решил, что она одна из дочерей Ажвейпша. Душа его возрадовалась и вознеслась в благодное царство сна. Будь его воля, он из него не вернулся бы, потому что во сне видел девушку, чувствовал на своем лбу прикосновение ее нежной руки. Когда же, окончательно придя в себя, он снова увидел Амзу, то даже приподнялся на слабых руках, с изумлением и восторгом смотрел на нее. Он потрогал девушку за плечо, вдохнул аромат ее смоляных кос.

— Ты не привиделась мне, дочь Ажвейпша, — сказал он радостно.

Амза смутилась и встала. Она поняла, что произвела на молодого воина слишком сильное впечатление. Тогда же Гуда узнал, что Амза невеста Леона; об этом ему предусмотрительно сказал Ахра. С того времени Гуда и загрустил. Он сознавал, что Амза никогда не будет ему принадлежать, но то, что она поселила в его душе, было сильнее разума. Единственное, на что он отважился — это в глубокой тайне от других — время от времени приходить сюда и из укрытия смотреть на девушку. Если ему удавалось хоть мельком увидеть ее, он считал себя счастливым. Сегодня же его счастье было беспредельным. Амза, будто зная о его присутствии, подарила ему радость вдосталь смотреть на себя. Гуда боялся шевельнуться, боялся вздохнуть. Травинки, при-

давленные к земле его грудью, вздрагивали от бурных толчков сердца.

Все также шелестел листьями ветерок, играли солнечные блики, гудели шмели, копошился дрозд, но Гуда ничего этого не видел и не слышал — для него существовала только Амза. Гуда, очнись! Посмотри, кто-то ползет между кустами, за ним — второй. Неизвестные люди, как шакалы, крались к хижине. Гуда увидел их слишком поздно, когда они внезапно высочили на лужайку и бросились на Амзу. Девушка вскрикнула, но ей зажали рот, потом схватили за руки и бросились в чащобу. В лесу послышался топот лошадей. Старая Шкуакуа заголосила:

— Увели, похитили Амзу!... Скорей, мужчины, в погоню! — кричала обезумевшая старуха.

Из соседних хижин выбежали люди и бросились ловить лошадей. Удачное время выбрали похитители: в поселении оставались только старики да дети; воины же уехали с Дадыном сопровождать Леона. Похитителей преследовал только Гуда. Он заметил, в каком направлении помчались похитители, и бросился им наперерез, стремясь раньше их оказаться у выхода из ущелья. Гуда бежал, падал, катился с горы — и опередил. Но тут он с ужасом увидел, что у него в колчане всего три стрелы — остальные он растерял, когда катился с горы. Три стрелы, а сколько всадников? Наверняка кто-нибудь из них оставался с лошадью. Вот они мчатся, мелькают между деревьями. Их трое. Похититель с Амзой посредине. Они нахлестывают лошадей и все время оглядываются: нет ли погони? Три всадника, три стрелы. Гуда не имеет права промахнуться. Стрелять в того, кто вез Амзу поперек седла, он не решился. Деревьями. Серdito загудела спущенная тетива; всадник покажется в достаточно широком просвете между деревьями. Серdito загудела спущенная тетива; всадник взмахнул руками и упал с лошади. Второго, с Амзой, Гуда пропустил, а третий лишь на мгновение замедлил бег, — он хотел взглянуть, что случилось с его товарищем, и поплатился: тяжелая стрела вонзилась ему в грудь и до половины вышла из спины. Всадник с Амзой обернулся и понял, что происходит. Он поднял девушку на руки и прикрывался ею от невидимого лучника. Проклятый похититель, вилея между деревьями,

уходил со своей бесценной добычей все дальше. Но тут Амза высвободила одну руку и схватила уздечку, сильно натянув ее; конь сбился с шага, завертелся на месте. Взабешенный всадник пытался отнять у нее уздечку, но девушка, извернувшись, зубами вцепилась в его руку. Амза защищалась, как рысь, — кусалась, царапалась. Всадник увидел погоню; она была еще далеко, но быстро приближалась. Отчаявшись увести девушку, похититель выхватил кинжал и вонзил ей в грудь. Бросив Амзу, он стремглав помчался в гору, припав к загривку коня. Он уходил, уходил безнаказанно — его скрывали деревья. Лишь маленькая прогалина у вершины холма должна была открыть его на короткое время. Но до нее было слишком далеко — обычный лучник и не пытался бы достать его своей стрелой, но это был Гуда — первый из лучников Ромейской империи. Он ждал, затаив как камень; подсакавшие к месту побища дадыновцы увидели, как его мощный лук начал медленно сгибаться, вбирая в себя всю разгневанную силу Гуды, и в тот момент, когда лошадь вынесла всадника на край прогалины, лук отдал ее стреле мщения. Как ни трагичен был этот момент, но все, затаив дыхание, следили за полетом стрелы. Вот она скрылась из глаз, а затем далекий всадник вдруг запрокинулся и повис на стременах; его лошадь осталась одна.

— Привезите его! — крикнул Гуда и бросился к Амзе.

Она лежала, зажимая руками рану под левой грудью. Гуда подложил под нее руку, пытаясь приподнять, но она застонала и решительно замотала головой, а затем открыла глаза, долгим взглядом посмотрела на Гуду и, узнав его, обреченно улыбнулась; на ее ресницах дрожали слезы.

— Отомсти за меня, — сказала Амза.

Гуда силится проглотить застрявший в горле комок; он никак не мог оказать, что мщение уже свершилось, хотя и не знал, кого настигла его последняя стрела.

Абазги осмотрели убитых.

— Они из рода Дигуа, — сказал старый абазг.

Когда же привезли третьего, старик с изумлением и гневом проговорил:

— Это Сияс — сын Дигуа!.. Проклятье роду Дигуа!

Так вот кого настигла третья и последняя стрела Гуды! Она торчала у Сияса между лопаток. Позорная

смерть! Только трусы, убегая, получают удар в спину.

— Амза, вон он, твой похититель, — сказал Гуда.

Девушка взглянула на мертвого Сияса; в ее глазах мелькнуло выражение злорадства.

— Ты настоящий воин, Гуда. Я скажу об этом духам гор, — слабо проговорила она.

— Ты не уйдешь к духам гор... Нет, нет, не уходи.

Амза не ответила. Она закрыла глаза и заметалась в агонии. Гуда бережно приподнял ее, как недавно это сделала она, давая ему спасительное питье. А Гуда? Он ничего не мог дать ей. Вот если кровь свою... Он готов был отдать ее всю до последней капли. Пусть она живет, нет, не для него — для украшения земли абазгов.

— Амза, Амза!.. Духи гор, возьмите мою жизнь, но оставьте Амзу! — умолял Гуда в отчаянии.

Но руки Амзы разжались. Теперь все увидели ужасную рану и горестно склонили головы; алая кровь вытекала из нее замедляющими толчками. Девушка глубоко вздохнула, потом тревожно позвала:

— Апсха!.. Где ты, апсха?..

С этими словами душа Амзы улетела к духам гор.

— Горе нам, горе!.. — старый абазг бил себя по голове. — Не уберегли Амзу... Что мы скажем Дадыну, что ответим апсхе?..

Гуда не позволил везти Амзу на лошади. Он поднял ее легкое, еще теплое тело и понес. Абазги не препятствовали ему, потому что он заслужил эту честь. Они шли за ним, ведя на поводу лошадей. Он нес ее, слегка прижимая к груди. Это было все, что он мог позволить себе в своей тайной любви к чужой невесте...

3

Горы Абазгии круты, а ущелья узки и глубоки; по дну их текут стремительные реки. Полдня, а то и целого дня не хватит, чтобы добраться к соседу по ту сторону ущелья. Для вестей же нет препятствий. В порах слышно далеко, а слух у абазгов тонок. Работает абазг на своем крохотном поле — просо ли сеет, лен ли убирает — и переключается с родичем, живущим на соседней горе. Так издревле абазги передавали друг другу вести обо всем, что касалось их простой вольной жизни. Не

раз бывало: иноземные завоеватели только подходят к Абазгии, а народ уже осведомлен обо всем: сколько врагов, чем вооружены, собираться ли для отпора или уходить в глухие лесные урочища. Придут враги, а поселения пусты — ни людей, ни зерна, ни скота. Пожгут хижины и уйдут. Через неделю — новые плетенные из рододендрона хижины стоят на прежнем месте, и скот пасется неподалеку.

Так и сейчас — тело Амзы еще не успело остыть, а уже вся Абазгия и большая часть Аписилии знали о случившемся со всеми подробностями. И потянулись люди в Анакопийский храм Божьей матери, куда повезли невесту апсхи для погребальной литургии. Посланный к Леону горевестник где-то разминулся с отрядом Леона, возвращавшимся из Цихе-Годжи. И не мудрено — много тайных троп в лесистых горах Абазгии. Кто знает, какую из них выбрал правитель?

Старики у храма неторопливо и обстоятельно обсуждали случившееся. Молодежь в беседе не участвовала, только слушала внимательно.

— Род Дигуа покрыл себя позором, — говорит самый древний из старцев по прозвищу Мудрый Пшкач. — Бывало, и раньше наши мужчины похищали чужих невест, но чтобы убить девушку — такого позора мои глаза и уши еще не видели и не слышали.

Старики согласно кивали головами.

— Ты неправ, Мкан, говоря, что Сияс опозорил своего отца, — продолжал Пшкач.

В старчески белесых глазах Мкана появилось выражение недоумения.

— А разве не так? — спросил он. — Если бы мой сын совершил такое... Ёфу, отрежьте мне язык за эти слова!.. Я бросился бы со скалы в Апсару от позора.

Пшкач осуждающе покачал головой.

— Мкан, ты пережил на десять зим меньше, чем я, но достаточно много видел в жизни, и все же ты не научился видеть дальше своего носа, хоть он у тебя и длинный, — съязвил Пшкач.

— Твой язык от старости стал болтать глупости, — сварливо проворчал Мкан. — При чем тут мой длинный нос? Ты говоришь непонятно.

Из трех беседующих старцев Алиас самый младший — он пережил только семьдесят зим. Алиас не поз-

волял себе говорить с Пшкачем так же свободно, как Мкан, но все же и он вставил словечко.

— Мудрый Пшкач, ты что-то не договариваешь.

Пшкач не торопился с ответом. Он пробежал проницательным взглядом по лицам окружающих и, поглаживая редкую седую бороду, сказал многозначительно:

— Когда шакал запачкает свой хвост, он прячется и облизывает его языком. Вы видите, здесь нет ни одного человека из рода Дигуа.

— Ты хочешь сказать, что шакалы облизывают свои хвосты? — спросил Мкан, начиная догадываться, куда клонит Пшкач.

— Похищение и убийство Амзы — дело не одного Сияса, — продолжал Пшкач. — Это только дерево с листьями, а надо смотреть, куда идут его корни.

— А ты видишь куда они тянутся?

Пшкач кивнул.

— Дигуа боится усиления рода Дадына, — продолжал он тихо. — Если бы апсха взял в жены его внучку, дадыновцы еще больше возвысились бы...

Многие из абазгов втайне завидовали Дадыну и побаивались его растущего влияния на Леона, но никто из них не решился бы на такой неслыханно дерзкий шаг, а Дигуа решился. Его расчет был прост: увести или убрать Амзу, чтобы не дать Дадыну породниться с правителем и тем самым еще больше возвыситься над другими абазгскими родами, а особенно над соперничающим с ним родом Дигуа; с появлением Дадына он все больше утрачивал то главенствующее положение, которое занимал при покойном Константине. Все замолчали, увидев это происшествие совсем в ином, новом свете.

— Не зря тебя называют мудрым, Пшкач, — примирительно сказал Мкан.

4

Леон возвращался в Анакопию, полный надежд и радостного ожидания встречи с Амзой. Мириан и Арчил обласкали его как родного сына. Мириан к тому же не мог не увидеть, что его дочь весьма заинтересовалась молодым правителем Абазгии. Он не возражал бы про-

тив такого зятя, да только Леон проявил к ней лишь учтивую почтительность. Гурандухт была явно раздосадована его сдержанностью, а жаль, этот брак упрочил бы союз между Абазгией и Эгриси... Разве мог Мириан предполагать, что сердце молодого правителя занято простой абазжкой? Если бы он об этом узнал, то как бы Леон упал в его глазах! Счел бы его легкомысленным человеком. Ведь династические браки диктуются, прежде всего, политическими соображениями.

Католикос присутствовал на всех беседах Мириана и Арчила с Леоном, сам говорил с ним о догматах веры и утвердился во мнении, что абазгский правитель — истинный христианин. Мириан с Арчилом написали письмо кесарю; в нем они сетовали на трудности неизбежной войны с арабами и просили помощи, мало, впрочем, на нее рассчитывая, потому что Византия сама завязла в войне с ними. Сообщили, что Леон верен святому престолу, предан союзу с Эгриси, при этом они дали понять Льву, что в свете надвигающихся событий затягивать утверждение его наследственных прав неразумно. О чем писал святейшему патриарху католикос, неизвестно, но, судя по доброму благословию, которым Табор напутствовал Леона, у него не было причин не доверять ему, тем более, что за каждым шагом правителя Абазгии неотступно следил верный святому престолу человек — анаконийский архиепископ Епифан.

В ширях, охоте и дружеских разговорах, во время которых было достигнуто соглашение о совместных действиях против арабов, быстро пролетела неделя. Мириан и Арчил не стали задерживать Леона погостить дольше — не до того было. Отряд картлийцев провожал его до реки Ингури. А сегодня абазги пересекли Апслию и вступили в собственные пределы. Чем ближе Анакопия, тем большим нетерпением разгорался Леон. Он мечтал о том волнующем моменте, когда Амза выбежит ему навстречу, а он, как всегда, бережно подхватит ее на руки и понесет по травяному ковру, когда она обвяжет его шею, прильнет к груди, а пленительные губы ее будут шептать слова любви. «Нет сил более ждать. Приедем — и под венец», — решил он.

У Дадына свои думы. Был момент, когда ему показалось, что его планам породниться с правителем не суждено сбыться. На пути к честолюбивым замыслам

старого камарита вдруг возникла Гурандухт. Слов нет, дочь Миряна прекрасна. Дадын с тревогой, усиленной ревностью за внучку, следил за попытками Гурандухт обворожить Леона. Каждый раз, когда Гурандухт заговаривала с ним, искусно пуская в ход все свое очарование и тонкое кокетство, Леон вызывал в памяти нежный образ Амзы, защищаясь им от пленительной дочери картлийского правителя. И, к радости Дадына, сердце Леона устояло перед несомненными достоинствами Гурандухт. Скоро в Анакопии быть большой свадьбе. Леон сегодня намекнул об этом Дадыну.

Старик зорким взглядом окинул земли Дигуа, через которые они ехали. Вон там, за горой, его родовое гнездо. Пусть Дигуа не кичится древностью своего рода, служившего еще, первым правителям Абазгии — Аносу и его сыну Гозару. Его, Дадынов род, станет самым могущественным. Если духи гор и впредь будут покровительствовать ему, то он, Дадын, еще дождется правнука. Он сам воспитает его на традициях предков, сам посадит на коня и вложит ему в руку свой грозный меч...

Крылья честолюбивых мечтаний далеко занесли Дадына; все складывалось именно так, как задумано и о чем он просил своих языческих богов. Там, высоко в горах, у самого перевала, Дадын не раз приносил духам гор богатые подарки. В награду за верность они теперь помогают ему осуществить его замыслы...

Всадники поднялись на взгорок. Леон придержал коня; теплая волна, как от чаши старого крепкого вина, разлилась у него в груди — там, за голубой дымкой дали, он увидел Анакопию — сердце Абазгии, принадлежащее ему по наследственному праву первородства. В отличие от многих крепостей, подчеркивающих строгостью форм свою неприступность, Анакопия была солнечно ясна. Город-крепость уютно расположился у подножья и на склонах пирамидальной горы, вершину которой, как корона, венчает цитадель с мощными стенами, башнями и храмом Божьей матери, построенным четыре столетия назад по велению императора Августа Юстиниана. Анакопия не подавляла суровой отчужденностью от окружающей местности, а слилась с ней, своей увенчанной главой она тянулась к небу, к солнцу. В ней были спокойное величие и уверенность, она будто

глядела в века, зная, что время над ней не властно. При всем том Анакопия для врага неприступна, для друзей же ее ворота всегда открыты. Недаром на ее знамени изображена открытая ладонь. Кто, когда заложил первый камень Анакопии, скрыто во тьме веков, но одно несомненно: это был дальновидный человек. На всем побережье Понта Эвксинского нет прекраснее уголка, который так полно отвечал бы требованиям города-крепости; за спиной Анакопии, одна другой выше, громоздятся горы, покрытые дремучими лесами, а у ее подножья — простерлось море. Леон смотрел на море — от берегов до самого горизонта нигде ни одного паруса. «Кораблей бы нам побольше, — со вздохом подумал он. — Разве только ромеям торговать? Нам торговлей умножать богатства Абазгии надобно, а торговать, слава богу, есть чем. У моря живем, плавать абазгам не в диковину».

Конь нетерпеливо рыл копытами землю — просил дороги. Леон дал ему волю, и тот понес его вниз. Спутники Леона подстегнули своих притомившихся за долгий путь лошадей, и они поневоле ускорили бег. Да разве за правителем угонишься: его Аура не знает усталости, он так же бодр, как и в первый час пути.

5

Неподалеку от Анакопии отряд нагнал группу всадников, они почтительно уступили ему дорогу. Занятый своими мыслями, Леон не заметил, что люди избегали смотреть ему в глаза. Он лишь ответил на молчаливые поклоны и помчался дальше. Странное поведение всадников осталось незамеченным и Дадыном, но Ахра обернулся и увидел: люди сбились в кучу и о чем-то взволнованно говорили. Необычным Ахре показалось то, что ни на одном лице не было улыбки, с каким абазги всегда встречали своего правителя. На душе молодого война стало беспокойно. Расспрашивать, однако, было некогда — надо поспевать за Леоном. Беспокойство Ахры переросло в тревогу, когда на подступах к Анакопии молчаливые конные и пешие путники стали встречаться чаще. Теперь Ахра ясно видел: встречные, завидя Леонида и Дадына, вместо приветствий и поклонов, старались

шмыгнуть в кусты. Наконец, Дадын заметил странное поведение людей. Он натянул поводья, конь от неожиданности вздыбился и завертелся на месте, нетерпеливо персебриая ногами. Дадын впился в людей острым взглядом. Никто не спросил его о дороге, о здоровье, никто не пожелал ему добра. Люди лишь кланялись и молчали, вид у них был не то виноватый, не то сочувствующий. В душу Дадына ужом вползло недоброе предчувствие. На дороге стоял совсем дряхлый, горбленый старец; подбородок, чтобы не тряслась голова, он положил на узловатые коричневые руки, сомкнутые вокруг суковатой кизяловой палки. Старец смотрел не в землю, как говорят в народе, а на копыта дадынова коня.

— Мамсыр, скажи, какая беда пришла к нам?

Древний старец сначала пошамкал занавшим ртом, потом тонким дребезжащим голосом проговорил:

— Не хочу быть первым вестником... Потропись в храм, там ты сам узнаешь.

Дадын похолодел. Он понял: кто-то умер.

— Кто? Говори, кто?

Дадын не узнал своего голоса, а когда услышал имя, тихо произнесенное Мамсыром, покачнулся в седле, как от удара меча. Он схватился за голову и с ужасом посмотрел вслед далеко усакававшему Леону.

— Своей смертью? — выдохнул он с трудом.

Мамсыр некоторое время всматривался в Дадына, потом отрицательно качнул головой.

— Кто убил? Говори, иначе...

Дадын заскрежетал зубами и схватился за меч. Старец не дрогнул: на смерть он смотрел, как на желанное избавление от тяжкого бремени, которое его ветхое тело уже не в силах было носить.

— Не возмьму на себя грех говорить о том, чего сам не видел. От людей же слышал, что Гуда отомстил за тебя. Поспеши же в храм. Ты еще успеешь.

Но Дадын окаменел. Молодой абазг взял под уздцы его коня и повел, другие шли боком, оглушенный горем старик едва держался в седле, его голова свесилась, руки безвольно лежали на луке седла. Сопровождающие старались не замечать блеснувших на его ресницах сухих росинок. Горе снежной лавиной обрушилось на Дадына, оно давило холодной тяжестью, затмило ум.

Лишь душа иступленно кричала: «Оу, Амза!.. Амза!..» Вдруг в помутненном сознании Дадына возникла святотатственная мысль: «Духи гор, вы обманули меня!». Старик застоял. Внезапно он хлестнул коня и, чуть не сбив с ног провожатых, помчался во весь опор в Анаконию. Высокая коническая шапка слетела с него, седые волосы растрепались, лицо исказила лютая злоба. У кого поднялась рука смять невинный, еще не распустившийся цветок абазгских гор? Он, как вихрь, ворвался в ворота Анаконийской крепости и из последних сил наметом поскакал в гору, к цитадели, где стоял малый храм и куда тянулись вереницы людей; они в страхе шарахались от обезумевшего коня и его ужасного всадника. Из последних сил запаленный конь влетел в ворота цитадели. Дадын соскочил с него. Безумным взглядом он окинул толпящихся перед храмом, людей; они испуганно жались к стене.

— Гуда! — прохрипел Дадын.

В толпе засуетились. Из храма вывели Гуду. Он был бледен, глаза ввалились, ссутулился, как будто придавленный тяжестью. Дадын надвинулся на него.

— Кто убил Амзу? — выдавил он.

Гуда вздрогнул и выпрямился во весь огромный рост. Он будто очнулся от тяжелого сна.

— Сын Дигуа — презренный шакал Сияс погубил твою внучку. Я отомстил ему раньше, чем душа Амзы ушла к духам гор.

Дадын зарычал.

— Весь род Дигуа своею кровью заплатит за кровь Амзы! Ты огомстил, я еще нет... Коня!

Кто-то подвел ему своего коня. Дадын, так и не зайдя в храм, прыгнул в седло, безжалостно хлестнул чужого коня и стремглав ринулся вниз. Гуда вскочил на чью-то лошадь и понесся за ним. Богумил, до этого сурово наблюдавший за происходящим, последовал за побратимом. Люди у храма запоздало заволновались, тревожно переговаривались:

— Надо предупредить апсху. Только он сможет остановить кровопролитие.

— Верно. Дадын никого не слушает, кроме апсхи. Оружейник Камуг вошел в переполненный храм, протиснулся к Леону и тронул его за рукав. Леон медленно повернул голову. Камуг даже отшатнулся — незна-

важно чужим было лицо, а особенно взгляд апсхи.

— Прости, апсха, но я должен сказать... Дадын с людьми поскакал к Дигуа... Польется кровь...

Лицо Леона передернула судорога, но он ничего не ответил и снова стал смотреть на мраморное лицо Амзы. Глаза его были сухи, но душа кричала от боли, она не хотела признавать, не хотела мириться с тем, что Амза уже не протянет к нему нежные руки, не будет шептать ему слова любви, не станет матерью его детей, как она об этом мечтала. Душа Леона кричала о мщении, требовала крови, но он — правитель, он не может позволить себе того, что требует его раненая душа. Так пусть же Дадын насладится мстостью за них обоих.

Храм невелик, в нем тесно от людей. Женщины стоят по одну сторону, мужчины — по другую. У нерукотворной иконы Божьей матери горит лампада, а у гроба Амзы — погребальные свечи, их много, от них в храме светло и душно. С закопченных стен глядят суровые лики святых апостолов, они призывают молящихся к смирению и отрешенности от суety земной жизни ради вечного блаженства в царстве небесном, и только скорбные глаза Божьей матери по-земному выражают сочувствие неизбывному человеческому горю.

Леон мучительно подавлял в себе желание упасть перед Амзой на колени и согреть ее лицо и руки своим дыханием, временами ему казалось, что ее длинные ресницы дрожат, и она вот-вот откроет глаза, глубоко вздохнет и улыбнется, он боялся упустить этот момент и все смотрел на нее, но разум подсказывал: так не бывает. «Почему не бывает? Матерь божья, сотвори чудо — верни мне ее!..».

Мать Амзы, приехавшая из Апеилин, и старая знахарка Шкуакуа с расцарапанными в кровь лицами совершенно обессилели и охрипли от плача. Время от времени то одна, то другая вскрикивала сиплым голосом и начинала причитать. К ним присоединялись другие женщины, и тогда храм оглашался громкими стенаниями. Архиепископ Елифан, взмахивая кадильницей, читал заупокойную. Службу он вел на не всем абазгам понятном греческом языке, но скорбь людская не нуждается в переводе. Абазги крестились, вздыхали, жалели рано угасшую Амзу, многие знали, что она невеста правителя, и сочувствовали его горю. Но что значило

их сочувствие перед неизмеримой болью Леона! Он едва стоял. Застраивший в горле ком мешал ему дышать. Благоуханный дымок ладана из кадильницы усиливал чувство невосполнимой утраты; он понимал слова молитвы, и они приводили его в исступление. Елифан протяжным речитативом выговаривал:

Святая Матерь божья, будь ходатаицей перед сыном твоим за рабу божью, непорочную деву Амзу, мученически смерть принявшую по наущению диавола-а! В день судный будь заступницей ей перед сыном твоим и вседержа-а-те-лем. Господь всемилостивы-ы-й, прими и упокой душу новопреставленной рабы твоей. Ам-и-и-нь!..

Гуда и Богумил отстали от обезумевшего от горя и жажды мщения старого камарита. Ахра и остальные воины, сопровождавшие Леона, тем более не могли поспеть за ним на своих вконец измученных лошадях. Пока они искали им замену, Дадын, а за ним Гуда и Богумил, ускакали далеко. Как ни торопился Ахра с людьми, но опоздал. Богумила и Гуду он встретил возвращающимися. Оба были пешими. К бокам их лошадей были привязаны длинные шесты, переплетенные скрученными лозами лещины и покрытые папоротником. На вьючных носилках лежал Дадын. Старик истекал кровью; он весь был изрезан мечами, истыкан копьями и стрелами. Дигуа не дал себя застать врасплох. Его родичи потерявшего осторожность Дадына сразили из засады, не дав грозному старику подняться с убитой лошади и взяться за меч. Не добились они его лишь потому, что этому поменяли подоспелшие Гуда и Богумил. При виде их родичи Дигуа шмыгнули в лес, полагая, что за побратимами едут другие дадыновцы.

— Жив? — тревожно спросил Ахра.

— Исходит душа из тела, — ответил Богумил.

Мрачный тон его слов заставил сердца молодых абазгов тревожно сжаться. Недаром говорят в народе: беда одна не ходит.

КЕЛЕВСИС* ИМПЕРАТОРА

Жалую звание архонта Абазгии тебе
и сыновьям твоим и будущим потомкам
навек.

Византийский император Лев III

1

С приездом Леона из Константинополя Федор отошел в тень, а вместе с ним — Дигуа, род которого издавна был близок правителям; его постепенно оттеснил более умный и деятельный Дадын, начавший набирать силу еще при покойном Константине. Больше всех был недоволен этим Сияс. В Анакопии не было тайной то, что сын Дигуа близок к Федору. Все думали: раз при Константине был Дигуа, то при Федоре должен быть Сияс. Такая преемственность считалась в порядке вещей. Сияс, будучи старше и опытнее Федора, сумел сделаться для него необходимым человеком. Леон не видел в этом плохого. Занятый делами по укреплению Абазгии, он мало внимания уделял Федору. Лишь в редкие вечера они встречались у отцовского очага. Оба любили эти встречи. После женитьбы Федор быстро возмужал, стал интересоваться делами Абазгии. Леон не скрывал их. Желая видеть в младшем брате соправителя, он посвящал его в свои заботы. Как-то в разговоре с Федором у очага Леон сказал:

— По Аписии и Абазгии две наши подставы для смены лошадей будут. Так мы с Мирианом договорились. Завтра пошлю Дадына у реки Келасури первую подставу ставить. Вторая будет на полпути к нам, у реки Гумисты.

— У тебя всюду Дадын. Будто и нет больше людей, кому поручать дела можно, — оказал Федор.

Леон не удивился словам брата: знал от кого они исходят.

— Дадын помогает мне в делах, как отцу помогал. Верный человек.

Что верный, не сомневаюсь, да только наш архиепископ, должно быть, уже донес святейшему патриарху в Константинополь о том, что камарит Дадын у тебя в почете. Поберегся бы.

— Что было, то прошло. Теперь Дадын не трогает ромейских купцов, — сказал Леон. Про себя же подумал: «Пронски Дигуа».

О соперничестве Дигуа и Дадына Леон знал, но это его не заботило, а скорее забавляло, потому что оба стремились занять место поближе к правителю, а это для Абазгии он считал не опасно. Другое дело цандрипшские дадалы — Мидас и его сын Гобар. Они кичатся древностью своего рода, связанного с ромеями, одни из которых — Филипп — был правителем Абазгии до свержения его первым правителем абазгов Опситом. В Анакопию оба избегают приезжать; Леон видел их лишь однажды, когда хоронили его отца Константина. Ныне цандрипшские дадалы окружили себя ромеями, с аланами заигрывают. А недавно Мидас в Константинополь ездил, в Палатин околачивался, с блюстителем священной опочивальни Зеноном встречался. В тайном донесении Деметрия оживила тревога. Пора было что-то предпринимать, но Леон все еще не решался разметать цандрипшское осное гнездо — искал повода...

Иногда братья шли на женскую половину; молодая жена Федора гостеприимно встречала Леона. Отослав женщины, обучавших ее языку и обычаям абазгов, она храбро обращалась к нему с заранее заученными фразами и сама же смеялась своему неловкому произношению. Стрельнув лукаво в правителя янтарными глазами, Хибла радушно приглашала его к столу, и пока братья ели, развлекала их пением. Хибла пела, как принято на Востоке, сидя на кошке со окрещенными ногами, запрокинув голову, с полузакрытыми глазами. Голос ее удивлял: он звучал то низко, почти по-мужски, то взвивался флейтой. В протяжных хазарских песнях и звоне бубна слышалось дыхание степного простора с его гонимыми ветрами волнами ковыля, табунами диких лошадей, застывшими в небе башнями облаков.

Переливчатая мелодия вилась то как дым над костром степняка, то вдруг жаворонком звенела в поднебесье. Хазарская песня завораживала так же, как завораживает говор горного ручья, ищущего дорогу среди обомшелых камней. «Колдовство, — думал Леон. — Хороша хазарка, не ошиблись в выборе жены для брата. Любит он ее, а что она по-нашему плохо говорит, так научится».

А песня летела из окна к звездному шатру, раскинутому сверкающий полог над Анакопией. Дозорный на башне, заслышав песню, замирал, прислушивался, потом суеверно крестился. Чудилась ему в песне ненавистной хазарки мольба к своим загадочным богам. О чем просит их хазарка? Хибла пела, а сама сквозь полусомкнутые веки смотрела на Леона.

— О чем твоя песня, Хибла? — спросил Леон.

Хазарка прикрыла веками выпухнувший в ее глазах желтый огонек, потом расомеялась и объяснила:

— Мой отец, великий каган хазар, отдавая меня в жены абазгскому царевичу, повелел мне родить богатыря, который прославит Абазгию.

— Да случится воля великого кагана, — сказал Леон.

И опять загадочный огонь сверкнул в глазах хазарки. Смерть Амзы черной тенью легла между братьями. Леон был уверен: Федор к этому не причастен, но то, что он благоволил Сиясу и по наущению того, как мнилось ему, настраивал его против Дадына, породило в нем холодок отчуждения к брату. Федор тяготился этим. В Леоне проявлялись властность и нетерпимость, чего раньше за ним не замечалось. Федор объяснял себе это не столько смертью Амзы, сколько надвигающимися событиями, и был отчасти прав.

2

День и ночь дымили печи для обжига извести, разногласие скрипели низкие повозки на маленьких колесах, доставляя в Анакопию камень, зерно, корм для скота; кое-где подновлялись крепостные стены, вдоль них вырубались подростные деревья и кустарники, чтобы не только враг — мышь не подобралась незамеченной; очищались и наполнялись водоемы. Леон сам ла-

зил в потайной колодец проверять выход из цитадели в ущелье Апсары — не завалило ли ходы, достаточно ли воды для гарнизона в случае осады?

Много времени Леон проводил в лагере. Уже не сотня тысяча воинов была в нем. Каждый обученный из первой сотни стал начальником десятка молодых. С такой же суровой требовательностью, с какой Рыжебородый, как называли Богумила абазги, муштровал их, они теперь муштровали новичков. Богумил и сейчас никому не давал послабления. Начальника военной школы, назначенного самим правителем, абазги слушались беспрекословно. Леон разделял со своими воинами их простую пищу, часто оставался в лагере ночевать. Здесь принимал гонцов Мириана. Лагерь был обнесен высоким частоколом, вход в него охранялся. Воины жили в плетеных хижинах, стоявших ровными рядами, как палатки ромейских войск. Перед ними — широкая, вытоптанная площадь. Всюду воинский порядок, строгость. Для молодых абазгов это было тягостно, но Рыжебородый требователен, за провинность грозит посадить в глубокую яму, что вырыли рядом с отхожим местом. Абазг скорее дал бы отрубить себе руку, чем опозориться проступком и очутиться в ней, поэтому яма пустовала.

В этот день Леон был в лагере. Он стоял посредине площади и наблюдал за занятиями. Молодые абазги, стоя друг против друга, учились отражать щитом удар меча и быстро наносить ответный удар. Упражнение опасное — мечи настоящие, зазеваешься — пеняй на себя.

— Шаг вперед! Прикройся! Бей! — покрикивал начальник десятка. — Шевелись: вы воины, а не пастухи!..

Новички послушно, но еще нечетко выполняли команду. Другие учились отбивать атаку конницы: быстро сплывались щитом к щиту и выставляли копыя, разом становились на колени, чтобы стоящие за ними лучники и пращники могли пустить в ход свое оружие. Потом всем строем перебежали вперед, кололи и рубили воображаемых поверженных всадников.

В стороне Гуда учил лучников; боевыми стрелами они разили бегущую цель — распяленную на шестах бычью шкуру, которую тянули веревками из-за укрытия.

— Быстрее, быстрее стрелы пускайте, чтобы одна другую догоняла! — командовал Гуда.

Пращникам доставалось от Ахры.

— Открой глаза пошире и смотри, — говорил он неловкому новичку. Раскрутив пращу, он пустил загудевший камень в дальний конец площадки, где стояло одинокое, все избитое дерево; от него отлетела щепка.

— Вот как надо, понял? Ну-ка, еще раз.

Богумил прохаживался большими шагами от группы к группе, поправляя, показывая. Вот он взял у новичка меч.

— Удар наноси не рукой одной, а с выпадом, чтобы сила в нем была, — говорил он и показывал, как вложить в меч вес своего тела. — Бей с потяжкой, всем плечом, тогда ни один враг перед тобой не устоит...

В могучей руке Богумила обычный меч выглядел игрушкой. Собственный же — длинный и тяжелый — висел у него на бедре. Добрый меч отковал Рыжебородому хромой кузнец Камуг. Леон любовался гигантом: «Хорошо учит моих людей».

Подошел воин из новичков и сказал, что из Анакопии пришел рыбак Кучкан с важным сообщением. Леон приказал впустить его. К нему направился враскачку иесуразный человек: широкоплечий, длиннорукий, кривоногий. Его взгляд так и шнырял по лагерю, все примечая и запоминая, чтобы было потом о чем рассказать рыбацкой ватаге. Он сообщил:

— Апсха, пришел корабль. Ромеи привезли оружие. Леон обрадовался.

— Добрая весть — что дорогой подарок.

— Я не все сказал, апсха. На том корабле воинское снаряжение не только для тебя. Еще больше купцы везут его в Цандрипш дадалу Миласу.

Леон вцепился в плечо рыбака.

— Сам узнал или велено перелать мне?

— Твой учитель из Константинополя сообщил. Кто он, я не знаю, а сказал мне об этом фракиец-раб, что на корабле прикован у весла.

Леон испытующе смотрел на рыбака; понимает ли тот, сколь важно это известие? Должно быть, догадывается — в глазах рыбака выражение готовности исполнить любой приказ правителя.

— И еще твой учитель велел передать тебе, что твоим именем он обещал рабу свободу за весть от него.

— Об этом после. — Леон выпрямился, потемнел ли-

цом. — Ромеи не должны тебя здесь видеть, — сказал он. — Но далеко не уходи. Понадобисься.

Леон задумался. Его подозрения в отношении намерений Мидаса и его сына Гобара отложиться от Абазгии и стать архонтами обширной области от реки Бзыбь до западных границ перешли в уверенность. А может быть, цандрипшские дадалы хотят силой оружия, которое везут им ромейские купцы, заставить наследников Константина отказаться от прав на Абазгию? Это еще хуже. «Не потому ли император не спешит утвердить меня архонтом?», — подумал Леон, хрустнув пальцами, сжатыми в кулак. «Так это или нет, но тайное вооружение цандрипшских дадалов несет в себе угрозу единству абазгского народа», — решил он.

Ромеи привезли оружие. Леон приказал пропустить их в лагерь и позвал Гуду и Богумила.

— Пойдем посмотреть воинское снаряжение, — сказали он побратимам.

В ворота втянулась вереница навьюченных лошадей. Два ромейских купца — Анфимий и его сын Савва, угодливо кланяясь, торопливо развязали один из тюков. На землю посыпались шлемы, латы. С первого взгляда побратимы определили: старье. Где только купцы его выкопали! Они переглянулись, но помалкивали: негоже наперед правителя лезть — сам разберется. Леон лишь косо взглянул на рассыпавшееся снаряжение и подошел к одному из тюков. Рывком разорвав его, он вытянул из связки меч, молча повертел, рассматривая, потом согнул о колено. Купцы испуганно посмотрели друг на друга. Бросив с пренебрежением изуродованный меч, он так же молча примерил несколько шлемов; они оказались до смешного малы — разве что подросткам в пору. Леон положил шлем на ладонь и ударил его кулаком; на нем появилась глубокая вмятина. Шмякнув шлем о землю, круто повернулся к купцам.

— Что ты привез мне, проклятый торгаш? — Леон схватил купца за бороду и так дернул, что у того заняли шейные позвонки. — Пока я не получу за свое золото настоящее воинское снаряжение, ты будешь сидеть в яме.

— Смилуйся, архонт! Тебе не нравится это снаряжение? Мы привезем тебе другое, самое лучшее, — уни-

женно говорил Анфимий. Как он проклинал сейчас свою алчность!

— Посадите его в яму! — приказал Леон.

Двое абазгов поволокли купца. Тот стал было сопротивляться, но ему дали коленом пониже спины, и он сразу утихомирился. Леон повернулся к Савве.

— Утопи этот хлам в море!

— Доблестный архонт, отпусти отца. Клянусь Пантократором, через две недели мы приведем тебе самое лучшее оружие, какое только есть в империи, — пролетел тот, бледнея.

Леон впился взглядом в молодого ромея.

— А сегодня не можешь привезти?

Он с удовлетворением заметил, как у того в страхе заметались зрачки. — Хорошо, я подожду, — с недоброй усмешкой сказал Леон. — Но помни: пока я не получу настоящего воинского снаряжения, твой отец будет у меня заложником. Ступай!

Как только Савва убрался из лагеря со своим злополучным товаром, Леон позвал рыбака Кучкана, который издали наблюдал за происходящим. Богумил и Гуда с интересом следили за рыбаком, понимая, что оказался он здесь неспроста.

— Сейчас ты пойдешь к тому рабу, что весть прислал. Сделайте с ним так, чтобы корабль сегодня не ушел, — сказал ему Леон. — За это ты получишь награду, а раб — свободу. Его я выкуплю у купца в следующий раз, когда мне привезут снаряжение.

Рыбак по-разбойничьи сверкнул глазами.

— Мы сделаем так, что корабль никогда не придет в Цандрипш.

— Ты неправильно меня понял. Корабль должен, слышишь, — Леон встряхнул рыбака за плечи, — должен привезти оружие в Цандрипш, но не раньше, чем там будем мы. Иди, и пусть вам сопутствует удача.

Некоторое время Леон ходил взад-вперед, сжимая и покусывая кулаки; лицо его передергивалось, глаза сузились в щелочки. «Наконец, Мидас попался», — злобно думал он. Возникший в его голове план созрел, обрстал деталями. В свое время Дадын упрекал Леона за излишнюю доверчивость, когда он неосторожно дал ромеям золото вперед, но теперь эта его опрометчивость обернулась большой удачей. Было бы непростительно

не воспользоваться ею. Леон вло рассмеялся и круто повернулся к побратимам. Он пристально смотрел на Гуду, будто хотел заглянуть ему в самую душу; тот, как всегда, был спокоен и не прятал глаз от испытующего взгляда Леона. «Его ум не лукав, как был у Дадына, но он могучий воин и предан мне», — подумал Леон, вслух же приказал:

— Отбери сотню начальников десятков. В Цандрипш пойдем. Идти скоро будем — корабль обогнуть надо — и тайно. — Он повернулся к Богумилу. — А ты до нашего возвращения никого из лагеря и в лагерь не впускай. Придут ромеи за купца просить, гони, но в яме его не держи; не околел бы, старый мошенник.

В ту же ночь небольшой, но хорошо вооруженный отряд абазгов во главе с Леоном и Гудой бесшумно исчез в кромешной тьме леса. А у молодого купца дело не ладилось. Большой парус оказался распоротым, хотя кормчий клялся всеми святыми, что когда его сворачивали, он был целым. Потом в днище корабля обнаружилась сильная течь. Пока перекладывали грузы, конопатили и заливали смолой щели между досками обшивки, прошел сутки. Но и после этого корабль шел медленно, будто какая-то неведомая сила держала его, хотя парус был надут, а гребцы, помогая ему, выбивались из сил. Люди начали роптать; в необъяснимом поведении корабля они видели недоброе предзнаменование. Кормчий метался по кораблю, проверял оснастку — все было в порядке. Он свесился за корму и вдруг увидел под поверхностью моря какой-то длинный темный предмет, тянувшийся за кораблем. Вначале не могли понять, что это такое, потом разобрались. Оказалось — длинная широкая доска, нагруженная большими камнями; она была привязана к килю под водой и шла поперек, сдерживая ход корабля. Савва понял: не озорства ради это сделано — его задерживали с определенным умыслом. Молодой ромей задумался. «Кому и зачем было нужно, чтобы корабль шел медленно? — спросил он себя и вдруг вспомнил недобрую усмешку Леона и его слова: «А сегодня не можешь привезти?». Догадка сначала обдала Савву жаром, потом бросила в холод. «Леон знал, что на корабле есть оружие!». От страха внутри у него все заныло, а ноги стали подкашиваться. Он вез оружие в Цандрипш по приказу патрикия Зено-

на и догадывался, для чего оно нужно Мидасу. Нарушить же приказ патрикия Савва не посмел даже после того, как его отец угробил в яму за попытку обмануть Леона. «Как теперь быть? Что если Леон уже в Цандрипше и ждет корабль?» Поразмыслив, Савва успокоился. «Если бы архонт хотел отобрать у нас оружие, он мог бы это сделать в Анакопии, — подумал он. — Значит, ему нужен повод для нападения на своего врага, а тайное вооружение Мидаса — хороший повод для этого: и врага своего уничтожит, и оружие отберет». Савва восхитился: хитро задумал архонт! «Эх, отец, отец, кого мы хотели обмануть!».

Молодой ромей благоразумно решил держать язык за зубами. Иначе его старый отец сгниет в яме, а ему самому в этих краях больше не торговать. «Пусть абазги дерутся между собой, мне до этого дела нет, лишь бы выручить свои деньги и спасти отца».

Сколь ни настаивал Мидас, Савва не согласился выгружать воинское снаряжение, пока не получил сполна деньги. Подозревая обман, Мидас сам проверял каждый меч, шлем, латы, щит — снаряжение было превосходным. Сын Мидаса Гобар складывал его под навесом, за высоким частоколом возле большого каменного дома цандрипшских дадалов. Савва все время беспокойно оглядывал берег, что не ускользнуло от внимания Мидаса, и как только была выгружена последняя связка мечей, приказал отчаливать и поднимать паруса.

— Что спешешь, купец, юности. У нас и поговорить есть о чем, — сказал ему Мидас.

— Благодарю за милостивое приглашение, но у меня приказ: несмедля возвратиться в Константинополь, — ответил ромей.

Чей приказ, он не сказал, а Мидас понял ромея так, что приказ этот исходит от Зенона. Старый дадал, однако, заметил, что Савва перекрестился с явным облегчением. Но он не придавал этому значения — торопится.

— Да покровительствует тебе Николай-угодник! — пожелал Савве Мидас.

Купец низко поклонился ему и перешел на корабль. Когда тот отчалил, Мидас сказал сыну:

— Похоже, ромей чего-то боится.

— У наших берегов камаритов нет, чего ему бояться, — усмехнулся Гобар.

Мидас понял скрытый смысл слов сына и рассмеялся. Он отослал людей, помогавших разгружать оружие, и когда те ушли, тихо заговорил:

— Сомнения меня одолевают, не поздно ли начинаем? Леон укрепился, его все абазгские роды поддерживают, а нас кто? Наши, да Дигуа со своими родичами. А много ли их осталось? Дадыновцы более половины их перебили, а те, что у нас спрятались, какие из них воины?

— Завтра пошлю к аланам вестника, как договорились. Оружия теперь хватит.

Мидас недовольно покачал головой.

— Пролить кровь абазгов руками чужаков — бог не простит нам этого.

— Ты что, отец, уж не боишься ли?

— Стар я, чтобы бояться... О тебе думаю, о роде нашем...

— Я от своего не отступлюсь. Анакопийский трон предков верну — на том клятву дал.

Мидас тяжело вздохнул.

— Силен Леон...

— Что и говорить, силен, — согласился Гобар. — Он даже апсхой велит себя называть. Апсха!.. — Темно-карие глаза молодого дадала мрачно сверкнули, а красивое лицо, окаймленное густой черной бородой, искажилось ненавистью. — Голову этого апсхи я насажу на кол и отдам на потеху воронам... Двоим нам тесно на этой земле: либо я, либо он...

— Горяч ты, а в таком деле горячность — только помеха... Думай о том, как потом с аланами сладишь, какой ценой платить им придется, — с укором сказал старик и перекрестился. — Да поможет нам бог!.. Выставь охрану у оружия, а утром посылай к аланам.

Не спится Мидасу. Думы одолевают старого дадала. Тонко плетут они с сыном паутину заговора против Леона, да все ли сделано для того, чтобы сохранить его в глубокой тайне? Мидас не смог сесть в Анакопии, как задумано им было еще в молодые годы — крепко держал покойный Константин власть в своих руках. Теперь вот Гобар испытывает судьбу. Удастся ли ему вернуть цандрипшским дадалам утраченное предками архонтство? Не лучше ли просто отложиться от Абазгии с помощью аланов? В Палатин их поддержали бы.

Но Гобару этого мало. Анакопия, а с ней власть над всей Абазгией — вот его цель... Уже и оружие привезли — будет чем вооружить аланов, без чего тайные союзники цандрипшского дадала не соглашались помочь им в борьбе против Леона, а сердце Мидаса беспокойно. Чем ближе решительный час, тем оно бьется тревожнее. «Все ли сделано, чтобы сохранить поход в тайне? По самому краю ходим... Придут аланы, как потом заставить их уйти?..» Тревога гложет Мидаса. Он ворочается, крихтит.

Мидас встал, зачерпнул ковшиком воды, напился, потом вышел по малой нужде. Ночь темная, беззвездная. Восточный ветер раскачивает за частоколом мохнатые шапки деревьев-великанов. Шумит лес, шумит море. Мидас удивился тому, что не слышно привычного рыдания шакалов. Обычно они шныряли поблизости и даже проникали во двор, подбирая остатки еды и все, что можно грызть и жевать. Сегодня же их голоса доносились откуда-то издалека, но зато они были многочисленней и дружней, чем обычно. К чему бы это? Сознывая, что теперь ему до утра не уснуть, Мидас спустился по лестнице во двор и направился к иавесу. Там было темно и тихо, костер погас. Мидас раздосадованно подумал: «Спят. Сейчас их взбодрю».

— Проклятые дармоеды, так-то вы охраняете добро своего дадала!.. — крикнул он, подходя к навесу.

От стейы отделилась тень огромного человека, и в то же мгновение тяжелое копье вонзилось в грудь Мидаса. На голос отца из дома вышел Гобар. Он увидел во дворе силуэты множества людей. Молодой дадал встревожился.

— Отец, отец, что это за люди?

К Гобару метнулось несколько теней; он едва успел затворить за собою дверь. В доме вополошились, слуги зажгли факелы и масляные светильники. Домочадцы схватились за оружие, но было поздно. Чужие люди ворвались в дом и стали беспощадно убивать всех, кто попадался им на глаза. Кричали обезумевшие женщины, плакали дети. Гобар защищался отчаянно.

— Проклятые, вы осквернили меч убийством женщин и детей! — кричал он. — Пошадите детей!..

— Всех, всех до единого, чтобы и на семя не осталось! — с холодной жестокостью произнес Леон.

Он метнул копье в Гобара и поразил его в самое сердце.

— Пусть огонь очистит землю от этого гнезда предателей! — приказал он.

Цандрипшские поселяне стали сбегаться ко двору своего дадала, но не смогли к нему подступиться — буйный огонь, раздуваемый ветром, с треском и жадным гудением пожирал все, что способно было гореть — частокол, навесы, конюшни, хлев, кровлю дома. Крестьяне с ужасом смотрели на гибель усадьбы; они ничем не могли помочь, своему дадалу, да и помогать было некому — из огня не доносилось ни одного призыва о помощи, только ржали, мычали, блеяли мечущиеся и гибнущие в пламени лошади, быки, козы.

Старая растрепанная кормилица Гобара выла, как волчица, рвала на себе волосы, царапала лицо.

— За что, господь, ты покарал нашего дадала, за что?.. За что?.. — безумно повторяла она.

Сгорбленный старик, мрачно смотревший на огонь, угрюмо сказал:

— Не божья это кара...

— Кто же, кто мог совершить такое?

Старика обступили, требуя ответа. Он оглядел всех, и все увидели в его глазах отблеск пламени.

— Это дело рук Леона...

Люди в страхе отшатнулись от старика...

Захватив все оружие цандрипшских дадалов, отряд спешно, но без шума, по волчьим уходом под покровом ночи в глубь леса. На небольшой прогалине Леон остановился; пропустив перед собой весь отряд, пересчитал людей и с удовлетворением отметил, что его отборная сотня осталась неизменной.

— Мы совершили злое дело, но так будет с каждым, кто посягнет на целостность Абазгии и единство нашего народа, — сурово произнес он. — Запомни, Гуда, ради этого я не пощажу даже родного брата.

Гуда молча смотрел на полыхающее заревом небо. По его мужественному, задумчивому сейчас лицу пробегали блики далекого пламени. Он думал о том, что его жизнь больше не принадлежит ему, и в то же время мысленно просил прощения у Мидаса.

После разгрома гнезда цандрипшских дадалов Леон еще деятельней стал готовиться к войне с арабами.

Правители Картли — Мирнан и Арчил сообщили ему, что арабские разброды уже появились близ Цихе-Годжи. Со дня на день следует ждать их похода на Эгриси. Целые дни Леон находился в военном лагере среди своих воинов и с каждым днем все больше радовался их выучке. К тому воинскому снаряжению, которое Леон отобрал у цаидрипшских дадалов, прибавилось еще и привезенное Саввой. На этот раз молодой ромей решил не рисковать. Он доставил отменное оружие и латы. Леон остался ими доволен. Выпуская старого купца Анфимия, Леон сказал ему:

— Впредь торгуй с нами честно. В следующий раз за обман расплатишься головой.

— Доблестный архонт, твое великодушие я не забуду. Ты не держал меня в яме, хотя я и заслужил этого, но теперь ты приобрел во мне и в моем сыне верных слуг. Скажи, что тебе надо, — со дна морского доставим.

Леон добродушно похлопал старого ромея по плечу.

— Твоего раба-фракийца я покупаю и дарю ему свободу, — сказал он, отсыпая ромею горсть золотых монет. — Отпустишь его там, где он захочет сойти с твоего корабля...

В один из дней в лагерь прискакал гонец.

— Апсха, твой брат приказал тебе сказать: прибыл из священного Палатия важный сановник с келевсисом императора.

Гонец не знал, что такое келевсис; должно быть, худую весть сообщил, раз правитель вздрогнул. Но Леон улыбнулся. Он снял с себя шелковый плащ и накинул на плечи гонца.

— За добрую весть. Носи, не позорь.

Богумил даже удивился — так княжий подарок преобразил гонца, он будто вырос и стал шире в плечах. Его сухое лицо с ястребиным носом, быстрыми глазами и твердо очерченным ртом сразу приобрело величавость. Богумил сделал в своей памяти еще одну зарубку: «Обличьем и сердцем абазги — мужи весьма достойные. На любого плащ надень, за князя сочтешь».

Леон, внимательно выбирая себе провожатых, остановил взор на Гуде и Богумиле. Оба на голову возвышались над самыми рослыми воинами. Им подстать был только Ахра. Такие богатыри — украшение свиты

любого владыки. Не зря ромей всюду вербуют для Палатия могучих воинов. «Возьму побратимов с полсотней начальников десятков. Ахра же останется в лагере. Пусть приучается командовать».

Префект палатийских войск патрикий Лонгин не терял зря времени. Едва сойдя с корабля, он приказал встретившему его Федору разыскать правителя, сказав, что привез для него келевсис императора, затем, немедленно, отправился к архиепископу Епифану, которого знал еще в Константинополе.

— Благодарение богу за твое благополучное прибытие, патрикий Лонгин, — приветливо встретил его архиепископ.

— Плавание было приятным, святой отец, — ответил Лонгин. На этот раз Понт Эвксинский оправдал свое название.

— Прошу в мою обитель.

Епифан пропустил гостя вперед. Грузный патрикий тяжело опустился на подушки. Пока накрывали стол, он осмотрел роскошные покои архиепископа. Великолепные персидские ковры, коринфские вазы, серебряная посуда, отменно приготовленные блюда говорили о том, что духовному пастырю абазгов отнюдь не чужды мирские утехы. Когда слуги вышли, Лонгин сказал:

— А ты не одичал здесь, святой отец. — Он поощрительно улыбнулся. — Богу — богово, кесарю — кесарево? Архиепископ скромно потупился.

— Все мы грешные. — Он благословил трапезу и жестом радушного хозяина пригласил высокого гостя к столу. — Вкусим от радостей земных.

Епифан любил подразнить беса чревоугодия изысканными блюдами, но воли ему не давал — ел мало и вина за всю трапезу выпивал не более двух-трех глотков. Зато Лонгин не отличался умеренностью. Архиепископ знал об этой слабости своего гостя и потому усердно его потчивал. Разговор шел легкий, с шуткой, приятно красящей трапезу старых друзей.

— О, это, конечно, форель! — восхитился Лонгин.

— Ты угадал, патрикий. Мне ее приносят живую.

Между прочим, при грудных болях маленьких форелей полезно глотать живыми.

— Варварство! Нам с тобой, надеюсь, не зачем делать это, — ответил Лонгин, быстро расправляясь с рыбой. Он поднял крышку с нового блюда, потянул мясистым носом исходивший от него соблазнительный дух, чмокнул губами и закатил глаза: — Птица! Но, клянусь всеми своими потрохами, я не знаю, какая... погоди, святой отец, не говори, — патрикий плотоядно разодрал румяную тушку птицы и стал с наслаждением смаковать первый сочный кусок, поглядывая при этом в потолок, будто искал там ответ на загадку, которую задал ему хозяин. — Нет, не могу, — сказал он. — Одно скажу: райская птица!

— Не удивительно, что ты не отгадал, патрикий! Это горная индейка. Живет она в недоступных местах. Добыть ее чрезвычайно трудно.

— Раз она у тебя на столе в таком восхитительном виде, из этого я заключаю, что варвары-абазги ловкие охотники. Не сам же ты лазил за ней в горы.

Лонгин расхохотался, представив себе Елифана в архиепископском одеянии с луком в руках на горной круче. Елифан сдержанно улыбнулся.

— Ты прав, патрикий, абазги — превосходные охотники. Вот тебе еще одно доказательство их ловкости. — Он придвинул Лонгину новое блюдо. — Это нежное мясо серны тебе тоже понравится.

Елифан умел угощать друзей, а Лонгин — есть и по достоинству оценивать блюда; каждое из них он сопровождал чашей густого темного вина; оно ему тоже, видно, понравилось. Учиво выждав, пока гость несколько унял свой аппетит, Елифан спросил:

— Здоров ли святейший патриарх?

— Старик крепок. Давит потихоньку почитателей икон, а потом молится за спасение их душ, — Лонгин рассмеялся.

Архиепископа покорила грубая прямота патрикия.

— Ты циник, патрикий Лонгин, — сказал он с оттенком осуждения.

Гость перестал жевать и со скрытой насмешкой посмотрел на Елифана.

— Циники говорят голую правду, а без одеяния правда не всегда выглядит красиво, особенно у такой

старой потаскухи, как политика. Все со временем становятся циниками.

Он наполнил чашу и снова принялся есть. Елифан свел кончики холеных пальцев; он задумчиво смотрел в темя склонившегося над едой Лонгина — оно было голо и блестело капелями пота. Лишь на затылке, от уха к уху, еще курчавились полуседые волосы; лицо было круглое, бритые щеки незаметно переходили во второй подбородок, истинный же подбородок, отделенный глубокой складкой, едва возвышался пухленьким буторком под толстогубым ртом. Круглая голова патрикия сидела прямо на рыхлых плечах — шеи у него будто и не было. «Такие быстро обращаются в тлен. Отпевать его будет противно», — брезгливо подумал Елифан; он мелко перекрестился — отогнал от себя греховные мысли. Сам архиепископ был для своих пятидесяти лет лицом еще весьма свеж, только борода подвела: за последнее время в ней появилось много седины.

Умеренностью и постами бережет себя Елифан для будущего, греховные мысли о котором иногда тревожат его душу. Когда император — иконоборец Лев III своим эдиктом лишил санов святейшего патриарха Германа и его сподвижников из высшего духовенства, почитавших иконы за святых, в церковной иерархии образовалась большая брешь. Тогда-то скромный священник Елифан, известный в одном из константинопольских приходов своими весьма умеренными иконоборческими взглядами, стал епископом. Потом его рукоположили в архиепископы и направили в Абазгию наставлять сынов ее на путь истинной веры Христовой. Узнав от Лонгина, что нынешний святейший патриарх Анастасий здравствует и «потихоньку давит почитателей икон», он понял: еще долго придется ему ждать следующего шага к заветному патриаршему сану. Но Елифан терпелив, а господь милостив; он возвеличивает своих верных служителей. Но грех, грех об этом думать!

— Много ли почитателей икон в Абазгии? — спросил Лонгин, не поднимая головы от тарелки.

— Абазги к иконам равнодушны, — строго сказал архиепископ. — Они грешны в другом. Веруя в триединого нашего господя бога, абазги поклоняются и своим старым языческим богам.

— Искоренный язычество, как учит святая церковь.

— Круто нельзя, — задумчиво сказал Елифан. — Возьмутся за оружие или уйдут в леса.

Думал же он о том, что в Палатии плохо знают Абазгию, а всего в посланиях святейшему не напишешь. Не далее как вчера Камуг наотрез отказался убрать козлиные рога, что торчат возле кузни в честь какого-то нечестивого языческого бога. Когда же сопровождающий Елифана архидьякон Кирилл попытался было сам скинуть с места поганое козлище, из кузни, как черти из преисподней, выскочили подручные Камуга с железными полосами в руках. Не отступи Елифан и Кирилл, изрубил бы окаянные язычники. Те же кузнецы ставят свечи и молятся в божьем храме. Разве об этом напишешь святейшему?

— Леон ладит с абазгами? — спросил Лонгин.

Он насытился и отвалился от стола. Елифан подождал, пока гость помоеет руки, а слуги уберут посуду.

— О правителе худого не скажу. Народ держит в строгости, но справедлив. С архонтом Мирианом и его братом Арчилом у него союз и дружба. Совместно к войне с агарянами готовятся. Но... — он замаялся.

— Договаривай, святой отец, — благодушно сказал Лонгин.

— К вере христовой рвеня у него не вижу. Но теперь легче обратиться к делам Святой церкви. Его советник камарит Дадын в аду за свои прегрешения расплачивается. Без покаяния умер язычник.

— Камарит Дадын?.. А ведь я слышал о нем от наших купцов. Крепко он щипал их, но то, кажется, давно было. Последнее время купцы на него не жаловались. Кто же догадался отправить его в ад?

— Господь бог покарал его за тяжкие грехи, — уклончиво ответил Елифан.

— Послушай, святой отец, — бесцеремонно сказал Лонгин. — Господь бог своими руками еще никого не наказывал... От меня-то ты можешь не скрывать, — насколько дружелюбнее добавил он.

— Дадына убили люди из соперничавшего с ним рода, — сказал Елифан и трижды перекрестился. Он не стал рассказывать Лонгину подробности, и на то у него была причина. Тяжкий грех лежал на душе Елифана. Видно, дьявол помутил его разум; это он, нечестивый,

подказал ему дать совет Дигуа женить сына на дадыновой внучке. Разве мог он предполагать, что этот совет, продиктованный политическими соображениями, обернется так трагически для Амзы, Сияса и двух его сородичей? Язычника Дадына не жаль; злонамеренному его влиянию на Леона, слава Всевышнему, пришел конец, но за души других погибших ему теперь приходится по ночам вымаливать прощение. Заметив, как истоиво крестится Елифан, Лонгин с внутренней усмешкой подумал: «Святой отец, кажется, неплохо применяет старое римское правило: разделяй и властвуй».

— Что-то архонт Леон заставляет себя ждать, — недовольно проворчал он.

Архонтом Леона называли простые ромей и купцы, когда хотели польстить ему, хотя знали, что император еще не утвердил за ним этого звания. Но ни один палатийский сановник или духовник не позволил бы себе назвать его так. Елифан удивился:

— Ты сказал — архонт?

— Да, представь, — желчно проговорил Лонгин. — Я затем и приехал, чтобы вручить этому мальчишке келесис венценосного императора об утверждении его архонтом Абазгии. — Заметив вопросительный взгляд архиепископа, добавил: — Знаю, о чем хочешь спросить. В сложившихся обстоятельствах, особенно после гибели Мидаса и его сына, у императора не было выбора, и потом на этом настаивал правитель Эгриси* Мириан, а с ним императору приходится считаться.

— А что, если?..

Лонгин покровительственно улыбнулся; ловкий политик сразу понял, что беспокоит архиепископа.

— Этого можно не опасаться. Картлийцы никогда не помирятся с агарянами, по крайней мере до тех пор, пока те находятся на их земле.

Лонгин откровенно зевнул. Хозяин хотел было предложить ему прилечь, но в это время появился служка.

— Прибыл человек от правителя Леона...

— Почему он сам ко мне не пришел? — перебил его Лонгин. — Уж не хочет ли он, чтобы я к нему первым явился? Достаточно того, что я из-за него море пересек.

— Правитель Леон с людьми ждет патрикия и ваше преосвященство у Большого храма, — бесстрастно докончил служка.

Лонгин взъярился, как потревоженный бегемот.

— Что?!. Этот мальчишка приказывает мне явиться к нему?..

Выпитое вино, казалось, готово было брызнуть из всех пор лица и шеи патрикия. Только сейчас Елифан заметил, что гость изрядно захмелел. Он сделал поспешный знак службе удалиться.

— Да знает ли он, что я могу разорвать этот келевсис! — разошелся патрикий.

— Ты этого не делаешь, — твердо сказал Елифан; — а если осмелишься, то ничего не изменишь. Ты сам скажешь: у кесаря не было выбора. Леон хочет, чтобы ты в присутствии народа зачитал келевсис венценосного. Не забывай: он не какой-нибудь самозванец, а первенец Константина; с точки зрения абазгов Леон имеет наследственное право на архонтство. Своим неразумным поступком ты только умножишь врагов империи, а этого тебе венценосец в заслугу не зачтет. Подумай.

— В твоих словах есть логика, святой отец... Но я ему это припомню.

4

На площади перед Большим храмом толпился народ. Анакопийцев привело сюда не одно только любопытство. Все уже знали, что из Константинополя от императора ромеев пришел келевсис. Абазги недоумевали, некоторые возмущались: как император может приказывать их правителю? Признавая себя вассалами ромейского императора, абазги, однако, не подчинялись его законам, а жили по своим, дедовским обычаям и ничуть не страдали от этого, напротив, чувствовали себя спокойней, чем сами ромеи в метрополии, раздраемой распрями между иконоборцами и почитателями икон. Келевсис императора насторожил абазгов. Но раз их правитель приказал им прийти на площадь, они пришли.

Ремесленники знают себе цену. Кузнецы, горшечники, кожевники, ткачи, золотых дел мастера держатся вместе, ближе друг к другу. Углежог и рыбаки — те сами по себе, никого не признают; разбойный народ. Писцы и купцы особняком стоят — эти больше из ромеев. На большинстве мужчин одежда из домотканого

льняного суровья; женщины же предпочитают тонкое полотно. На многих украшения, кто победнее, у тех бусы простые — из крашеной глины и разноцветного стекла, у иных — из сердолика, янтаря, а зеленоватая красавица ромейка щеголяет золотыми браслетами и сверкающими в ушах подвесками затейливой работы — богатство мужа-купца; напоказ выставляет.

Но вот появились Леон и Федор, а за ними — не худо ли? — плотными шеренгами шли невиданные воины. Народ подался, прижался к стенам храма, освобождая площадь. Анакопийцы залюбовались своим молодым правителем; на нем новый плащ золотистого шелка с зеленой подкладкой, под которым золоченые доспехи и крестообразная рукоять сабли, украшенной драгоценными камнями. Этот клинок Дадын купил в Итиле, когда ездил со свадебным посольством к хазарам, а отковал его безвестный кузнец-картлицец, вложивший в него гнев господний и свой собственный. Лицо Леона с заметно отросшей бородой строго и замкнуто. Федор тоже в богатом одеянии, но без оружия.

Анакопийцы с изумлением смотрели на Гуду и Богумила. Их однажды уже видели здесь, когда хоронили Амзу, но тогда они удивляли лишь своим ростом. Теперь же оба были в воинском облачении и поражали мощью своих обнаженных рук и взором оружием. Зеленоглазая ромейка не отводила глаз от Богумила. У побратимов огромные тяжелые копья и щиты, сбоку висят длинные мечи. За спиной Гуды, кроме того, воин держал его лук-великан и колчан с длинными стрелами. В толпе говорили:

— Это Рыжебородый и Сбивающий звезды.

— Нарта Сасыквы* братья, а может, кто-нибудь из них и сам Сасыква.

Абазгия полнилась слухами о побратимах. Особенно поразил воображение земляков Гуда — Сбивающий звезды. Любопытные ходили на место гибели Амзы, и дадыновцы, бывшие свидетелями этого, показывали, где стоял Гуда и где был Сияс, когда его настигла стрела. Не поленились, сосчитали шаги и изумились. Возможно ли на расстоянии тысячи шагов попасть в человека, скачущего на коне? До него просто стрела не долетит. Но очевидцы, призывая в свидетели Ажвейпша и духов гор, клялись, что все именно так и было. А потом под-

виг Гуды стал обрастать новыми подробностями. Рассказывали, будто Сияс уже перемахнул через гору, а Гуда пустил стрелу в небо и она, ударившись о небо, отскочила и попала в Сияса. Так родилась легенда о Сбивающем звезды.

В молодых воинах, стоявших за спиной Гуды и Богумила, анакопийцы узнавали своих родственников и знакомых. Один чумазый углежог опознал в правофланговом воине приятеля.

— Эй, Басиат, с каких это пор ты стал ромейским воином?

Но вымуштрованный начальник десятка неприступно молчал.

— У него нет языка, — съязвил разбитной рыбак. — Рыжебородый отрезал им языки, чтобы не болтали, чем они в своем лагере занимаются.

Гуда чуть повернул голову и так посмотрел на задирстого рыбака, что тот проглотил язык и попятился. Все это возбуждало в анакопийцах любопытство и гордость за своего правителя. Вот, оказывается, какие у него воины! А сам он разве не афырхаца?* Кто, как не Леон, одолея разбойника Гасана в честном бою?

Когда Лонгин и Епифан появились на площади, первый еще не остыл и что-то возбужденно говорил архиепископу, но, увидев Леона, воинов и красочную толпу анакопийцев, закусил губу. Над площадью нависла напряженная тишина; ее нарушали только воркование голубей, облепивших карнизы храма, да верещание стрижей. Привыкший подчиняться силе и власти и подчинять ими других, Лонгин сразу понял: здесь тоже власть и сила, и они не на его стороне. Но он не забыл того, что является посланцем императора. Патрикий весь подобрался, его оплывшее лицо стало надменным. Твердыми шагами он подошел к Леону и остановился, ожидая от него приветствий, но тот молчал; в его глазах было спокойное ожидание. Лонгин, однако, увидел и другое: едва приметную усмешку. Да, это уже не мальчишка, которого он в Палатии мог не удостоивать вниманием, — на него смотрел уверенный в своей силе и власти правитель. Патрикий вдруг осознал: для Леона возведение в архонтство — не милость императора, а признание им его наследственных прав на Абазгию. Негромко, но так, чтобы слышали все, Леон проговорил:

— Патрикий Лонгин, венценосный базилевс повелел тебе объявить мне свой келевсис. Читай же его.

Лонгин медленно развернул свиток и кашлянул, он сам удивился тому, что волнуется. Окинув властным взглядом площадь, он начал громко читать:

— Христолюбивому, божьей милостью блистательному правителю Абазгии Леону!..

Абазги, затаив дыхание, слушали келевсис далекого и непонятого, как бог, императора ромеев:

— Жалую звание архонта тебе и сыновьям твоим и будущим потомкам навеки. — Лонгин сделал ударение на последнем слове. — Повелеваю тебе хорошо относиться к эскузиасту картлийскому и его народу, ибо отныне ты не должен использовать свою власть в ущерб им и границам их эгрисским... —

Леон без внимания слушал повеления императора о подготовке Абазгии к вторжению арабов и совместных действиях с Мирианом. Все это было давно согласовано Леоном с самим Мирианом еще в Цихе-Годжи и уже осуществлялось. Императорский келевсис лишь пересказывал то, о чем они договорились.

Когда Лонгин кончил читать, площадь огласилась возгласами:

— Слава архонту Леону!

Леон с благодарностью смотрел на народ. Он не просил его громогласно проявлять радость по поводу признания императором его прав повелевать им. Народ сам признал за ним это право и теперь выражал свое удовлетворение тем, что император ромеев утвердил его. Новые возгласы одобрения взлетели к голубому анакопийскому небу, когда Лонгин вручил Леону знак архонтства — золотую буллу с изображением императора.

После торжественного молебна и пира по случаю провозглашения Леона архонтом Лонгин осмотрел укрепления Анакопии, побывал в лагере. При всей своей неприязни к архонту он не мог не отметить его умелых действий по подготовке к войне. Под конец патрикий даже смягчился и говорил с ним почти дружески, но тут вдруг лицом к лицу столкнулся с Гудой и Богумилом. Он видел их еще на площади во время торжественной церемонии; тогда уже они показались ему знакомыми, но в то время было не до них.

— Откуда у тебя эти люди, архонт? Это воины священного Палатия, — Лонгин показал на побратимов.

Лонгин подошел к Богумилу и в упор посмотрел на него. Тот ничем не выдал своего волнения, но у патрикия хорошая память.

— Я узнал тебя, славянин, и этого тоже, — он показал на Гуду. — Архонт, эти люди провинились перед императором и должны быть наказаны. Прикажи их заковать и отправить на мой корабль.

Богумил угрюмо смотрел на Лонгина. Рука Гуды потянулась к мечу. Леон предостерегающе взглянул на побратимов.

— Патрикий Лонгин, разве ты уже не наказал их, продав в рабство на корабль гребцами? Дважды за одну и ту же провинность не наказывает даже Божественный император. Я купил этих людей у камаритов, и они теперь мои. Я заплачу тебе за них, если хочешь, но отдать не могу. Они верно служат мне. Если я отдам их тебе, мой народ будет презирать меня за вероломство.

Патрикий понял: архонт не отдаст воинов, брат же за них плату второй раз не решился.

— Благодарите архонта, — процедил он сквозь зубы.

Гуда и Богумил понимающе переглянулись. Оба низко поклонились Леону, который и без того знал, что побратимы преисполнены к нему благодарности, потом обнявшись, пошли в свою хижину.

— Я тебе говорил: архонт не выдаст нас патрикию, ты же хотел спрятаться, как барсук в норе, — сказал Гуда.

— Проклятый патрикий хотел проглотить нас, да подавился, — ответил Богумил.

Побратимы рассмеялись.

5

Кончились торжественные молебны, пиры, смотры и военные игры, которыми ознаменовалось провозглашение Леона архонтом Абазгии. Лонгина провожали с почетом — все население Анакопии высыпало на берег. Как только корабль отчалил и народ стал расходиться, Леон сказал с облегчением:

— Пора и за дело. — Потом повернулся к Богуми-

лу. — Ты верно послужил мне и теперь свободен. То, что обещал, выполню: достойную награду получишь.

— Князь, ты даровал мне свободу. Разве может награда быть большей? — сказал он. — Моя жизнь и меч принадлежат Анакопии. Почто же отсылаешь меня, когда у ее порога война? Дозволь рядом с побратимом биться за тебя и Анакопию.

Гуда радостно посмотрел на Богумила. Он не умел словами излить свои чувства, зато это умели его глаза. Потеплел и взор Леона.

— Не хочу тебя неволить, но не скрою: отраднo мне слышать твои слова. Будь по-твоему — оставайся, сколько сочтешь нужным. Но теперь ты будешь при мне — поможешь готовить Анакопию к осаде. Тебя же, — Леон повернулся к Гуде, — назначаю начальником военной школы. Помощником тебе — Ахра. Веди людей в лагерь и продолжай учения.

— Благодарю за великую честь, апсха! — Гуда с достоинством поклонился, построил начальников десятков и, отсалютовав Леону мечом, повел их в лагерь. Федор молча наблюдал за всем этим. В нем боролись противоречивые чувства: он восхищался умением брата завоевывать преданность людей и в то же время в нем росла на него обида.

— Сегодня в полдень придешь ко мне. Жить будешь в Анакопии, — сказал Леон Богумилу; взглянув на Федора, коротко бросил: — Пойдем.

Леон и Федор молча сели на коней. Миновав Анакопийские ворота, они стали подниматься по дороге к цитадели. Оба придержали коней, посмотрели на море — корабль был уже далеко.

— Брат, ты несправедлив ко мне, — тихо сказал Федор.

Леон взглянул на него и увидел его дрожащие губы. Он почувствовал себя виноватым перед братом, но ничего не ответил — ждал, что тот дальше скажет.

— Всем ты находишь дело, даже рыжебородому чужеземцу, а мне... А меня... За Хиблу прикажешь мне держаться?... В нем вдруг прорвалось: — В чем я провинился перед тобой? Или не одна в нас кровь?

Взгляды братьев встретились — изучающий спокойный Леон и гневный Федора. «Да, кровь у нас одна, — подумал Леон. — Закипела она в нем, да и пора заки-

петь: прав брат, несправедлив я к нему». Сказал же сдержанно, не повышая голоса:

— Рыжебородым славянином не кори. Воинское искусство он хорошо знает, а дело и тебе найдется, и немалое. — Леон говорил, продолжая смотреть на корабль. — Проверь подвоз зерна и корма. Скот поблизости держи, чтобы быстро в крепость загнать могли, когда потребуется. За меня здесь остаешься. — Леон поймал на себе встревоженный взгляд брата и пояснил: — В Собгиси поеду. Из Цихе-Годжи гонец вчера был. Мириан просил меня помощью аланов заручиться. Бог даст, уговорю их прислать воинов для защиты Анакопии. Пусть старый грех перед Абазгисей своей кровью отмоют. У нас же сил мало.

— Сдается мне — не помогут аланы, — сказал Федор озабоченно. — Мусульмане и им покоя не дают.

— И я так думаю — не дадут они воинов, — согласился Леон, — а ехать все ж надо. Откладывать нельзя.

Братя бок о бок стали подниматься в гору. Оба почувствовали на душе облегчение — исчезла разделявшая их тень отчуждения.

Богумил еще некоторое время оставался на берегу. Он смотрел на хижины, лепившиеся неподалеку за внешними крепостными стенами. Анакопийская крепость не вмещала жителей, кустари селились вокруг нее. «Поручить бы надо, да рука не поднимается — люди живут в них. Может, обойдется, не придет агаряне, — думал он. — Но нет, не минует нас эта беда».

Возле самого берега рыбаки чинили сети, поглядывая на него, о чем-то оживленно переговариваясь. Пойти к ним, словом перекинуться, да труден язык абазгов, плохо дается он Богумилу. Но тут старый косматый рыбак окликнул его по-ромейски:

— Эй, Рыжебородый, иди к нам!

Богумил подошел. Тот же рыбак-ромей, видно, вожак, спросил:

— Верно ли говорят люди, что мусульмане на Анакопию идут?

— Они сейчас в Эгриси свирепствуют, думаю, и сюда заглянут.

Старый рыбак сказал что-то своим по-абазгски. Те наперебой заговорили. Старик деревел.

— Будем вместе с вами биться с погаными.

— Какие из вас воины! — усмехнулся Богумил. — Вы, поди, и меча в руках не держали.

Старик обиделся.

— Это кто, я не держал? Ты еще титьку не сосал, когда я с агарянами бился. Не хуже тебя воин был.

— Не хотел обидеть тебя, отец, а все ж лучше бы вам уйти. Придут мусульмане, вас побьют, жен ваших попортят. Коли воевал с ними, то знаешь их.

— Знаю, — согласился старик. — Но куда отсюда не уйдем. Жен и детей в лесах спрячем, а хижины новые построим. С вами в Анакопии засядем. Оружие дашь нам, начальник?

— Да, — только с уговором: как появятся агаряне, вы сами хижины пожгите, чтобы не прятались за ними враги от лучников и пращников.

Старик передал рыбакам требование Богумила, те согласны закивали.

— Уговор твой принимаем, начальник. А теперь раздели с нами, что бог в наши сети послал.

Богумил не заставил себя уговаривать — с удовольствием поел жареной рыбы, не отказался и от вина. «Коряжистый народ — рыбаки, а крепкий и дружный», — подумал он, поднимаясь в Анакопию.

Богумил обходил крепость, внимательно высматривая, где какие старые развалюхи-хижины следует убирать. Знал: арабы огненные стрелы пускают. Зайдется пожар, от него в тесном городе зря люди гибнуть будут. Лачуг в Анакопии много, для огня пищи вдосталь. Каменным же домам под черепичными крышами огненные стрелы не опасны. Богумил взобрался на северо-западную крепостную стену. Здесь башен нет. Стена тянется по гребню горы, а затем поворачивает вниз до ворот. Он прикинул глазом: оклон крутой, но гладкий, наступать по нему можно. Живо представил себе, как лезут, карабкаются к стене враги. Возникла мысль: «Хорошо бы лавину камней на них опустить. Камни покатаются не прямо от стены, а наискось вдоль нее. Широко захватит лавина, начисто врагов сметет».

На восточной стороне, где не было стены, заглянул с гребня скалы вниз — холодом дохнула, потянула к себе пропасть, но не отшатнулся. Далеко внизу кипела белопенная Алсара. «Сорвешься, костей не соберут, — подумал он. — Войску не пройти, но ловкий лазутчик по

уступчикам да щелям в околах может ужом заполнить в крепость. Придется на ночь дозорных ставить». Особо осмотрел южную сторону крепости, грудью защищавшую Анакопию; она и впрямь — что грудь война в латах. Шесть башен выдавались вперед, позволяя лучникам разить с них осаждающих. Стены толсты, надежны. Изнутри земля поднята выше роста человека, чтобы еще больше их усилить. «Бараньим лбом не прошибить», — подумал Богумил о возможности применения арабами осадных стенобитных машин. Закончив предварительный осмотр, Богумил заключил: «Ладно крепость строена, с умом превеликим. Взять ее большой крови и времени будет стоить, а то и не возьмут ее мусульмане. В открытом поле они бьются крепко, а лезть на крепостные стены не любят». Помня о предстоящей встрече с абазгским князем, Богумил хотел прийти к нему не с вопросом, что ему делать, а с обдуманними советами. Потому так зорко всматриваются в Анакопию его светлые с просинью глаза.

6

Анакопия жила ожиданием войны; приближение ее видели во всех приготовлениях — их не скроешь да и гонцы картлийского царя зачастили; нет-нет, — обронит кто-нибудь из них тревожное слово, и пошло оно гулять по городу-крепости. Говорили, что какой-то Мурван Кру* в Картли свирепствует. Анакопия полнилась слухами, но люди не оставляли своего привычного дела. Каменщики тесали глыбы известняка и подновляли ими обветшавшие кое-где стены крепости; между этажами башен заменяли прогнившие балки, к ним приколачивали большими четырехгранными гвоздями толстые доски настила; кожевники ворошили в чанах киснущие в дубовом корье бычьих шкуры, скребками сдирали с них лохмотья мездры. Старый гончар остановил свой круг, взглянул на Богумила; хотел было что-то спросить, да не осмелился — уж больно грозен вид Рыжебородого. Старик снова толкнул ногой гончарный круг, подправил большим пальцем горловину кувшина, потом взял заостренную палочку, и побежали по кувшину две бороздки, между ними он нацарапал ломаную линию.

150

Незатейлив узор, а ожила посудина. Гончар снял с круга кувшин и взглянул на донышко — там остался отпечаток его знака: что-то вроде колеса с четырьмя спицами. После просушки и обжига ничто не сотрет знака старому мастеру, даже время.

Работа у кузнецов и по огню в горне, и по важности горячая: делают наконечники для копий и стрел; уже гряда их лежит готовых, а правитель все твердит: мало. Бегают ребятишки, прутиками головки цветов сбивают, в войну играют. Женщины стряпают прямо под открытым небом. Древняя старуха устало вертит каменный жерновок, молодая кормит грудью младенца; завидев Богумила, стыдливо прикрыла набухшую грудь и отвернулась. Другие женщины треплют, расчесывают лен, сучат из него суровье; полотно ткут. В Анакопии, как и в других местах, Богумил видел извечную женскую долю, от которой прежде времени грубеют руки и увядают лица. Когда Богумил проходит мимо, все замирает: мальчишки влюбленно смотрят на богатыря; в глазах женщин — удивление, страх, надежда, любопытство; мужчины почтительно приподнимаются и кланяются, он молча отвечает поклоном и идет дальше. Купцы — те посмелее: зазывают, показывают ковры, шелка, украшения, но Богумилу все это ни к чему. «Людишек лишних много», — озабоченно думает он.

— Что проходишь? Купи подарок для подружки.

Богумил остановился. На него с веселым вызовом смотрела зеленоглазая ромейка, которую он видел на площади во время провозглашения Леона архонтом. Рядом с ней копошилась старуха.

— Или денег нету? — спросила зеленоглазая, клоня голову набок и понгывая золотой серьгой.

— Нету, — признался Богумил.

— Не заслужил у архонта? Плохо служишь, значит. — Ромейка склонила голову на другое плечо, показав вторую серьгу, которая до этого пряталась в ее пышных волосах цвета спелого желудя. — Я в долг дам. Мама, ему можно доверить в долг?

Мать бросила равнодушный взгляд на Богумила: «Забавляется дочка, покупателя заманивает».

— Порадуй свою подружку подарком. Смотри, какие бусы, а браслеты! — дразнила ромейка.

— У меня нет подружки.

151

Богумил чувствовал, как его затягивает зеленая глупина ее глаз. Таких он еще не видел.

— Что ж так? А еще воин! — глаза ромейки смеялись. — Я тебя видела на площади. Ты — Рыжебородый.

— Это абазги меня так называют. Имя же мне Богумил.

— Ты скиф?

— Славянин. Живем мы на реке Рось, потому росичами зовемся.

— Раньше вы были скифами, — знающе сказала она.

— Мы — росичи всегда были славянами.

— Бо-гу-мил, — протянула она раздельно. — Я тебе придумала другое имя.

— Какое? — заинтересованно спросил он, чувствуя, что не в силах отойти от ромейки.

— Золотой.

Старуха внимательно взглянула на Богумила: «И впрямь золотой! Ох, дочка, смотри, не обожгись», и молча поднялась по лестнице в каменный дом, находившийся над лавкой.

— Что молчишь, Золотой?

— Как тебя зовут?

— Хрисула, — с готовностью ответила она.

— У тебя изумрудные глаза, Хрисула.

— Я знаю. Мне муж тоже об этом говорил.

— У тебя муж?

— Конечно! — Она засмеялась. — Но он больше любит золото, чем изумруды. Ради него он пропадает в Константинополе.

— У такой красивой женщины, как ты, конечно, должен быть муж, — сказал Богумил. — Но твой муж осторожен: он оставил изумруды без присмотра. Я украду их.

— Другие пробовали, не смогли, попробуй и ты, — лукаво сказала она.

— Смог бы, но ты любишь золото, а его у меня нет. Я воин.

— Да, люблю, потому и сказала: ты Золотой.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, улыбка сползла с ее лица. Богумил чувствовал: ромейка не хочет, чтобы он ушел так просто, как уходят другие покупатели. Ему трудно стало дышать.

— Хрисула, если ты еще раз скажешь Золотой...

— Сто раз скажу: Золотой, Золотой... Уходи! — вдруг проговорила она, поняв, что далеко зашла.

— Сегодня ночью я к тебе приду, Хрисула.

— Нет, нет, не приходи... Я боюсь тебя, скиф.

Она грустно посмотрела на него и тихо добавила:

— Прости меня, я пошутила.

Хрисула отвернулась. Если бы она просто рассмеялась, Богумил так бы и принял все за шутку, но он увидел блеснувшие на ее ресницах слезы и растерялся, подумав, что обидел ее. Он круто повернулся и ушел, но когда обернулся, увидел: Хрисула смотрит ему вслед. Богумилу даже показалось, будто ее губы произнесли: «Золотой». Он разозлился: «Зеленоглазая ведьма!». И уже больше не оглядывался.

Богумил не потерял зря эти полдня: он много успел высмотреть, обдумать. Леон и Федор внимательно слушали дельные советы Рыжебородого.

— Скот загнать на гребень. — Он показал на северо-западный склон. — Стрелы и огонь туда не достанут. Но ограду надо сделать, не то скот разбежится, мешать будет, воинов потопчет. Старые хижинки разобрать, чтобы меньше пиши огню было. Камней запастись сколько успеем и грудками сложить вдоль стен. Всех, кто к оружию не способен, из Анакопии загоня по тайным урочищам расселить — все меньше едоков будет.

— Делай все, что сочтешь нужным, чтобы Анакопию малой кровью отстоять, — сказал Леон. — К брату моему обращайся, в чем нужда будет. Завтра уеду ненадолго. На вас все оставляю. Приеду, строго спрошу.

Втроем они еще раз обошли Анакопию. Леон давал указания, где и что еще сделать. К вечеру из лагеря приехало с десятков воинов. Леон не позволил себе взять больше провожатых. Мало ли что случится? Вдруг во время его отсутствия мусульмане нагрянут.

С наступлением сумерек Хрисулой овладело беспокойство. Она закрыла лавку и поднялась в дом; похотела из угла в угол и снова спустилась вниз. Когда стемнело, она поспешно вернулась в дом. Ее лицо то вспыхивало румянцем, то бледнело, и тогда она в отчаянии кусала кулаки. «Зачем я остановила его? Теперь он придет. Что делать, что делать? Пусть он не приходит». И сама же себя корила: «Не лги, негодница,

ты хочешь, чтобы он пришел». Она распустила волосы, сознавая, что делает это для того, чтобы понравиться ему, и в то же время молилась перед иконами:

— Матерь божья, спаси, убереги от греха! Сделай так, чтобы он не пришел... Святая Мария, помоги, ты ведь тоже любила!.. Боже, накажи меня, но дай мне его... О господи, что я говорю! Прости, прости...

Жаркий шепот дочери привлек внимание старухи.

— Что с тобой, голубка моя, ты вся горюшь...

Хрисула бросилась к матери и, как в детстве, прижалась к ней. Старая женщина все поняла. «Обожглась, голубка, опалил тебе крылья золотой великан». Старуха знала, что дочь не любит мужа; он и ей был ненавистен за то, что купил ее дочь за долги покойного мужа. Она живет у зятя из милости; в черном теле держит старую тещу зять, каждым куском хлеба попрекает. А что Хрисула испытывает к мужу, только ее подушка знает — поутру она часто бывает мокрой от слез. Болит сердце матери, но что делать, если нет своего угла, своего куска хлеба. Приходится терпеть унижения за себя и дочь. Так сидели они, обнявшись, думая каждая о своем. Когда дочь встала и решительно вышла в темноту наступившей ночи, мать перекрестила ее в спину. Все же не вытерпела, старая, выглянула: и Хрисула с распущенными волосами стояла рядом с тем самым великаном. В темноте он показался старухе еще больше и страшней, но он мирно держал руку у дочери на плече, и оба они, запрокинув головы, смотрели в небо Амакопни. Матери показалось, что они просят у звезд благословения... «Боже милостивый, не осуди ее», — прошептала мать.

Все дни Богумил был занят: осуществлял указания Леона и Федора. Князь абазгов предоставил ему свободу действия, Федор этому не препятствовал — видел: Рыжебородый разумно все делает. Вместе они обошли и помечтали угольным крестом все старые хижины под пашпортниковыми крышами; при этом предупреждали их владельцев, чтобы готовились уходить в леса, как только приказано будет покинуть Амакопию. А вести были с каждым днем все тревожней. Арабы во главе с загадочным страшным Кру повернули на Цихе-Годжи. Со дня на день надо было ждать сообщения о взятии ими столицы Эгриси. «Поспее ли князь Леон вер-

нуться в крепость?» — думал Богумил. Федора это не беспокоило — знал: брат, в случае осады Амакопни, тайным ходом пройдет в крепость. Федор будто навстречивал время безделья. В отличие от Леона, действовавшего хладнокровно и обдуманно, он проявлял горячность и нетерпение. Богумилу приходилось осторожно, дабы не уязвить самолюбия Федора, удерживать его от опрометчивых решений. Узнав, что Федор хочет послать половину воиной школы во главе с Гудой для усиления гарнизона Келасурокой крепости, Богумил стал отговаривать его от этого.

— Мусульмане большими силами идут. Удержаться за Келасурскую стеной сил у нас не хватит. А сама крепость, как мне ведомо, невелика. Возьмут ее агаряне, а если и не возьмут, осаду оставят, сами на нас пойдут. Кто Амакопию защищать будет? Подумай, князь.

— Горестно мне сознавать, что мусульмане по Аписии и Абазгии мечом и огнем пройдут, потому и хочу остановить их у Клисурь, — сказал Федор.

— Большого урона твоей стране агаряне не причинят. Люди и скот укроются в горах — ищи их там, а если хижины пожгут, беда невелика: новые постройте. Долго ли их сплести? Народ надо сохранить. Государство народом ставится, князь. Его беречь надо.

Федор с удивлением посмотрел на Рыжебородого. То же говорил и его покойный отец Константин, завещая сыновьям оберегать свой народ. «Разумен совет Рыжебородого», — подумал он.

— Агаряне свирепы, бьются всей громадой, а в одиночку их воины не стойки. С них первый наскок сбить надо. Это главное, — продолжал меж тем Богумил. — Против них стойкость и смелость нужна. Этому и учу твоих воинов. А мусульмане как придут, так и уйдут ни с чем. Попомни мои слова, князь, выстоим.

А вечером Богумил шел к Хрисуле, шел с радостью и нетерпением. Хотя не новичок он в таких делах, а не знал, что женщина может быть такой стыдливо нежной, бесконечно желанной. Прикипела зеленоглазая ромейка к сердцу Богумила, так прикипела, что только вместе с сердцем и оторвешь. Он входил к ней, как в собственный дом и, не стесняясь матери, подхватывал ее на руки, поднимая к потолку, любуясь ею.

— Чудо ты мое зеленоглазое! Соскучилась?

— Только и живу, когда ты со мной, — отвечала она, радуясь его приходу.

Мать смахивала слезу умиления и уходила в лавку. Не довелось старой Агапи изведать такое счастье. Стильян суров был, бывало, и поколачивал ее, когда с моря без улова возвращался. Царство ему небесное, хотя, бог знает, попадают ли туда со дна моря? Пусть же дочь узнает счастье с Золотым варваром. О том, что будет, когда вернется зять, она старалась не думать. «Бог все рассудит по справедливости», — решила Агапи.

— Мой Золотой, ты знаешь, твоя борода пахнет сосновой корой, — говорила Хрисула. — Она мягкая, шелковистая. Я сотку из нее полотно и сошью рубашку; она меня согреет, когда тебя не будет рядом со мной.

Богумил хохотал.

— Какой же я буду воин без бороды?

Они смеялись и радовались милым пустякам, потому что им хотелось смеяться и радоваться. Оба пили из одного родника счастья, наслаждались каждым глотком, как путник в пустыне, истомившийся от жажды.

Но однажды она серьезно сказала:

— Дал мне бог тебя, не знаю, на горе ли, на радость, но я благодарю его уже за то, что узнала тебя.

Она вдруг прижалась к нему и разрыдалась.

— Ты плачешь? — испуганно спросил Богумил.

— Я боюсь потерять тебя. Я умру без тебя...

— Не бойся, никто, даже твой муж, не отнимет тебя у меня.

Она вздрогнула и еще теснее прижалась к нему.

— Не говори мне о нем; он противен мне.

— Что же тебя тревожит, зеленоглазое чудо мое? — он ласково гладил ее плечо, перебирал волосы, которые она, как всегда, распускала к его приходу.

— Не крещеный ты, а уже муж мой...

Богумил рассмеялся.

— Ради тебя я любую веру приму...

Хрисула прикрыла ему рот ладонью и строго посмотрела на него; омытые слезами зеленые глаза ее светились каким-то совершенно новым огнем, какого Богумил в них еще не видел. Она была так хороша в этот момент, что он почти испугался ее колдовской красоты.

— Веруй в Христа, — требовательно сказала она.

Богумил слегка разжал руки, это не ускользнуло от нее; в ее глазах появилось выражение тревоги.

— Зачем? Разве я плохой муж таков, как есть? Мой бог Перун не запрещает мне любить тебя, — сказал он.

— Не говори так, Золотой мой! Я хочу, чтобы когда бог нас позовет, мы снова были вместе там. — Она показала на небо. — А ты разве этого не хочешь?

Хрисула с мольбой смотрела на него, он понял: от его ответа зависит их счастье, по крайней мере, на этом свете.

— Я подумаю, — серьезно сказал он.

Богумил снова прижал ее к себе, и они затихли; оба прислушивались к тому, что делалось в их душах.

— Хрисула, — как можно мягче сказал он, — нам придется на время расстаться.

Она отшатнулась: лицо ее побелело, губы никак не могли выговорить — «почему?».

— Всем женщинам, старикам и детям велено уходить в леса. Анакопии грозит осада. Агаряне идут...

Она уткнулась лбом ему в грудь, замотала головой.

— Ух, как ты палугал меня, Золотой мой! — и тихо засмеялась. — Только это?.. Так знай: никуда я от тебя не уйду... Знаю, что хочешь оказать. Я ничего не боюсь, боюсь только потерять тебя. Я храбрая и умею драться, ты это увидишь, и упрямая, — добавила она.

НАШЕСТВИЕ

Лучше смерть, но смерть со славой,
Чем бесславных дней позор.

Шота Руставели.

Птицу несут крылья, гонца — конь; птица может дать себе отдых, гонец — нет. Ему приказано: скачи днем и ночью, себя и коня не жалея. Живой или мертвый доставь Леону Абазгскому весть: «Идет Мурван Кру».

Мчится вестник. Пыль и соленый пот застилают ему глаза, клочья грязной пены роняет усталый конь; бег его неровен, дыхание хрипло. Гонец стирает пот с лица мохнатой шапкой, облизывает потрескавшиеся губы; два воина — провожатые, скачущие по бокам, с тревогой поглядывают на него: доедет ли? Они и сами устали, их кони тоже выбились из сил, но на следующей подставе они сдадут царского гонца другим провожатым и могут растянуться в благой тени; вестник же, сменив коня и испив воды, помчится дальше.

Так от подставы к подставе, которые Мирнан предусмотрительно расставил на всем пути от Цихе-Годжи до Келасури, мчится усталый гонец, шатается под ним измученный конь, и только значок гонца на копье неутомимо трепещет во встречном потоке горячего воздуха. Но и сопровождающим гонца воинам отдых будет короток: сменив лошадей, они поскачут в разные стороны с той же тревожной вестью. Раньше, чем уляжется пыль, поднятая копытами их коней, от поселения к поселению уже несется мрачное, как зловещий крик черного ворона: «Кру! Кру! Кру!». Заслышав его, женщины бледнеют, хватают детей и убегают в недоступные арабской коннице болотистые леса; мужчины же бегут за оружие и затаиваются в засадах...

В полдень тени коротки. Дышащий зноем, слепящий белизной известняковых плит квадрат двора в Келасурской крепости пустынен. Воины гарнизона в одних набранных повязках спасаются от жары кто как может: одни спят, растянувшись на узенькой, не захваченной бесшадным солнцем полоске земли вдоль прохладной крепостной стены, другие под навесом, рядом с дремлющими у коновязи лошадьми, без интереса перебрашивают костями — играть не на что; один из воинов чинит перевязь для меча.

Начальник гарнизона Фемистокл после обеда дремал за столом, положив голову на толстые волосатые руки. Полуоткрытый рот его зашляпывался, мухи ползли по щеке, собирались у губ; начальник морщился, поджимая губы и, шумно всхрапнув, перекидывал голову, но мухи всей стайкой дружно перелетали на другую щеку. Фемистокл — родосец; он уже немолод, неряшлив; полуседые волосы его взлохмачены, борода спутана; для военного он излишне тучен и брюхат.

Пять лет назад Фемистокл отнял у своего воина-мародера полсотни полустертых золотых статеров; решив, что он сумеет употребить эти деньги с большой пользой, чем мародер, Фемистокл утаил их от старшего начальника. Но не учел того, что воин был земляком императора и многих его приближенных, в то время как его самого господь бог не удостоил чести родиться в Исаврии. За этот просчет он и поплатился: проклятый исаврит донес на него, и Фемистокла в наказание отправили на окраину Ромейской империи начальником гарнизона Келасурской крепости. Проступок был пустяковым по сравнению с теми делами, которые водились за другими воспитателями-исавритами, но Фемистокл решил не искать правды там, где ее нет. Чувствуя себя здесь в ссылке, он обленился, к службе относился без особого рвения. Он был храбрым воякой, по натуре не злым и не жадным. Воины называли его дядюшкой Феми, а за глаза — Пузачом. Он об этом знал и не сердился. В конце концов, они правы: брюхо у него — как у жеребей кобылы. А ведь есть военачальники с такими позорными кличками, что только хлесткий язык воинов и способен их произнести.

Среди сонного безделья разморенных жарой людей бодрствовал только дозорный на крепостной башне. Не-

большой навес защищал его от прямых лучей солнца, а с моря обдувал ветерок. Отсюда хороший обзор, но смотреть в море не на что — оно тоже сонное. Дозорный знает, что очередной корабль с пополнением, жалованьем и продовольствием придет из Константинополя не раньше осени. За спиной — дремучие леса; их рассекает уходящая в горы Великая Келасурская стена. А там, за рекой Келасури — подстава Леона Абазгского, которую он с согласия апсиров вынес на восточный край их земли. Дозорный некоторое время завистливо смотрел на купающихся в реке абазгов: вода в ней холодная; она несет телу бодрость, не то что море — уныло теплое, как похлебка; после купания в нем чувствуешь себя разваренной чечевицей. Далеко, а видно: вот двое выскочили из реки и схватились бороться, другие подзадоривают их, выются, вертятся их тела, а ни тот, ни другой не одолеет; потом оба сплелись и повалились на горячий песок. Кто из них поборол, разве разберешь отсюда? Дозорный повернулся на восток, куда от крепостных ворот убегает узкая дорога. Там, вдалеке, клубится пыль. Кто-то скачет. Наконец, он различил трех всадников; у среднего на колье трепетал значок гонца.

— За какие грехи черти мучают их в эту жару? — пробормотал дозорный. Последнее время гонцы часто мотаются между Анакопией и Цихе-Годжи. Не к добру это! Перегнувшись через перила, он крикнул:

— Эй, кто-нибудь там, разбудите Пузача! Опять гонцы едут. Скачут так, будто черти за ними гонятся!

Никто, однако, не пошевелился. Только один из играющих в кости лениво отшутился:

— К реке спешат зады остудить.

Игроки захохотали. На шум вышел одуревший от духоты и мух Фемистокл.

— Какого дьявола ты там кудахчешь? — беззлобно спросил он и широко зевнул.

— Гонцы едут! — ответил дозорный. — Уже у ворот!

Всадники въехали в крепость. По их запыленному и усталому виду, особенно среднего, с царским знаком, Фемистокл догадался: спешили. Значит, вести важные.

— От кого гонец? — спросил он.

— От правителя Картли, — просипел гонец... — Идет Мурван Кру. Готовьте крепость к осаде.

Гонец облилиз потрескавшиеся губы и воспаленными глазами посмотрел на слушавшего его воина.

— У нас вода — как конская моча, — сказал тот покартлийски. Рядом река. За ней подстава Леона Абазгского. Там освежишься и сменишь коня.

— Знаю, — ответил гонец. — Сегодня ночью или к утру правитель Мириан с братом Арчилом, с воинами и домочадцами пройдет. Не примите их за саркинозов.

Гонец качнулся в седле и, хлестнув запаленного коня, поскакал к реке. Фемистокл озабоченно посмотрел на воина, чинившего перевязь. Тот встал.

— Слышал, Джанхух?

— Слышал, — сказал воин жмуро.

Вдруг с необычной для толстяка живостью Фемистокл подбежал к спящим у стены и начал пинать их ногами. Воины вскакивали; ошалело тарашились на своего начальника не столько испуганные, сколько удивленные его странным поведением.

— Эй, Феми, тебя что, скорпион ужалил? — проворчал долговязый, немолодой уже македонец по прозвищу Верблюд, потирая ушибленный бок.

— Вот придет Мурван Кру, он тебя ужалит в одно место! — заорал Фемистокл. — Живо поднимайтесь, ублюдки! Чтобы до вечера подготовили костры для варки смолы.

— Расшевелился наш Пузач!

— Мурван Кру заставит и тебя пошвелиться, ленивый Верблюд.

— Да, он умеет делать из нашего брата падаль.

Так, невесело пошучивая, воины, однако, спешно принялись готовиться к осаде.

2

В эту беззвездную ночь прохладный ветер с гор где-то заплутал — не нашел привычного пути к морю через Келасурское ущелье. Плотная тьма влажной буркой накрыла крепость. Потные воины томилась в тяжелом полусне, с недовольным бормотанием отодвигались друг от друга, когда кто-нибудь прикасался к горячему телу соседа по нарам. В душной утробе ночи слышны только негромкие голоса дозорных.

— Проклятая ночь.

— В аду до того, как черти разведут огонь под котлами для грешников, наверно, такая же тьма.

— Скоро узнаем.

С башни донеслось:

— Заткните пасти да растопырьте уши. Кто-то едет.

Дозорные прислушивались, вглядываясь в тьму. Далеко над морем небо осветилось сиреневой вспышкой молнии, потом докатилось глухое ворчание грома, и опять тишина. Не слышно даже шакалов. Все живое затаилось в ночи перед надвигающейся грозой. Но вот дозорные уловили отдаленный топот конских копыт.

— Едут!

Фемистокл поднялся по приставной лестнице на крепостную стену, послушал, потом спокойно сказал:

— Поднимайте людей. Пусть занимают свои места.

Зажгли факелы; свет их вырвал из тьмы часть крепостного двора. Не слышно ни ругани, ни обычных грубоватых шуток; люди молча поднялись на крепостные стены; часть их выстроилась перед воротами. К крепости подъехала небольшая группа всадников.

— Эй, кто там? — крикнул Фемистокл.

Снизу ответили:

— Мы — картлийцы. Передовой дозор. За нами идут правитель Картли Мириан с войнами. Откройте ворота!

— Тот из вас, кто знает в лицо начальника гарнизона, пусть войдет, остальные отойдите, — приказал Фемистокл и спустился вниз.

Всадники посовещались, потом отъехали; оставшиеся пропустили в ворота. Картлиец всматривался в людей, но, увидев Фемистокла, уверенно сказал:

— Ты начальник. Я видел тебя здесь, когда проезжал гонцом через крепость.

Фемистокл приказал открыть ворота.

— Бились с мусульманами? — спросил он картлийца.

— Дважды, — угрюмо ответил тот. — У Цихе-Годжи, и сегодня на заходе солнца. Мусульман — что саранчи. Не дал нам бог победы. Спасая царя и его семью, много наших полегло. Не приди ночь, все остались бы на поле боя мертвыми. Из кольца вырвались.

— Далеко твой правитель с войнами?

— Следом идет. Сейчас будет.

Действительно, через некоторое время послышался

топот множества лошадей. Первым въехал Арчил с двумя сотнями передового отряда.

— Переправа далеко? — спросил он Фемистокла.

— За крепостью.

Больше ни о чем не спросил Арчил. Он видел, что крепость готова к осаде, а Фемистокл понимал: раз картлийцы оставили свою землю, значит, нет у них достаточно сил отстоять ее от арабов. В крепость въехал Мириан.

— Не будем здесь задерживаться, — сказал он Арчилу, потом повернулся к Фемистоклу. — Ты начальник гарнизона?

Фемистокл понял: перед ним правитель Картли Мириан. Он поклонился.

— Император доверил эту крепость мне.

— Много ли еще пути до Анакопии?

— Если без остановки ехать, утром там будете.

— А до Цхума? — в свою очередь спросил Арчил.

— Недалеко. Но останавливаться в Цхуме не следует. Город давно разрушен. Жителей в нем мало, а те, что оставались, покинули его, как только узнали о приближении Мурвана Кру. Защищать Цхум нет смысла.

— Нам это известно, — сказал Мириан. Узнав, что подстава абазгов сразу же за переprawой, он добавил, обращаясь к Арчилу: — Пойдем без остановки дальше. Веди отряд.

Арчил тронул коня. Мириан же остался с Фемистоклом. Он сумрачно смотрел на проезжающих усталых воинов. Они прятали от него взор — стыдились смотреть в глаза своему патрону. Но им нечего было стыдиться: многие из них были ранены, некоторых везли на носилках. Они сделали все, что было в их силах, и готовы были на большее. Но болела у них душа за покинутую родную Картли. Если бы патрон потребовал, они все полегли бы за нее, ибо мертвые позора не ведают, но Мириан, желая сохранить остатки своего войска, приказал отступить и идти в Анакопию. И они, скрепя сердце, пошли за ним. Вместе с картлийцами проехало несколько десятков армян во главе с нахараром Тачатом. Этот маленький отряд отступал из родного удела нахарара, занятого и разграбленного арабами. Среди всадников Фемистокл увидел несколько женщин. Одна из них остановилась, было, но Мириан властным жестом

приказал ей ехать дальше. Всего проехало через крепость немногим более тысячи всадников. «Невелико войско картлийского правителя», — подумал Фемистокл.

— Сколько воинов в гарнизоне? — спросил Мириан.

— Три сотни.

Мириан взглянул в бесстрастное лицо Фемистокла.

«На что он надеется?» — подумал он.

— Крепость будете оборонять?

— Таков приказ императора.

Мириан взял у Фемистокла факел и медленно пошел вдоль строя, вглядываясь в лица людей. По лицам воинов Мириан пытался угадать: знают ли они, что их ждет? Они были очень разные: высокие и малорослые, молодые и уже в возрасте, здоровые и изнуренные трясучкой. Большинство — апсилы и лазы, но немного македонцев, фракийцев, армян, исавритов, а эти двое, стоящие рядом, как братья — голубоглазые и светловолосые, — определенно славяне. Но взгляды у людей Келасурского гарнизона одинаково сурово замкнуты; в них чувствуется некоторое отчуждение. Воинам не нравилось то, что этот никогда не виданный им правитель пытается заглянуть им в души. Перед сражением душа воина принадлежит только ему и богу. Мириан понял: знают. Он отошел и высоко поднял факел.

— Воины, вас мало, врагов — тьма. Крепость не удержать. Предлагаю вам идти в Анакопию с моими войсками и там, на стенах большой крепости, сразиться с мусульманами.

Строй всколыхнулся, люди зашептались, заговорили. Все с ожиданием омотрели на своего начальника.

— Я никого не неволю. Кто хочет, может идти в Анакопию, — сказал Фемистокл.

Из строя вышел молодой, сильный воин и повернулся лицом к товарищам. По тому, как все сразу затихло, готовые его слушать, Мириан понял, что тот пользуется большим уважением.

— Кто это? — тихо спросил он.

— Джанхух — начальник апсилов, — ответил Фемистокл.

— Братья! — обратился апсил к воинам. — Правитель Картли предлагает нам идти в Анакопию и на ее стенах сразиться с мусульманами. Наш начальник не препятствует вам: вы можете идти. Я знаю: вы храбрые воины

и готовы биться с врагом насмерть. Апсилы не упрекнут вас в трусости, если вы уйдете, но за нами — наша родная земля. Если враг ступит на нее, то только через наши трупы. Мы, апсилы, остаемся здесь, — Джанхух поклонился строю и стал на свое место. Воины снова зашумели. Мнения разделились: одни считали, что следует идти с картлийцами, другие были за то, чтобы остаться. Но вот из строя вышел долгоязыкий жилистый македонец:

— Послушайте теперь меня!

— Говори, Верблюд, мы верим тебе!

— Зачем спорить? Нас слишком мало, чтобы отстоять крепость, но апсилы остаются в ней, чтобы защищать свою землю. Они считают для себя это святым делом. — Он обвел взглядом товарищей, давая им время обмыслить то, что апсилы остаются за смерть. — А мы?.. Не все ли нам равно, где сложить свои кости: здесь, в Анакопии, или в каком-нибудь ином месте? Нам предоставляется выбор: мы можем идти, можем и остаться с апсилами. Но у нас есть начальник, спросим его... Феми, ты поведешь нас с картлийцами в Анакопию?

Теперь Мириан и весь гарнизон смотрели на Фемистокла. Тот сухо сказал:

— Я воин и останусь там, где мне приказано стоять. Верблюд взглянул на Мириана и развел руками.

— Мы знаем: никто не напишет на этих стенах: «Здесь мы костями полегли». Нас тоже триста; мы не покинем апсидов и своего начальника. Верно ли я говорю?

Строй одобрительно зашумел. Лазы и апсилы были заодно. Ромеи, склонявшиеся к тому, чтобы идти с картлийцами, не посмели переступить закон воинского братства. Мириан поднял руку, призывая к тишине.

— Воины, я передам императору Льву: гарнизон Келасурской крепости до конца выполнил свой воинский долг. Да поможет вам бог, герои!

Мириан поклонился воинам; он отдал факел Фемистоклу и уехал, сопровождаемый телохранителями.

— Спасибо, братья! — просто сказал Фемистокл.

Налетел ветер, зашумел келасурский лес, дохнуло прохладой. Совсем близко оверкнула молния, заставив людей зажмуриться; вслед затем небо с грохотом раскололось и хлынул ливень. Строй сломался. Воины под-

ставляли разгоряченные тела холодным струям дождя, отфыркивались, шлепали ладонями себя и друг друга. Счастливые люди! Они умели наслаждаться даже таким мимолетным даром жизни, не думая о предстоящем сражении, в исходе которого никто из них не сомневался. Но нет, они помнят о том, что их ждет.

— Хоть чистыми предстанем на том свете перед судом божьим...

— Еще успеешь замараться...

3

К рассвету гроза обессилела. Над горами еще время от времени гремел гром, а на востоке лучи света уже пронзили истончившиеся облака, и в прорехи победно хлынула заря. Усталые и вымокшие картлийские воины подъезжали к Анакопии. Мириан и Арчил ехали бок о бок. Оба со смешанным чувством горечи и надежды смотрели на твердыню абазгов.

— Чем мы прогневали бога, что ныне вынуждены просить приюта у Леона? — невсело проговорил Арчил.

— Не ропщи, брат, — сказал Мириан. — Тяжкое испытание послал нам всевышний, но не оставит он христолюбивое воинство свое в беде. Поражение в бою — не конец войны. Верю я: воспрянет Картли. Может быть, для того пока и хранит нас господь. Скрепи же сердце свое, не предавайся унынию... Вот, кажется, брат Леона Абазгского нас встречает. Значит, сам он еще не вернулся из Собгиси.

Это действительно был Федор. Предупрежденный накануне гонцом, он с Гудой и десятком воинов на рассвете помчался навстречу картлийцам. Федор спешился.

— Абазгия счастлива приветствовать дорогих гостей на своей земле, — проговорил Федор, кланяясь.

— Не почетными гостями — изгнанниками прибыли мы, — горько уомехнулся Мириан.

Федор почувствовал неловкость: не этими словами надо было встречать царственных братьев. Преодолевая смущение, он сказал:

— Пусть наш дом станет вашим, а ваши враги ныне и наши враги.

Сбивчивая и не очень удачная речь Федора, однако,

пришлась по душе Мириану и Арчилу своей искренностью. Федора они знали еще мальчиком; он в детстве с отцом бывал в Цихе-Годжи. Теперь перед ними был возмужавший воин. Оба сошли с коней и обняли Федора.

Мириан с одобрением смотрел на Гуду и отлично снаряженных воинов.

— Много ли у вас таких воинов? — поинтересовался он.

— Таких обученных и снаряженных — тысяча, да столько же лучников и пращников, — пояснил Федор.

Недалеко от Анакопии Арчил заметил вереницу людей с вьючными лошадьми, с детьми и домашним скотом. «Уж не под защиту ли крепости идут они? Тесно будет воинам и жителям», — подумал он и спросил:

— Что это за люди и куда они направляются?

— Брат приказал анакопийцам на время войны расселиться по дальним горным урочищам. Уходят люди. К вечеру в городе жителей не будет. Останется только гарнизон.

Мириан и Арчил похвалили Леона за предусмотрительность, когда же въехали в Анакопию и увидели все приготовления на случай осады, остались весьма довольны. Анакопийцы хмуρο наблюдали за въездом картлийских воинов и размещением их в городе. Они понимали: не по своей воле картлийские правители со своими верными военными служителями — тадзреулами прибыли в их город-крепость; знали и то, что недолго продлится келасурский гарнизон.

Анакопия походила на потревоженный муравейник. Богумил и Гуда с воинами обходили дом за домом, требуя от жителей быстрее уходить. Безлошадным давали по вьючному коню с наказом сберечь его до возвращения. Как только хозяева выносили свое немудреное имущество, Богумил приказывал тотчас же разрушать их хижины. Иначе не уйдут. Птицу и ту далеко от гнезда не отгонишь, а то ведь люди. Какая ни на есть хижина, а все же родное гнездо; в нем любил, страдали, растили детей. А воинам долго ли разметать ее? Разом навалились плечами и повалили. Мужчины хмурились, бросали косые взгляды на воинов, злорадствовали, когда не сразу удавалось повалить вросшие в землю угловые столбы. Женщины же откровенно выражали свою

ненависть: слезами и причитаниями они подливали масло в огонь. Того и гляди между воинами и анакопийцами начнется драка. Особенно неистовствовала жена гончара. Она кричала, потрясая перед Богумилом кулаками:

— Ты чужак, у тебя своего дома нету, потому ты и наши не жалеешь.

— А зачем ему дом, когда у Хрисулы есть каменный. Его-то Рыжебородый не станет ломать, — съязвила ее соседка.

— Чтоб тот дом первым сгорел вместе с Хрисулой и Рыжебородым! — злобствовала жена гончара.

Богумил терпеливо сносил поношения. На то бог и создал женщину, чтобы она заботилась о родном гнезде. Он лишь с досадой подумал: «Люди Хрисулой попрекают. Придется ее отправить со всеми».

Гуда вступился за побратима.

— Стыдитесь женщины. Раскудахтались, как квочки, при виде ястреба. Лучше бы молились за нас, чтобы дал нам бог победу. Тогда мы поможем вам новые хижины поставить, а если одолеют нас враги, так всем нам одна хижина уготована — сырая земля.

Редко говорит Гуда, но коли скажет, его слово, как его стрела — в самое сердце войдет. Женщины пристыженно замолкли, а потом накиннулись друг на друга:

— Это ты раскудахталась!

Жена гончара разозлилась:

— У тебя самой язык длиннее косы. Зачем про Хрисулу сказала? Завидуешь ей?

— Это я-то завидую? А сама ты что говорила?..

Старуха, до этого молча собиравшая горшки, схватила хворостину.

— Вот я вам!.. Нашли время языки точить! Займитесь делом! — Потом обратилась к Гуде: — Даст нам бог победу, — она так и сказала нам, приобщая и себя к этому, — вернемся в Анакопию, так ты прикажи этим злоязычным женщинам в разных концах города селиться, чтобы не слышать нам их вечной перебранки.

Все рассмеялись. Несмотря на тревогу за будущее, у всех будто полегчало на душе, появилась вера, что вернутся и будут ставить новые хижины.

Федор и Арчил стояли на крепостной стене у ворот и наблюдали, как анакопийцы покидают город. Не ду-

мал Федор, что это зрелище может быть столь тягостным. Расставаясь с отцами, братьями, сыновьями, женщины и дети плакали, крестили защитников Анакопии и ее стены. Некоторые сразу же сворачивали в горы, но еще долго оглядывались на родной город полными слез глазами, купцы, в основном, шли в Пицунду, а то и далее — в Цандрипш, надеясь, что туда не дойдет свирепый Мурван Кру. Не будь грозы, ушли бы еще вчера в ночь, ныне же, с приходом картлийцев, заспешили.

Богумил подошел к дому Хрисулы и остановился в исрепительности.

— Брат Гуда, пойди, скажи ей, пусть уезжает со всеми, пока не поздно. Меня она не слушает. — сказал он смущенно.

Гуда понимающе усмехнулся и поднялся в дом, но сразу же вышел с выражением крайнего удивления.

— Иди сам, — сказал он, странно улыбаясь.

Богумил одним махом взбежал по лестнице. То, что он увидел, заставило его застыть в изумлении. Посреди комнаты стоял стройный воин в золоченых латах; в одной руке он держал меч, в другой — пышные волосы цвета спелого желудя. Вложив меч в ножны и отбросив волосы, воин надел великолепный щем, потом взглянул на Богумила зелеными глазами.

— Теперь, если ты прикажешь мне даже властью императора, я все равно не покину Анакопию, — с вызовом сказала Хрисула.

Богумил не знал, что и сказать. Он только сокрушенно вздохнул и с сожалением посмотрел на волосы, которые она только что безжалостно отрезала.

— Не сердись, Золотой мой, но они мешали бы мне. Отрастут. — Она подошла и положила руки ему на плечи. — Я не хочу связывать тебя в это тревожное время, но всегда буду рядом с тобой. — Хрисула поцеловала его и сказала, благословляя: — Иди и исполняй свой долг воина, а обо мне не заботься. Да хранит тебя бог!..

4

Гора, что высится сразу за правым берегом быстрой Келасури, самой природой предназначена быть постом наблюдения. Отсюда далеко видно: в море — сколько

глазом достанешь, на восход взглянешь — Келасурская крепость и стена, идущая от нее к самому морю и в горы, — как на ладони; на заход посмотреть — Цхум увидишь; если же на полночь смотреть, взор упирается в горы. Цхум невзрачен и сер. Некогда прекрасная столица апсилов никак не воспрянет после разрушений, причиненных ей византийцами, персами и арабами. Нехоточно теперь селятся люди в Цхуме, а те, кто осмеливаются, не строят добротных каменных домов. К чему? Время тревожное: то один, то другой враг грозит предать город огню и мечу. Вот опять, говорят, какой-то Мурван Кру с несметным войском идет. Вчера цхумцы об этом узнали от гонца, и потянулись они в горы с детьми, со всем скарбом, бросив на произвол судьбы свой полуразрушенный, много раз разоренный город. Ночью же, в самую грозу, картлийское войско через город в Анакопию прошло; не осталось защищать Цхум. Где уж самим цхумцам отстаивать свой город! Вот и ушли они спешно, сразу на рассвете, как только унялась гроза.

Пустынен Цхум, не видно в нем движения, суеты, не заметно никаких приготовлений и в Цхумской крепости, что угрюмо глядит на жестокий этот мир сторожевыми башнями. Издали взглянуть на нее — грозна и неприступна кажется крепость, построенная еще римлянами, а вблизи увидишь в ее стенах зияющие проломы. Много дней молодые абазгские воины следят с горы за побережьем, а особенно за Келасурокой крепостью. Трое их: один спит на охапке папоротника, покрытый козьей шкурой, второй жарит на вертеле двух фазанов, которых утром вынул из расставленных волосяных силков, третий лежит в траве и неотступно смотрит в сторону Келасурской крепости. Внезапно он вскочил.

— Смотри, Ятма! — воскликнул он.

Тот, что жарил фазанов, отложил в сторону дичь — чтобы не подгорела — и подошел. Некоторое время он внимательно вглядывался в ту сторону, куда показывал наблюдатель. Там, далеко за Келасурской стеной, виднелась серая движущаяся масса; она растекалась вширь, охватывая крепость со стороны холмов. Отдельные пятна ее распались, и стало видно, что это большое войско. — Это они.

Спящий воин проснулся и поднял голову.

— Что там?

— Мусульмане пришли, — сказал Ятма и деловито добавил: — Вставай, дожарь фазанов, а я пойду сниму силки. Еще пригодятся.

Через некоторое время трое абазгов ели дичь и смотрели на то, что происходит в Келасурской крепости. Там, перед ее стенами, все пространство было занято огромным войском; оно, как муравьиная лава, остановилось перед препятствием.

— Много их, проклятых! Не пора ли сигнал подавать, Ятма?

— Нет. Надо ждать сигнала из крепости — такой уговор был.

Шло время, солнце уже поднялось к полдню, а сигнала из Келасурской крепости все не было. Наблюдателям было видно, как на стенах крепости копаются люди. Абазги вскакивали, взволнованно ходили, сжимая кулаки и стискивая зубы. Шла битва — жестокая, беспощадная, но за дальностью ни одного звука не доносилось оттуда. Но абазги представляли себе, как хрипят, задыхаются люди в лютой ярости, как звенят сабли и мечи, стонут и проклинают свет умирающие, с глухим стуком падают со стен тела воинов. Гарнизон изнемогал в неравной битве, но не сдавался. Враг еще не ворвался в крепость, иначе уже был бы подан сигнал. Самый младший из воинов был бледен; глаза его наполнились слезами, губы дрожали от волнения.

— Ятма, я больше не могу... Пусти меня туда... Там наши братья-апсилы. Они умирают, защищая нас. Позор нам, мы только смотрим.

Ятма с укором взглянул на товарища. Он и сам готов был броситься на помощь воинам гарнизона, но он старший дозора, ответчик перед правителем за своевременную подачу сигнала.

— Басиат, ты думаешь, что среди нас только ты один воин, а мы, по-твоему, перепелки? Мы не можем послушаться приказа апсхи.

— А что если Джанхух не успеет подать сигнал?

Ятму эта мысль тоже беспокоила, но на дороге от крепости в Цхум мусульман не было видно. Значит, держится еще гарнизон.

— Три сотни их, а врагов тьма...

Басиат не договорил. Из крепости повалил густой

белый дым. Трое абазгов бросились к костру. Они навалили на него весь оставшийся сушняк, а сверху — еще необсохшие в куче ветви деревьев, папоротник. Столб дыма взметнулся к небу; подхваченный ветром, он потянулся в сторону гор. Наблюдатели стали смотреть на запад. В синеющей дымке над Цхумской горой через минуту показался такой же султан дыма. Значит, сигнал принят и передан дальше. Уже вся Абазгия знает, что Келасурская крепость пала. Ятма приказал:

— На коней!

На вершине горы, у реки Гумисты, появился столб дыма — сигнал.

— Келасура пала, — сообщили Мириану.

— Вечная память и слава героям Келасурского гарнизона, — торжественно и печально сказал Мириан.

Он тотчас же приказал созвать начальников отрядов, и когда те собрались на тесной площадке перед цитаделю, каждому указал его место в предстоящем бою. Начальниками в башни Мириан назначил опытных в воинском деле тадзреулов; оборону всей южной стены поручил Арчилу, а помощниками ему назначил Богумила и Зураба — младшего сына кахетинского азнаура Петре, который был тяжело ранен в ночном бою и лежал в цитадели. Северо-западную стену, где не было башен, Мириан поручил армянскому нахарару Тачату, передав ему часть своих людей. Гуде приказал отобрать самых метких стрелков и поставить у бойниц башен, чтобы те разили в бок лезущих на стены врагов; остальным лучникам и пращникам велел занимать места на крепостных башнях и стенах. Восемь сотен хорошо обученных Богумилом абазгских воинов расположил в центре крепости с таким расчетом, чтобы они могли быстро достигнуть любого участка обороны. Командовать этими воинами поручил Федору. Тот даже поблднеел от волнения и выпавшей на его долю чести. Он не догадывался, что Мириан это сделал для того лишь, чтобы его не обидеть.

Всех лошадей — картлийских и своих — по приказу немедля отправили в горы, а скот, предназначенный в пищу для гарнизона, загнали в крепость в отведенное ему место за оградой. Не успели коровы, свиньи и козы

войти в крепость, как за внешними стенами запылали хижины рыбаков и ремесленников.

Старый рыбак-ромей привел к Богумилу свою ватагу.

— Мы исполнили свое обещание, исполни теперь и ты свое, — сказал он.

— Чего хотят эти люди? — спросил Мириан, с удивлением глядя на ремесленников.

— Оружия. Я обещал им, — ответил Богумил.

— Зачем тебе оружие, отец? — спросил Арчил с улыбкой.

— Увидишь, зачем, — ответил старый рыбак.

Мириан распорядился вооружить ремесленников и рыбаков. Богумил повел ватагу к кузнецу Камугу. Тот радостно встретил рыбака.

— Я знал, что ты придешь, старый вояка, — сказал он весело. — Покажем, Янакис, как мы умеем драться. Вот только силы у нас с тобой уже не те.

— Ничего, Камуг, руки еще удержат меч. Есть у тебя для меня что-нибудь подходящее?

— Вот, для тебя делал.

Камуг подал рыбаку тяжелый меч. Старик жадно схватил его цепкими пальцами и стал рассматривать.

— Спасибо, друг, хорош меч!

Богумил с любопытством смотрел на двух стариков. Рыбак при виде оружия выпрямился, глаза его заблестели. Остальным Камуг сказал:

— А вы берите, что кому по руке придется.

Гончары, кожевники, углежогы, ткачи и рыбаки с озорными шутками стали разбирать мечи, секиры, наконечники для копий и лут же насаживали их на ясеневые черенки. Кому не хватило оружия, брали железные полосы. Воины, глядя на них, посмеивались.

Чумазый рыбак старательно оглаживал ножом черенок секиры, подгоняя его по руке.

— Смотри, в штаны не наложи, когда увидишь саркинозов, — сказал ему один из воинов.

— Ты, я вижу, уже наложил, — огрызнулся рыбак. — У тебя штаны сзади висят, как курдюк.

В ответ раздался дружный хохот. Воин, однако, не растерялся.

— Если ты так же смел, как твой язык, то саркинозы от одного твоего вида подохнут, — сказал он.

— Верно говоришь. Если бы я был с тобой, то тебе не пришлось бы бежать от саркинозов.

Быть бы споре, но тут раздался возглас:

— Агаряне идут! К оружию, воины, на стены!

Крик дозорных заставил всех броситься по местам.

— Где они, проклятые?..

Сквозь сизую пелену дыма от догоравших рыбацких хижин все увидели арабов, гнавших за несколькими всадниками, которые во весь опор мчались к крепости. Часть арабов отделилась от отряда, стремясь отрезать путь к воротам, которые уже кто-то открывал. Над головами врагов уже засверкали кривые сабли, бурнусы, как крылья, развевались за их спинами. Но тут с крепости в них полетел рой стрел; один араб упал, второй схватился за плечо, остальные круто повернув, отъехали в сторону. Ворота закрылись за беглецами. Это был Апста зыхьчо с сыновьями и несколькими своими сородичами. Возбужденные и злые, как осы, они сейчас же взобрались на крепостные стены и стали дразнить врагов. Апста зыхьчо показал им непристойный жест, чем вызвал смех в крепости и ярость врагов. Поостыв, он рассказал Федору, что уже попробовал арабской крови. Отряд Апста зыхьчо внезапным налетом из засады порубил передовой арабский дозор, но вынужден был бежать в Анакопию, так как за ним погналась целая туча арабов, а путь в горы был уже отрезан.

— Где мой дядя? — спросил Федор.

— Наш правитель не захотел идти на побережье. Он с небольшим отрядом воинов отошел в горы и там будет держать проходы, — сообщил Апста зыхьчо. — Большое войско идет на Анакопию, я сам видел.

— Мы готовы, — ответил Мириан.

И оно пришло, большое войско грозного Мурвана Кру. Скоро на всем пространстве перед Анакопией и вдоль моря появилось множество всадников. Они деловито разбивали лагерь. Ряды их палаток выстроились несколькими линиями. К крепости мусульмане не подходили; они занимались своими делами: поили и мыли лошадей, купались, готовили пищу у костров. Будто не завоеватели приехали, а гости. Вечером, на заходе солнца, муэдзин призвал правоверных на молитву. Присев на колени на маленьких молитвенных ковриках, арабы совершали вечерний намаз.

Вынужденные покинуть свой город-крепость анакопийцы расселились по урочищам. Одни нашли приют в поселениях абазгских дадалов, другие поднялись в горы и избрали своим временным жилищем ацангуары, сложенные, по преданию, карликами-ацанами. Много таких каменных построек разбросано в горах, почти у самых вершин. Абазгские пастухи использовали их для укрытия скота, да и сами жили в них во время летнего выпаса стад. Прибрежные поселения тоже опустели. В эти суровые дни испытаний народ потянулся к Хранителю веры предков. Старый жрец знал, что нужно абазгам, и объявил о предстоящем молении. В назначенный им день в священной роще, находившейся под покровительством Аныха Псырцха*, собралось множество вооруженных мужчин — женщинам не разрешалось присутствовать при совершении таинства.

Могучие дубы-великаны зеленым шатром раскинулись над площадкой, часть которой оставалась открытой и примыкала к огромной скале, угрожающе нависшей над рощей. Перед ней лежал большой обломок, видимо, сорвавшийся когда-то сверху. Он имел форму вытянутого прямоугольника с выступающими по низу карнизами, где находились углубления для крови жертвенных животных. На гладкой груди скалы высечен крест. Кто, когда сделал все это, не знал даже мудрый Хранитель веры предков; знали только о том, что предки абазгов, еще задолго до христианства, почитали эту рощу священной. Здесь они просили своих богов даровать им наследника или исцелить больного, давали обеты, клялись, устраивали моления. В роще полно людей, но царит такая тишина, что слышно только щебетание птиц. Самые почитаемые старики — дадалы — стоят перед камнем лицом к народу; всего их двенадцать. Каменный крест и двенадцать почтеннейших стариков — по числу святых апостолов — это была маленькая дань, скорее — уступка язычников-абазгов христианству. Все в глубоком молчании ждали появления Хранителя веры предков.

И вот он вышел из-за скалы — высокий, прямой; его худые руки и ноги обнажены, а тело покрывает овечья шкура. Голова жреца, совершенно лысая, блестит на

солнце, зато белоснежная борода достигает колен; глаза полузакрыты. За ним идет Мудрый Пшкяч; он несет на вытянутых руках жертвенный нож из зеленоватосерого камня, лежащий на шкурке ягненка. Откуда, из какой глубины веков попал этот нож к абазгам, неизвестно, но сколько они себя помнят, он всегда был обязательной принадлежностью молений. Жрецы передавали его друг другу как величайшую реликвию предков, потому что их боги принимали жертвы, только заколотые этим ножом — таким же вечным, как сами горы, ибо над нефритом, из которого он был сделан, время не властно.

Жрец вошел в полукруг. Двенадцать стариков повернулись к нему лицом. Пшкяч стоял несколько в стороне, все так же держа на вытянутых руках священный нож. Жрец поднял веки, и все увидели его горящий взгляд. Величественным жестом он подал знак абазгам стать на колени, сам же остался стоять, только повернулся к скале и протянул к ней руки.

— Псырцха Аныха, мы пришли к тебе. Услышь нас!..

Скала многократным, постепенно замирающим эхом ответила: «нас-ас-ас...». Стало совсем тихо. Все ждали знака: услышало ли божество, покровительствующее Псырцха, голос их жреца? Над скалой появился белохвостый орлан; он сделал круг над поляной и, неторопливо взмахивая широкими крыльями, полетел в сторону реки Апсары. У него свои заботы — высмотреть в ее быстрых прозрачных струях форель и молниеносным броском выхватить рыбину из воды для голодных птенцов. Но для абазгов орлан явился знаком того, что божество их услышало.

— Псырцха Аныха услышала нас! — ликующе провозгласил жрец. — Воздадим должное ей!

В ту же минуту молодой абазг выбежал из зарослей рододендрона с белой овцой на плечах. Овца — любимое животное богов. Они подарили ее детям гор вместе с ачарпыном* для того, чтобы тем было что приносить в жертву и чем услаждать слух. Коза же досталась абазгам от своенравных карликов-ацанов, потому-то козы шkodливы и непослушны. По знаку жреца молодой абазг внес овцу в полукруг. В то же время Пшкяч передал нож крайнему старику — тот следующему, и так,

обойдя всех почтеннейших дадамов, он очутился у жреца; тот вознес нож над головой. Пусть Псырцха Аныха убедится: это не какой-нибудь, а священный нож предков. Меж тем молодой абазг опрокинул овцу на спину, и в то же мгновение жрец коротким и сильным ударом ножа рассек ей горло. Хлынувшую кровь он стал сливать в углубление. Пока в чашу текла кровь, абазги пели обрядовую песню — просили Псырцху Аныха принять их жертву. Жрец простер руки к скале. Песня обрвалась.

— Псырцха Аныха, угодна ли тебе жертва?..

Снова гулкое эхо прокатилось над рощей. Некоторое время все напряженно слушали. Где-то вверху каркнул ворон, ему отозвался другой. Молящиеся приняли это как знак того, что жертва благосклонно принята.

— Псырцха Аныха, выслушай нас и помоги! — сказал жрец. — На нашу землю пришли враги. Их великое множество, и мы не можем одолеть их без помощи духов гор. Они свирепы и жадны. Не дай погубить почитающих духов гор и тебя. Нашли на врагов гнев великого Афы. Пусть владыка молнии и грома испелит небесным огнем ненавистных пришельцев. Пусть Алышкягыр* напустит на врагов собак, пусть Ажвейпш наравит на них злых зверей!.. Мы молим тебя: заступись за нас перед духами гор, пусть обрушит на незваных пришельцев свою грозную силу... Заступись!

Все молящиеся трижды громко произнесли:

— Заступись!..

Настала тишина. Жрец стоял, напрягшись, как натянутая тетива, и смотрел вверх; он слушал только ему одному доступный голос божества.

— Абазги! — торжественно провозгласил жрец. — Псырцха Аныха повелела мне сказать вам: духи гор помогут своим любимым детям, если они сами не будут сидеть сложа руки... Объединяйтесь в отряды! Выбирайте из своей среды предводителей!.. Занимайте перевалы и ущелья, угоняйте окот в горы... Убивайте врагов кто как может!.. Духи гор обещают нам победу. Враг уйдет с большим уроном и позором от стен Анакопии!.. В бой, абазги, с нами духи гор!..

— В бой, в бой! — откликнулись воины.

Жрец обессиленно опустился на камень. Его бережно поддерживали. Старик дрожал от возбуждения. Сна-

чала двенадцать дадалов, по старшинству, подходили к камню, окунали в жертвенную кровь палец и мазали ею лицо, одежду, оружие, потом это проделали простые абазги. Каждый чувствовал при этом прилив сил и мужества.

7

Утром из Цхума в арабский лагерь, ставший против Анакопии, прибыл сам наместник халифа Хишама на Кавказе, гроза неверных Мерван ибн-Мухаммед, или Мурван Кру, как звали его картлийцы. Он со вчерашнего дня был мрачен и зол. Сопровождавшие его начальник тридцатипяти тысячного войска Сулейман ибн-Исам, советники и улемы чувствовали, что гроза вот-вот снова разразится. Стадо коз и несколько неуспевших уйти в горы апсилов и лазов, которых пригнали вчера в Цхум кайситы, привели Мервана в ярость.

— Где золото ромеев, которое вы мне обещали? Где головы неверных? Мои войны не подбирают крохи на чужих военных пирах. Вон с моих глаз! — Мерван разогнал всех советников. Особенно бесило его то, что картлийцы ночью пробвались сквозь кольцо окружения и успели уйти в Анакопию. Он обещал Средоточию вселенной пригнать их на волосяном аркане к подножью его блистательного трона и достойно наказать за восстание. Мервану донесли, что правителей упустили кельбиты, которых картлийцы немало побили в ночном бою. Утром Мерван поднялся вместе со звездой пастухов и отправился в Анакопию, которую уже обложили войска Сулеймана. При первом беглом осмотре анакопийской крепости опытный полководец понял: взять ее будет трудно, для этого потребуются осадные машины, а они, по его распоряжению, остались разрушать Келасурскую крепость.

Сойдя с великолепного белого коня, Мерван сел перед шатром на подушки и с презрением уставился на склонившихся перед ним военачальников. Только Сулейману милостиво было разрешено стоять рядом. Мерван был в шелковом бурнусе; искусно сложенную чалму украшало страусовое перо, прикрепленное к ней брошью из большого кроваво-красного рубина, окайм-

ленного алмазами. Улемы и советники притаились за шатром, не смея показываться на глаза наместнику. Все со страхом смотрели на Мервана, ожидая какую позу он примет. Мерван взялся за бороду и склонил голову, значит, еще не остыл; в таком случае лучше держаться в тени. Все затихли. В кого же ударит молния его гнева? Больше всех причин для беспокойства было у начальника кельбитов Юсефа. Ему Мерван поручил захватить живыми Мириана и Арчила с их семьями.

Имя блистательного омейяда Мервана ибн-Мухаммеда, двоюродного брата и наместника халифа Хишама сияло на небосклоне Арабского Востока. Картлийцам и армянам оно ненавистно. Он уже бывал на Кавказе и под руководством тогдашнего наместника Масламы восстал с хазарами, но без особого успеха. После отъезда Масламы Мерван некоторое время сам был наместником. Но осложнения в войне с Византией вынудили халифа Хишама отозвать его с Кавказа, а вместо него назначить Саида ибн-Амра. Но Лев Пенджикента состарился и ослеп; он уже не мог заниматься кавказскими делами, а обстановка здесь стала складываться для халифата неблагоприятная. Хазары осмелели и начали теснить воинов ислама из завоеванных ими областей, восстали кахетинцы. Халиф Хишам призвал Меч ислама и повелел ему возвращаться на Кавказ. Но прежде, чем вступить в обязанности наместника, Мерван изложил Средоточию вселенной свой план войны с хазарами, ставшими на пути их завоеваний за Дербентом и Дарьялом. Основную причину неудач в войне с хазарами Мерван видел в плохой подготовке к ней. Враги узнавали о планах арабов от армян и картлийцев и успевали к их приходу собрать огромное войско, с которым мусульманские воины не осмеливались вступать в решающую битву. Халиф одобрил предложенный Мерваном план ведения войны, дал ему 150-тысячное войско и наказ возвеличить Омейядский халифат новыми блистательными победами. Прежде чем приступить к осуществлению своей главной задачи — разгрому хазар, Мерван решил обезопасить свои тылы. Для этой цели из его огромной армии было выделено войско под командованием Язида Усайда ибн-Затира ас-Сулами и направлено через Дербент сначала в Картли для подав-

ления восстания картлийцев. Потом с тридцатипяти-тысячной армией Сулеймана двинулся на Эгриси. Для хазар прыжок тигра должен был выглядеть обычным карательным походом. Тем временем главные силы арабов, временно оставленные на попечение Язида, шли к Дарьялу. Халиф повелел своему брату обратить хазарского кагана в мусульманство. Тех же, кто не склонится перед зеленым знаменем ислама, было велено предать огню и мечу.

Мерван наказывал своим военачальникам: «Неверные любят своego Ису. Пусть же отправляются к нему десятками, сотнями тысяч. Никого не щадить. За спиной правоверных должна царить могильная тишина». Он любил повторять оказанные задолго до него халифом Омаром слова: «Что за дело мяснику до количества баранов. Воины правоверных всегда побеждают», но при этом добавлял: «Будьте мясниками, режьте баранов». И свирепые кайситы и кельбиты наслаждались резней христиан. Омейяды издавна опирались на эти родовые объединения бедуинов. Надругавшись над женщинами, они вспарывали им животы, а детей подбрасывали и ловили на острие копий или швыряли в огонь пожарищ. Картлийцы говорили: «У Мервана нет сердца, он глух к мольбам беззащитных о пощаде». Отсюда и пошло грозное прозвище его Кру, что значит глухой. Узнав об этом, Мерван самодовольно сообщил халифу: мол, от одного только моего имени неверные замертвопадают в десятки фарсах вокруг меня.

Мерван поднял голову и мрачным взглядом обвел раболепно склонившихся перед ним начальников передового отряда.

— Довольно нюхать землю неверных абазгов; она еще не напоена их кровью, чтобы усладить носы мусульман.

Это было милостивым разрешением встать. Мерван вперил взгляд в одного из начальников кельбитов.

— Юсеф!

Одно только имя было произнесено им. Юсеф побледнел; он бросился на колени и на четвереньках пополз к Мервану с саблей на шее.

— Упустил!

Юсеф зажмурился; он молился Аллаху, призывая его умилостивить повелителя; ему еще не было позволе-

но говорить, поэтому он молча ждал решения своей участи.

— Ты упустил картлийских правителей; с тысячей воинов ты не смог взять Келасурскую крепость, где было всего три сотни презренных кяфинов. Говори, что помешало тебе исполнить мой приказ?

— Я прах у твоих ног, ничтожная пылинка, меркнувшая в сиянии твоей славы...

Мерван нетерпеливо прервал поток восхваления:

— Говори то, что хотят слышать мои уши.

О Келасурской крепости Юсеф решил не говорить; ее осаждал не только его отряд, а пять отрядов. Пусть же все пять начальников и отвечают перед наместником. Но картлийских правителей он в самом деле упустил по собственному небрежению, и это его страшило.

— При одном твоём имени, Гроза неверных, картлийские шакалы трусливо удрали, поджав хвосты... Блистательный, я возьму проклятых кяфинов в их собственном логове и приволоку их на аркане к твоим ногам. Прикажи брать крепость...

Мерван вскипел:

— Ты врешь! Если верить твоему поганому языку гиены, то у картлийских шакалов оказались тигринные зубы! Сколько твоих кельбитов перебили они, пока ты забавлялся с пленной кяфиркой?

Юсеф похолодел. Кто донес на него? Это, должно быть, Зеид. Он давно метит в начальники тысячи кельбитов. Юсеф понял: ему не будет пощады.

— Молчишь! Ты, недостойный быть даже погонщиком верблюдов, собираешься привести ко мне из этой крепости картлийских правителей? — Мерван зло рассмеялся.

Все окружающие лъстиво подхватили смех своего грозного повелителя и одновременно почувствовали облегчение: гнев Грозы неверных проходил; молния уже ударила в Юсефа. Мерван брезгливо пнул новой Юсефа:

— Иди, приведи их ко мне на аркане!

Юсеф откатился, потом встал, затравленно озираясь.

— Я жду! — бросил Мерван. — Мое терпение висит на одном волоске бороды.

Это был приговор. Старый законовед — досточтимый

муджтахид Али Махмуд понял, чего ждет от Юсефа Гроза неверных.

— Благодарю Славу омейядов, — сказал он Юсефу: — Он дарует тебе возможность умереть правоверным мусульманином, хотя ты своим нерадением и не заслужил этой милости. Иди же, если ты истинный мусульманин. Помни: бог или уничтожает, или утверждает.

— Как будет угодно Аллаху, — покорно сказал Юсеф и пошел к крепости.

Он шел, не оглядываясь; сабля продолжала болтаться у него на шее. Потом он выхватил ее из ножен и побежал к крепости. Осажденные смотрели на Юсефа с интересом, а арабы — с молчаливым презрением. Юсеф подбежал к крепости и стал в безумии колотить стену саблей, биться о нее головой, выкрикивая проклятия по адресу неверных и славя Аллаха: Абазги и картлийцы, свесив головы со стены, с изумлением смотрели на буйствующего араба, в одиночку штурмующего крепость. Они поняли, что он за что-то наказан и послан на смерть. Нет, легкой смерти враг не дожидается. Пусть продлятся его мучения. Обессилев, иступив саблю, весь залитый кровью из разбитой головы, Юсеф упал. Мервану надоело смотреть на него. Он приказал послать в Келасури за стенобитными машинами, потом потребовал коня. Вместе с Сулейманом и несколькими телохранителями Мерван стал объезжать крепость; он все больше утверждался в первом своем впечатлении о ней. «Проклятые кяфиры знали, куда бежать от меня. Много придется положить здесь моих воинов, чтобы достать их». Он злился на себя за то, что поддался соблазну захватить живыми картлийских правителей и слишком далеко оторвался от главных сил. Ему надо было возвратиться к своему войску раньше, чем оно подойдет к Дарьялу. «Осада Анакопии может затянуться. Придворные поэты за нее не сложат в честь меня похвальных касид. Пусть Сулейман сам достает картлийских правителей, раз не сумел их захватить раньше», — подумал он. Вслух же сказал ему:

— С востока и севера подходов к крепости нет. Будешь брать с юга и запада. На «бараньи лбы» особенно не надейся. Видишь, перед воротами площадка мала; стенобитных машин там не поставишь. Прикажи по-

больше лестниц готовить. Лесу кругом много.

Все это Сулейман и сам видел. Он понял: наместник халифа предоставляет ему великую честь самому крошить свои старые зубы об эту мощную крепость. Сулейман ненавидел и боялся Мервана ибн-Мухаммеда, втайне называл его похитителем славы своих военачальников, но ответил почтением, сложив ладони и кланяясь:

— Воля Грозы неверных для меня закон.

После осмотра крепости Мерван приказал собрать всех военачальников.

— Мусульмане, перед вами сильная крепость неверных, — сказал он. — Вы возьмете ее, как взяли сотни таких крепостей, ибо для правоверных воинов нет преграды, если они стремятся в адем. Повелеваю: сравняйте эту крепость с землей, картлийских и абазгских правителей возьмите живьем; кто доставит их мне живыми, получит награду. Остальных жителей отправьте к их Исе. Сердце мое скорбит от того, что не увижу я священного знамени ислама на развалинах Анакопии. Но более важные дела вынуждают меня покинуть вас. Да свершится воля Аллаха, правоверные!

Все распростерлись перед своим повелителем в знак почтения и повиновения. Мерван уехал в сопровождении тысячи головорезов кайситов. Сулейман отдал распоряжение готовить лестницы. К вечеру вереницы верблюдов приволокли мощные, но бесполезные здесь стенобитные машины. Так прошел первый день осады Анакопии. Уже в сумерках в лагерь пришел Юсеф. Он униженно подполз к Сулейману, прося выслушать его.

— Ты не сумел воспользоваться милостью Грозы неверных и умереть как мусульманин. Земля и небо не принимают нечестивца. Я прикажу тебя утопить. Неоскверняй моего взора. Прочь!

Юсефа схватили и поволокли, но он вырвался и снова бросился в ноги Сулейману.

— Ты, Сулейман ибн-Исам, Лев пустыни, славящийся мудростью, выслушай меня. Я, ничтожество, проникну ночью в крепость и, если будет на то воля Аллаха, открою ворота или спущу с крепостных стен веревки, чтобы воины, которым ты прикажешь, смогли по ним подняться в крепость.

Сулейман подумал, что простая заноза может вызвать смертельную болезнь. Пусть же Юсеф — эта грязь-

чая заноза — проникнет в Анакопийскую крепость. Может быть, что-нибудь и получится из этого? В конце концов, Юсеф имеет право на смерть, достойную мусульманина.

— Иди и попытайся еще раз, — разрешил Сулейман. Юсеф ушел. До самого рассвета назначенные люди ждали от него условного сигнала. А утром, во время намаза, все увидели, как с крепостной стены сбросили злополучного начальника кельбитов. Все заметили, что он жив, но так и остался лежать у подножья стены. Видно, и впрямь его не принимали земля и небо.

ЗАВЕЩАНИЕ ПОТОМКАМ

...И дали они друг другу клятву твердую в том, что не будет вражды между ними...

«Картлис цховреба»

1

После короткого отдыха Гурандухт выглядела свежей и блистала красотой. Сказано — молодость! Будто не было позади страшного боя и бегства сквозь грозовую ночь. Хибла отнеслась к ней как к родной сестре. Женщины быстро сблизились. Гурандухт попросила Хиблу показать ей Анакопию. Они поднялись на стену цитадели. Дочь Мириана с состраданием смотрела на анакопийцев, покидающих свой город. Она и здесь не чувствовала себя в полной безопасности.

— Живой не дамся. — Она показала Хибле маленький кинжал. — Но я осквернила его. Когда мы прорывались сквозь окружение, один саркиноз вцепился в меня и я... — Гурандухт вздрогнула от пережитого ужаса. — Осторожно, отравлен, — предостерегла она.

— Знаю, у меня тоже был такой кинжал. Я его не ношу с той поры, как позволила моему повелителю впервые войти ко мне.

Хибла лукаво взглянула на девушку; она старалась отвлечь гостью от горьких дум. Та грустно улыбнулась.

— Дай бог, чтобы и мне он не понадобился.

К вечеру Гурандухт стала беспокойной. Хибла думала, что ее тревожит приближенне мусульманского войска, но после неудачной погони арабов за Апста зыхьчо она поняла: причина в другом. Завидев их дозор, гнавшийся за апсилами, Гурандухт впала в отчаяние; когда же Апста зыхьчо с сыновьями благополучно проскочил в крепость, она разочарованию воскликнула:

— Ах, это не он!

Хибла смекнула: не Леона ли девушка ждет?

— Мусульмане уже пришли. Теперь архонт если да-
же и вернется из Собгиси, не сможет проникнуть в Ана-
копию, — сказала она, чтобы проверить свою догадку.

От лица Гурандухт отлила кровь.

— Горы укроют архонта лучше крепостных стен, —
добавила Хибла, радуясь своей догадливости.

— В такое время эристав не должен покидать свой
народ.

Гурандухт хотелось говорить о Леоне, Хибла это за-
метила, но самолюбиво возразила:

— Здесь мой повелитель с войнами. — Она с вызо-
вом посмотрела на Гурандухт: поняла ли та, что речь
идет о ее муже Федоре? — Здесь правители. Картли —
твой отец и Арчил, с ними верные тадзрулы.

— Не будь кахетинского тадзреула Петре и его сы-
новей, погибла бы я, — проговорила Гурандухт. — Не-
счастный Шакро, он только что вернулся из тяжелого
хазарского плена... — Она вдруг вспомнила о том, что
перед ней дочь хазарского кагана, и растерянно замол-
чала. Та догадалась о причине ее замешательства и мяг-
ко сказала:

— Мы ведь только женщины.

— ...А вчера, защищая меня, доблестные кахетинцы
были сильно изранены. Я еще не навестила их, — пе-
чально договорила Гурандухт.

— Пойдем к ним, — предложила Хибла.

В это время показалось арабское войско. Женщины
с тревогой наблюдали, как оно растекалось, заливая все
пространство между крепостью и морем. Хибла возбуж-
денно заговорила по-хазарски, потом спохватилась и
снова перешла на греческий.

— Ненавижу их, проклятых! Мусульмане разруши-
ли нашу древнюю столицу Семендер; они и сейчас не
дают покоя моему народу. Говорят, что почитателей ис-
лама столько, сколько песчинок в их пустынях. Наши
воины косили их, как траву, но трава после покоса
растет еще гуще. С корнем их надо, с корнем...

Древняя загадочная Азия взглянула на Гурандухт
из желтых чуть раскосых глаз хазарки. В них вспыхну-
ла жестокость. «Такая ни перед чем не остановится», —
подумала Гурандухт с возникшим вдруг беспокойством.

— Уйдем, я не могу их видеть! — сказала Хибла.

Женщины отправились к раненым. Они вошли в ком-
нату, где лежали кахетинцы — Петре и его сын, в тот
момент, когда там хлопотала знахарка Шкуакуа.

— Ией, богатырь, скоро поправишься, — говорила
она, подавая Петре большой глиняный горшок с каким-
то варевом. Тот отталкивал ее руку.

Завидев женщин, Петре взмолился: — Скажите этой
колдунье, пусть принесет мне вина.

— Будешь противиться лечению, я буду думать, что
ты трус и хочешь отлежаться в цитадели, пока другие
на смерть бьются с врагом.

Когда Хибла перевела слова знахарки, у Петре вы-
катились глаза, а усы поползли вверх.

— Не будь ты старой ведьмой, показал бы я тебе...
Давай свое пойло, чертова невеста!

Петре попохал питье, с опакой взглянул на сына —
не смеется ли тот над ним, но Шакро лежал с закры-
тыми глазами, весь в поту и с нездоровым румянцем
на впалых щеках. Петре сделал глоток. Прохладное
питие пахло медом, мятой и еще какими-то душистыми
травками. Он выпил весь отвар и отер усы.

— Если твое пойло столь же полезно, сколь приятно,
я прошу тебе оскорбление, — сказал он одобрительно.
Гурандухт улыбнулась Петре и осторожно присела
у постели Шакро. Хибла осталась стоять. Больному
всего двадцать пять лет, но выглядит он стариком.
Плененный Шакро покорился своей судьбе, но не кагану;
он лишь молил бога послать ему смерть как избавление.
Однажды ночью к нему в яму спустились два закутан-
ных до самых глаз хазарина; они сняли с него оковы
и тайком вывели на поверхность. От свежего воздуха у
Шакро закружилась голова. Он едва держался в седле.
Они ехали по ночам, а днем отсыпались в оврагах, пря-
чась от хазарских разъездов. На границе Кахети ему
сказали: «Дальше твоя земля. Не попадись арабскому
дозору. Иди в Эгриси. Никому не говори о том, что
тебя освободили, а спросят, скажи: сам убежал». Так
и не знал Шакро, кому он обязан освобождением, а
если бы и узнал — не смог бы отблагодарить: Дадына
уже не было в живых, а Юкук-шад не нуждался в его
благодарности. Увидев состоянне Шакро, Хибла почув-
ствовала себя перед ним виноватой. Ведь это ее отец
томил его в подземелье.

— Он болен и потерял много крови, — сказала старуха. — Но его душа в моих руках; я не отдам ее духам гор.

Шакро открыл глаза; он вымученно улыбнулся Гурандухт, потом перевел взгляд на Хиблу. Долго всматривался в нее. Зыбкое сознание подсказывало ему: эти или такие же глаза он уже видел, но где? Когда? Вдруг лицо больного исказилось.

— Хазар!.. Хазар!.. — закричал он, вытянув руку в сторону Хиблы. Шакро заметался в бреду. Петре обеспокоенно смотрел на сына. Шкуакуа ворчливо проговорила:

— Его душа в огне. Не тревожьте больного! Уходите!

Женщины вышли, удрученные состоянием Шакро.

— Не обижайся, ты видишь: он очень болен, — сказала Гурандухт расстроенной Хибле.

Петре удивился: старуха царевен выгнала! Он почувствовал, как по всему его большому телу разлилось приятное тепло, а многочисленные раны перестали гореть огнем. «Старухино поило действует», — подумал он, засыпая впервые за много дней.

2

Утром, после намаза, арабы стали готовиться к штурму. Ночью по приказу Мервана ибн-Мухаммеда приволокли стенобитные машины. Громадные дубовые кряжи, окованные с одного конца медью, висели на козлах. Это были «бараньи лбы». Раскачивая их, осаждающие наносили ими сокрушительные удары по крепостным воротам, долбили стены. Но анакопийцы спокойно смотрели на грозные орудия разрушения. Подкатить их к воротам Анакопийской крепости было почти невозможно, а против толстых стен они были бессильны. Гораздо больше беспокойства вызывали сотни легких штурмовых лестниц. Арабы ползут по ним на стены в великом множестве. Сумеют ли осажденные от них отбиться?

От вражеского стана отделился воин и поскочил к крепости. Всадник был огромен: ноги великана почти доставали до земли, спина лошади прогибалась под его непомерной тяжестью. Такого страшилища в образе

человека анакопийцы еще не видели. Араб смело подъехал к крепости и стал выкрикивать что-то, потрясая под стать ему копьем. Мириан спросил, есть ли в Анакопии человек, хорошо знающий арабский язык. Такой человек нашелся; им оказался кузнец Камуг, который когда-то побывал в плену у арабов, познал их язык и тайны кузнечного дела. Камуг поднялся на крепостную стену.

— Эй, ты, носорог, с чем прислал тебя твой начальник? — спросил он араба.

— Сын шакала, ты неправильно назвал меня носорогом. — Я Абдуррахман-Слон.

— Ты обожравшаяся свинья, а язык у тебя длиннее слоновьего носа. Говори, что тебе приказано!

Араб разозлился.

— Ты, крыса, оскверняющая язык мусульман, слушай: Лев пустыни Сулейман ибн-Иссам, чей грозный рык повергает неверных в страх, повелевает: пусть правитель Абазгии Леон выдаст нам картлийских правителей, и мы уйдем, не тронув вас и вашего города. С абазгами мы не ведем войны. Если абазги воспротивятся требованию Льва пустыни, тогда от города не останется камня на камне. Лев пустыни дарует вам час для ответа.

Араб бросил презрительный взгляд на Юсефа, лежащего под стеной и вернулся к своим. Когда Камуг перевел слова посланца из вражеского стана, среди абазгов послышались гневные возгласы. Слыханное ли дело: враг осмелился предложить им вероломство! Федор вскопчил на помост и заговорил с возмущением:

— Абазги не для того укрепили Анакопию и приняли под защиту ее стен картлийцев, чтобы выдать их мусульманам. Своим постыдным предложением начальник мусульманского войска оскорбил нас. Мы не нарушим завета предков, повелевающего нам защищать в своем доме гостя, кто бы он ни был. Картлийцы же не просто гости — братья наши. Пусть мусульмане идут, мы готовы сразиться с ними.

Мириан растроганно обнял Федора.

— Мы никогда этого не забудем и потомкам накажем хранить твои слова как клятву на верность нашему союзу, — сказал он. — Картлийцы, вы слышали достойный ответ врагу наших братьев-абазгов! Нас мало,

по в каждом бьет сердце льва, и с нами наши братья-абазги. Сегодня на стенах Анакопии мы будем биться за нашу Картли. Кому из нас уготовано погибнуть, пусть погибнет со славой, кто останется жив, тому остается завет погибших — разжечь огонь в древнем очаге Картли и возродить нашу разоренную родину. Воины, будущее Картли в ваших руках!

— Ваша!

— Смерть врагам!

Католикос Табор призвал воинов:

— Братья во Христе, помолимся перед битвой.

Католикос и архиепископ анакопийский Епифан обходили строй коленопреклонных воинов. Перед ними два воина несли святыню абазгов — нерукотворную икону Богородицы. Табор окуривал воинов голубым дымом ладана из кадильницы, а Епифан кропил их святой водой. Они призывали Матерь божью к заступничеству перед Всевышним, дабы укрепил он дух христоробивого воинства своего на битву с поганями нехристями и не оставил их своей милостью. Поддавшись общему порыву, стал на колени и Богумил. Станный, еще никогда не испытанный восторг охватил его душу. Он с удивлением взглянул на Хрисулу; та истово молилась, призывая бога хранить ее любимого.

— Крестись, Золотой, крестись и верь в Христа — спасителя нашего, — шептала она.

Богумил неумело перекрестился. Христианская вера захватила славянина общей молитвой к богу, потому что нет у человека силы противостоять тому, что объединяет всех, а все в этот момент искали спасения в вере и потому верили. Что из того, что Богумил еще не был крещен? Он хотел верить и потому поверил во всемогущего бога христиан, в руках которого были не только победа или смерть защитников Анакопии, но и их загробная жизнь. А что же грозный бог Перун? О нем Богумил в эту минуту не думал. Языческий бог без сопротивления уступил душу Богумила христианскому богу.

Через час тот же всадник-великан вновь подскакал к крепости и прокричал:

— Хромой шакал, терпение Льва пустыни истощилось. Если абазги решили спасти свой город и свою жизнь, пусть выдают нам картлийских царей!

— Передай своему начальнику: абазги никогда не были и никогда не будут предателями, — ответил Камуг. — И еще скажи: мы, абазги, приглашаем его замесить в нашей отаре подошедшего от старости козла.

Я вырву твой грязный язык и отдам собакам, — пообещал араб. Слушай, ты, хромой шакал, если есть среди вас настоящий мужчина, пусть выходит на единоборство со мной.

Воины, смущенные вызовом, зашептались: очень уж вид у араба был грозен. А он продолжал издеваться над осажденными:

— Абазги, вы не воины, а окопцы; любого из вас я сделаю ладалью для ворон.

Зураб заскрежетал зубами:

— Я пойду сразиться с ним.

— Пойду я, — спокойно, но твердо возразил Богумил. Он поймал на себе встревоженный взгляд Хрисулы и отвернулся, боясь, что она при всех начнет отговаривать его от поединка. Но тут вышли Гуда и Ахра.

— Вы оба сильные и храбрые воины, оба достойны сразиться за Анакопию с этим слоноподобным чудовищем, — сказал Гуда. — Но враг оскверняет своим присутствием нашу землю, предлагая нам вероломство, оскорбляет наш народ. Древний закон гор повелевает, чтобы на оскорбление ответил абазг. На поединок пойду я.

Оспаривать доводы Гуды было трудно и, пожалуй, оскорбительно для абазгов. Богумил и Зураб это отлично понимали, сознавали они и то, что в Анакопии нет человека, который мог бы противостоять великану-арабу. Они и сами едва ли надеялись его одолеть, но готовы были сразиться с ним и погибнуть, дабы враги не говорили, что в Анакопии засели трусливые шакалы. Но тут решительно запротестовал Ахра. Он наотрез отказался уступить Гуде право сразиться с арабом. Спор решил жребий. Перехватывая рукой копые после Гуды, Ахра взялся за самый его конец. Зураб и Богумил с сомнением посмотрели друг на друга. Смутился и Гуда. Ахра — рослый и сильный воин; в борьбе среди абазгов ему не было равного, но одолеть великана Ахре, ясно, не удастся.

— Скажи агарянину: биться будем без оружия, — проговорил Ахра, отправляясь к воротам.

Камуг прокричал:

— Слушай, ты, помесь слона и носорога: сейчас против тебя выйдет мой младший сын. Он вызывает тебя биться голыми руками.

— Давай, хромой шакал, своего щенка. Сейчас ты увидишь, как я сверну ему шею.

Араб слез с лошади, сложил оружие и обнажился до пояса. Увидев Ахру, великан презрительно засмеялся.

— Неужели в Анакопии не нашлось настоящего мужчины? — Он поманил Ахру пальцем. — Иди, щенок, иди. Сейчас я для потехи оторву тебе уши, потом повыдергиваю руки и ноги, а под конец сверну голову.

Ахра тоже обнажился, и все увидели как он высок, строен и мускулист. Его сложение могло бы послужить Фидию* прекрасной моделью. Молодой абазг шел без страха, но чем ближе он подходил к арабу, тем казалось, становился меньше и слабее по сравнению с волосатым чудовищем. Ахра стал обходить великана по кругу, заставляя того топтаться и поворачиваться на месте, дабы не оказаться спиной к противнику. Оба войска с жадным интересом следили за поединком. Все понимали: сейчас решается извечный спор между грубой силой и ловкостью: кто кого? Арабское войско потешалось над нерешительностью Ахры, а картлийцы и абазги удрученно молчали. Мирян сердился:

— Зачем его выпустили? Зря погибнет молодец.

Однако пренебрежение к врагу, даже к самому ничтожному, еще никому не пошло на пользу. Могучие слоны и те проявляют осторожность: они, например, остерегаются мышей. Слон знает, маленькая мышь может забраться ему в ухо. Но араб, хотя и звался Слоном, был глуп и самоуверен. Ему надоело выжидательное кружение Ахры. С необыкновенной для его громадного тела быстротой он сделал бросок и схватил быдо Ахру за руку, но тот с еще большей быстротой вывернулся и отскочил. Великан взялся за бока и захохотал; пренебрежительно зашумело и арабское войско, но общий смех внезапно оборвался. Ахра метнулся к гиганту. Его сильное тело, собранное в комок, словно камень, выпущенный из пращи, ударило в колени араба. Послышались хруст костей и дикий вопль. Ахра вскочил, схватил тяжелое копье араба и с силой метнул его в поверженного врага. Это произошло столь быстро, что оба

войска застыли в изумлении. Гигант ревел, как недорезанный бык. Встать он не мог — у него оказались сломаны обе ноги, а в боку торчало его же собственное копье. Арабские воины растерянно смотрели на своего бесславно умирающего богатыря, а когда спохватились, Ахра был уже в крепости. Абазги и картлийцы с восторгом встретили победителя. Нежданная победа молодого абазга в поединке с арабом-великаном воодушевила осажденных; все увидели в этом доброе предзнаменование.

Ахра был бледен и тяжело дышал. Гуда обнял его; тот дернулся и заскрипел зубами:

— У меня сломано плечо, — сказал Ахра.

3

Разъяренное неудачей своего богатыря, арабское войско грозной лавиной двинулось на штурм Анакопии. Впереди бежали сотни воинов, неся на плечах лестницы; воздух зарябил тысячами стрел. Арабские лучники старались сбить защитников крепости со стен, но стрелы не долетали до них, в то время как абазгские лучники безотказно разили врагов сверху. Вот когда пригодилась быстрота, которой Гуда требовал от своих лучников! Сам он не торопился: выискивал начальников и одного за другим сбивал их с коней. Арабские начальники скоро заметили на крепостной стене высокого абазга с гигантским луком и поняли, что он охотится за ними. Презрев гордость, они спешились и смешались с воинами. Лишенное привычного управления своими командирами, арабское войско превратилось в бешеное стадо. Живая лавина приближалась с устрашающим ревом: «Аллах-иль-Аллах!» Начальникам ничего не оставалось, как подбадривать своих воинов обещаниями блаженства на небе тем, кто погибнет в бою за ислам.

— В рай, правоверные, в рай! — призывали они.

Но ревушие голоса воинов постепенно глохли. Привыкшие к седлу, они сейчас пешими, да еще поднимаясь в гору, быстро выдохлись, но продолжали двигаться. Вот уже полсотни шагов осталось им до крепости; штурмовые лестницы начали выдвигаться вперед.

Теперь и Гуда пускал свои длинные гудящие стрелы: от них не спасали ни щит, ни кольчуга. Ни одна абазгская стрела не пролетела мимо цели, да и трудно было промахнуться — арабы шли беспорядочной толпой. Пронзенные стрелами, штурмующие падали, другие подхватывали лестницы и, переступив через лежащих, шли дальше... Атакующие приблизились еще на три десятка шагов и тут остановились, не в силах пробиться сквозь шквал насмерть жалящих стрел, которые дождем струились на них со стен. Арабские же лучники, стиснутые толпой, были лишены возможности пустить в ход свое оружие. Осажденные не несли потерь. Хромоу кузнец подпрыгивал и кривлялся на степе, потрясая мечом; он злорадно выкрикивал: «Бараны, кто хочет в рай, подходите, абазги не скупятся на стрелы. Хватит на всех!..»

Мириан и Арчил хладнокровно смотрели со стены на бойщис. Федор же был возбужден; ноздри его тонкого хищного носа раздувались, глаза сверкали; он нетерпеливо хватался за рукоять меча, но, взглянув на Мириана, опускал руку. Два могучих воина — Богумил и Зураб — стояли рядом. Их отрядам еще не настала пора действовать. Богумил посматривал на северо-западную стену. Там воинам Тачата тоже пока нечего было делать — арабы штурмовали лишь южную стену. Мириан понимал, что этот первый стихийный натиск врага, вызванный внезапной вспышкой злобы из-за гибели их богатыря, только разведка боем. Располагая многотысячным войском, Сулейман мог позволить себе роскошь испытать стойкость осажденных. Настоящий штурм был еще впереди.

Осаждающие отхлынули, оставив перед крепостью сотни трупов и корчившихся в агонии воинов. Видимо, Сулейман понял, что Анакопию наскоком не возьмешь. В стане врага началось перестроение. Мириан, Арчил, Федор, Гуда и Зураб совещались на крепостной стене; они старались разгадать замысел Сулеймана. Скоро он стал Мириану ясен: штурмуя крепость на всем протяжении ее стен, Сулейман стремился растянуть и без того небольшие силы осажденных, сковать их непрерывными атаками, а основной удар нанести по воротам и главной башне с тем, чтобы ворваться в крепость и там использовать громадное численное преимущество.

Правда, анакопийцы могли еще укрыться в цитадели, но тогда они лишились бы скота, и стало быть, пищи. Это значило обречь себя на длительную осаду со всеми ее тяготами. Воды в потайном колодце хватило бы, пожалуй, на всех, но Мириан приказал никому не говорить об этом, дабы слабые духом не искали спасения в цитадели. Это на самый крайний случай.

Будем стоять насмерть, — сказал он своим воинам. На цитадель пусть никто не рассчитывает. Помните, враг, взяв крепость, не уйдет, пока мы все не погибнем в цитадели от голода и жажды. У нас нет другого выхода, как победить или умереть.

— Смерть или победа! — ответили воины.

Арабы снова пошли в наступление, но теперь их войско подчинялось твердой воле Сулеймана; оно действовало согласованно и решительно. Лучники были выделены в отдельные отряды; небо померкло от множества стрел, большинство которых летело в сторону ворот и главной башни; куда Сулейман нацелил основной удар. Богумил глубже надвинул шлем и прикрылся щитом; он обернулся и увидел Хрисулу. Стрела звякнула по ее золоченому шлему, оставив на нем вмятину. Он грубо толкнул ее в укрытие. Хрисула воскликнула: она испугалась не столько стрел, сколько потемневшего от гнева взгляда Богумила. Зураб с удивлением посмотрел на нее; он только сейчас заметил, что этот стройный воин в золоченых ромейских латах — женщина.

Арабы показывали, что они не зря называют себя покорителями Вселенной. Их тридцатипяти тысячное арабское войско всей громадой надвинулось на Анакопию. Осажденные были не в силах его остановить. Богумил несколько отступил от края стены, дабы не соблазнять арабских лучников; он выпростал свой большой меч. Гуда взял на себя защиту Богумила и Зураба; он встал за округлость башни и приготовил свой лук-великан. Его колчан снова был полон, груда стрел лежала у ног. Штурмующие полезли на стены; осажденные сквозь узкие бойницы разпили их с боков, на них лили горящую смолу, сбрасывали камни, но на смену убитым лезли все новые и новые.

Первые две штурмовые лестницы Зураб и Богумил столкнули вместе с нападающими, и это чуть не стоило им жизни: одна стрела разорвала Богумилу ухо, вторая

впиалась в плечо, но застряла в крепкой зарекиранской кольчуге, лишь поцарапав его наконечником. Зурабу стрела ободрала окулу. Первого араба, появившегося на стене, Зураб сбросил ударом ноги в живот, а следующему за ним отрубил голову. Богумил отметил про себя: «Силен картийский княжич». За Зурабом он, к своему удивлению, увидел косматого предводителя ватаги ремесленников. Янакис был без щита и кольчуги, но бился весьма храбро и искусно, успевая при этом управлять своим воинством. «Старик смерти ищет», — подумал Богумил. Рядом с Янакисом сражался его друг кузнец Камуг; несмотря на хромоту, он проворно орудовал мечом. Далее, на стене, бесновался какой-то маленький седой воин с обезображенным лицом; рядом с ним — двое молодых, тоже маленьких, но быстрых и вертких, как кошки. Богумил узнал в них апсиллов, которые вчера укрылись в крепости от погони. И еще успел заметить расширенные от страха за него глаза Хрисулы. Потом ему стало не до наблюдений. Против него были три штурмовые лестницы; арабы лезли по ним непрерывно, но стоило хоть одному из них появиться над стеной, как на него обрушивался тяжелый меч Богумила.

Мусульманские воины лезли с упорством одержимых, будто и в самом деле спешили в рай. Один из них высунулся из-за стены; он злобно сверкнул глазами на рыжебородого гиганта, но только поднял лук, как между глаз ему впиалась стрела с коршуновым оперением; другого лучника, метившего в Зураба, Гуда успел поразить в грудь. Он зорко охранял побратима и Зураба. Эти богатыри сейчас стояли двух десятков воинов; они бились с хладнокровной деловитостью, будто выполняли спешную работу, — крушили врагов мечами, сбивали ударами ног, сталживали со стены щитами.

Арабы атаковали крепость по всей ее южной стене, наседая плотной массой и непрерывно. Мириан вынужден был пустить в ход свой резерв. Закипел бой и на северо-западной стене. Мириан с тревогой поглядывал туда: не прорвутся ли там осаждающие. Если случится такое, то защитникам Анакопии будет отрезан путь к цитадели, и они окажутся под ударами с двух сторон. «Упаси бог от такого несчастья. Это верная гибель нам», — подумал Мириан. Что-то нахарар Тачат медлит.

Но вот Тачат подал знак обрушить на осаждающих лавину камней. Земля задрожала от катящихся с грохотом каменных глыб. После них перед стеной остались лишь изуродованные трупы. Сулейман угрюмо наблюдал за ходом сражения. Он понял: северо-западную стену ему не преодолеть, но приказал непрерывно штурмовать ее, дабы не позволить осажденным перебрасывать отсюда воинов к южной стене, где намечался успех. Здесь положение осажденных было отчаянным. Арабы теснили защитников Анакопии; они уже облепили главную башню и часть прилегающих к ней стен, вот-вот прорвутся и к воротам. Богумил бросил тревожный взгляд на Зураба, и тот понял его. Они стали пробиваться к башне, двигаясь прямо по стене и сметая с нее врагов; за ними кинулись ремесленники во главе с Янакисом. Но они не успели: с полсотни врагов уже было в тесном замкнутом дворе, отделяющим главные ворота от внутренних. Здесь между ними и воинами-абазгами, защищавшими вход, завязалась свалка. Богумил крикнул Зурабу:

— Не пускай их к воротам!

Он прыгнул в самую кучу арабов и завертел своим страшным мечом, круша врагов налево и направо. Вначале арабы попятнулись от рыжебородого гиганта, потом осмелели, стали наседать на него. Гуда бросил ставший ненужным в свалке лук и выхватил свой меч. Он прыгнул во двор на помощь побратиму и несколькими уцелевшими своим воинам, которым становилось невозможно отбиваться от атакующих врагов; их становилось все больше. Но вот Зураб и Янакис добрались до главной башни и преградили им путь, а на тех, которые уже были во дворе, сверху посыпались рыбаки, утлежог, скорняки, гончары. Ватага схватилась с врагами врукопашную; дрались чем ни попадя — железными полосами, топорами, дубинками; нехватку воинского умения восполняли лютой яростью. Здоровейный араб с ножом в зубах прыгнул Богумилу на спину; в то же время другой метнул в него копьё. Богумил пошатнулся, но устоял. Он успел отбить копьё, а враг на его спине вдруг обмяк и отвалился. Богумил оглянулся: за его спиной стояла Хрисула, она была страшна — без шлема, с растрепанными волосами и дико блуждающими глазами; оказывается, это она копьём, как дубиной, ударила араба по голове. Богумилу осталось только прикончить его. Не-

сколько врагов, еще находившихся во дворе, быстро перебили, и вовремя: Зураб, и в особенности Янакис, помогали в битве со множеством лезущих к главной башне врагов. Гуда и Богумил поспешили друзьям на помощь; подоспели и люди, присланные Тачатом, — он все же решился выделиться с полестии воинов. Осаждающие были сброшены со стены. Непосредственная угроза взятия противником ворот отступила, но бой продолжался с прежней силой.

Солнце поднялось к полудню и застряло в небе; оно превращало кровь в темные сгустки, выжимало из воинов последние капли пота, сушило губы; время, казалось, остановилось. Даже у таких могучих воинов, как Богумил, Гуда и Зураб, руки налились усталостью от тяжести мечей. Богумил все время подсознательно чувствовал, что Хрисула где-то рядом и следит за ним, готовая прийти ему на помощь. Напряжение боя стало ослабевать, а затем он и вовсе прекратился — арабы отошли. Что было тому причиной: усталость ли воинов, невиданное упорство осажденных или наступившее время полдневной молитвы, никто из анакопийцев не задумывался; все были рады передышке и повалились отдыхать, кто где стоял. Янакис опустил меч и пошатнулся; он весь был утыкан стрелами. Богумил и Зураб бережно подхватили его и снесли вниз. Сыновья Апста зыбчо, склонив головы, молча и как-будто ко всему равнодушные, стояли у тела своего убитого отца: Старый апсил, верный сподвижник Маринэ, умер, как воин. Рядом с ним лежал Камуг; он так и не выпустил из рук меча. Янакис открыл глаза и увидел мертвого Камуга.

— Положите меня рядом с ним, — сказал он.

— Ты ведь только ранен, — возразил Богумил.

Старый рыбак покачал головой.

— Больше всего я боялся утонуть. — Он слабо улыбнулся. — Я кончил свою жизнь так, как хотел.

Янакис обвел взглядом свою поредевшую ватагу.

— Кучкан! — позвал он одного из рыбаков, — все, что я знал, передал тебе. Ты будешь хорошим вожаком рыбаков... Не ходите в море при южном ветре... — Старик глубоко вздохнул и откинулся на спину. Кучкан закрыл ему глаза. Рыбаки склонили головы; Зураб, Богумил и Гуда сняли шлемы. Тачат принес на руках своего племянника и положил его рядом со всеми. Он тоже

снял шлем. Католикос Табор и архиепископ Елифан стали отпевать погибших. Абазги, картлийцы, апсилы, ромен и армяне лежали, словно братья. Они и были братьями; их породнила кровь, пролитая в общей борьбе за Анакопию.

Арабы больше в этот день не атаковали. Они тоже занялись погребением трупов своих воинов. Но на следующий день штурм возобновился; он протекал столь же ожесточенно, как и накануне, но анакопийцы отбились и, на этот раз. Отчаявшись взять город-крепость, Сулейман приказал сжечь его. Арабы стали лускать в Анакопию тысячи огненных стрел; небо было исполосовано их дымными следами, но в городе не оказалось пищи для огня. Возникшие местами небольшие пожары быстро погасили. Сулейман приказал прекратить атаки и перейти к планомерной осаде крепости; он надеялся взять ее защитников измором. Арабские дозоры день и ночь объезжали Анакопию, следя за тем, чтобы ни из нее, ни в нее не проникла даже птица. Но это была невыполнимая затея. С юга и северо-запада стены Анакопии были у них на виду, зато скрытые подходы к ней по ущелью реки Алсары, в особенности с севера, со стороны обрывов и дремучих лесов, заставили Сулеймана выставить здесь цепь сторожевых постов. Отправляясь на эти посты, арабские воины прощались с товарищами, потому что знали: не все вернутся живыми и невредимыми; те, кто возвращался, со страхом рассказывали, будто сами скалы, деревья, кустарники посылали в них убийственные стрелы. Абазгокне лучники, как лесные духи, были невидимы и неуловимы.

Отряды арабов шныряли по окрестностям в поисках абазгов и продовольствия. Но поселения были безлюдны и пусты. Абазги ничего не оставили врагу и сами как сквозь землю провалились. Пришельцы уходили ни с чем. Но однажды один из отрядов кельбитов, которым командовал Зеид — преемник злосчастного Юсефа, наткнулся на нетронутую пасеку. Воины выкурили из дуплянок пчел и взяли много меда. Они сложили его в козьи мехи и ушли. Едва скрылся последний араб, как

из кустов выползли два абазга. Это были старые друзья и вечные спорщики — Пшкач и длинноносый Мкан. Поведение их было странным. Вместо того, чтобы горевать по поводу разгромленных дуплянок и проклинать врагов, старики, похоже, были довольны.

— Мы не зря потрудились, Пшкач? У меня до сих пор кости болят. Сколько мы перетаскали этих дуплянок со всех пасек!

— Ты скрипишь, как старое дерево, — ворчливо сказал Пшкач. — Ради такого угощения мусульманам разве не стоило потревожить наши старые кости?

— Ты прав, мудрый Пшкач. Долго они будут помнить наше угощение.

Старики беззвучно рассмеялись и, как ящерицы, шмыгнули в кусты.

Арабы вернулись в лагерь, по-братски поделились своей добычей с другими воинами. Кельбиты разламывали соты и ели с лепешками пахучий золотистый мед, ели и благодарили Аллаха за счастливую находку. Самые полные соты Зеид отобрал и понес Сулейману. Пусть и он отведаст знаменитого абазгского меда.

— Лев пустыни, мои воины принесли много меда, — раболепно кланяясь, сказал Зеид, держа серебряный поднос с отборными сотами.

Левая бровь Сулеймана поползла вверх.

— Ты хочешь усладить мои уста медом, чтобы я забыл спросить тебя о том, за чем посылал? — холодно проговорил он. — Где скот, где пленные?

— Мы не нашли скота, но мы его найдем, Лев пустыни, — ответил Зеид и покачнулся. Странное ощущение овладело им. Голова у него закружилась и его стало клонить к земле; поднос в руках Зеида заколебался, язык начал заплетаться: — Прикажи, Лев пустыни, ты только прикажи... Я пригоню тебе стадо абазгов...

— Что?! — Сулейман вкочил. — Ты пьян! Как ты смел осквернить уста богопротивным напитком! — закричал он на ошалевшего Зеида. — Ты забыл, что сказано в коране: «Капля вина принесет тебе вред!»

Сулейман хлопнул в ладоши. Два громадных телохранителя предстали перед ним, готовые обрушить его гнев на преемника Юсефа. Зеид выронил поднос. Видит Аллах, он и капли вина не брал в рот, но земля и небо вертелись у него перед глазами как сумасшедшие; а его

желудок вот-вот вывернется наизнанку. Сулейман с отвращением смотрел на него. Суровый старый воин и ярый мусульманин готов был простить Зеиду безуспешные поиски скота, в котором нуждалось его голодное войско, но то, что тот упился до скотского состояния, привело его в бешенство. Он отдал было приказ исполосовать спину Зеида плетью из кожи носорога, но тут к нему подбежал старый хаким Гусейн. Он молитвенно сложил руки и торопливо заговорил:

— Я, ничтожество перед твоей тенью, прошу, выслушай меня.

Сулейман знал, что Зеид земляк его лекаря и думал, тот станет просить за него. Он ценил Гусейна за искусное врачевание, но не любил отменять свои решения.

— Разреши мне посмотреть Зеида.

Не ожидая согласия Сулеймана, хаким откинул за волосы голову Зеида; он увидел посеревшее лицо в холодном поту и неподвижные расширившиеся зрачки.

— Что ты ел, несчастный? — спросил врач.

Зеид что-то бессмысленно бормотал, икал и держался за живот. Внезапно его вырвало. Сулейман и телохранители брезгливо отпрянули, хаким же невозмутимо стал рассматривать содержимое желудка Зеида.

— Нет, мусульманин не осквернил себя вином, — уверенно сказал он и задумался. Взгляд его остановился на валявшихся в пыли сотах.

— Мед!.. Ты ел мед? — спросил он.

Зеид промычал что-то и пополз от палатки Сулеймана в сторону, но не успел скрыть своего позора — его пронесло, что называется, во все дырки.

— Скорей в лагерь кельбитов! Это воины Зеида принесли мед, — воскликнул врач.

Но Сулейман и Гусейн опоздали. Все, кто ел мед, — а таких было много, — находились не в лучшем состоянии, чем их начальник. Многотысячное войско охватила паника; воины думали, что в их стане появилась черная смерть, как они называли чуму.

— Они умрут? — с тревогой спросил Сулейман.

— Аллах милостив, от дурного меда не умирают, — ответил врач.

Это несколько успокоило людей. Старый хаким сокрушался:

— Какой же я верблюд! — он бил себя ладонями по голове. — У абазгов есть дурной мед. Они его нарочно оставили в ульях. Как я забыл об этом! О Аллах, за что ты наказал меня беспамятством! Еще войны Ксенофонта испытали на себе коварство дурного меда; половина его войска была одурманена им... Проклятые абазги, это они подсунули воинам Зеида дурной мед!..

— Когда находишься на земле врагов, о таких вещах не забывают, — строго сказал Сулейман. — Не будь ты моим хакимом, я бы приказал освежить твою память сотней плетей.

Но Гусейн знал: Сулейман этого не сделает. Старый военачальник часто болел и пуждался в нем, и потому лекарь был с ним смел, насколько это позволяло чувство меры, которое, впрочем, ему никогда не изменяло.

— Прикажи воинам выбросить этот мед, а впредь сначала давать его пробовать пленным, — распорядился Гусейн.

Пронсшествие с медом не прошло бесследно для кельбитов — после этого случая они были предметом насмешек, а сам Зеид получил не столь смешное, сколь обидное прозвище. Он поклялся Аллахом и собственной бородой отомстить абазгам за позор. Дни и ночи его отряд шастал по горам в поисках абазгов, а те были всюду и нигде. То и дело они напоминали о себе меткой стрелой, прилетевшей из глубины сумрачного леса, и тогда в отряде недосчитывались воина. Но Зеид был упрям и смел, к тому же руководимый жаждой мщения, углублялся все дальше в горы. Однажды его люди наткнулись на временное жилище абазгов; в нем еще горел очаг, пеклись просяные лепешки. Зеид приказал кельбитам:

— Ищите, они не успели уйти далеко.

Кельбиты бросились на поиски абазгов и скоро нашли одну семью, забившуюся в тесное ущелье. Но захватить ее не удалось. На арабов внезапно обрушились со скал страховидные воины; они были смелы и необыкновенно свирепы. Арабы отступили, бросив убитых и раненых; последних лесные дьяволы беспощадно перебили. Один из спасенных — старый сгорбленный абазг — стал благодарить вожака освободителей.

— Ты спас мою семью, Абгахша. Мы до конца жизни твои должники.

— Идите в наше урочище Амзара, там много ваших, — буркнул старый нелюдимый воин и отвернулся, равнодушный к благодарности.

Арабы охотились за абазгами, а абазги и мисимипянии Абгахша с сородичами и несколькими своими друзьями-аланами охотились за арабами; это они, как волки, всюду следовали по пятам за отрядом Зеида и урывали от него мелкие группы и оставшихся воинов. Но все же Зеид в этот день нашел в горах стадо коз и пригнал его в лагерь. Передохнув день-два, отряд Зеида снова отправлялся в рейд по горам Апсиллии и Абазгии. В один из таких походов довольно многочисленная группа воинов из его отряда попала в засаду, которую им устроил Евстафий. В этой скоротечной жестокой битве апсилы дали выход накопившейся в них ненависти к давнишним своим врагам. Как ни спешил Зеид на помощь своим попавшим в беду кельбитам, он опоздал. Страшное зрелище представилось ему: полторы сотни его соплеменников были буквально растерзаны. Будто не мечи и копья, а звериные клыки разрывали их тела. Не было ни одного раненого — все мертвы. Рассвирепевший Зеид бросился в погоню за апсилами. Те укрылись в крепости Тсахар. Это было роковой ошибкой Евстафия. Крепость только звалась железной и жила своей старой славой. Кое-как восстановленная после разрушений арабами и Львом Исавром, она уже не представляла собой неприступной твердыни. Зеид осадил крепость и послал за подмогой. Штурмующие ворвались в крепость. Апсилы отчаянно защищались, но силы были слишком неравны. Зеид заметил среди апсиров, бородатого воина в богатой одежде и приказал во что бы то ни стало взять его живым. На знатного воина набросили аркан и стащили с крыльца маленького дворца, который он мужественно защищал. Полузадушенного и связанного по рукам и ногам его приволокли к Зеиду.

— Кто ты? — спросил тот по-гречески.

Пленный смерил Зеида презрительным взглядом и отвернулся. Но его нечаянно выдал один из умирающих апсиров.

— Евстафий, сохрани себя во имя Апсиллии и отомсти за нас, — проговорил он.

Слово Апсилля Зеиду было известно, а имя Евста-

фий, произнесенное рядом с ним, заставило его насто-
рожиться. Так, кажется, зовут правителя этой страны.
Зеид обрадовался: Аллах вознаградил его за перенесен-
ный позор! За этого пленного Лев пустыни Сулейман
ибн-Исам даст ему большую награду.

5

Ночи Федор проводил в помещении, под которым
находился колодец с тайным ходом. В нем никто не
жил, хотя в дни осады цитадель была переполнена.
Хибла намеревалась занять его — она не хотела стес-
нять ни себя, ни Гурандухт, с которой разделила свою
комнату, но Федор решительно воспротивился ее наме-
рению. Она догадалась: с этим помещением связана ка-
кая-то тайна; то, что ее муж проводит в нем ночи, лишь
укрепило ее в этом мнении. Она часто бывала здесь.
И однажды заметила, что муж иногда к чему-то при-
слушивается, при этом нетерпеливо посматривая на нее
и желая, видимо, чтобы она ушла. Хибла не была бы
женщиной, если бы ее не терзало любопытство. В эту
ночь она засиделась у него допоздна. Федор подсчиты-
вал запасы продовольствия. Хибла заметила его недо-
вольно поджатые губы, отчего нос Федора с характер-
ной горбинкой еще больше навис над подбородком. Она
не слышно, по-кошачьи, подошла сзади и обняла его.

— Что тебя тревожит, мой повелитель?

Федор досадливо бросил свинцовую палочку, кото-
рой вел запись.

— Приезд правителя Картли с воинами спутал на-
ши расчеты на запасы продовольствия, — сказал он. —
Если не сократить выдачу мяса и зерна, то через две
недели гарнизон начнет голодать; если же сократить, —
воины ослабнут, и тогда мы не сможем отбиться от вра-
гов в случае нового штурма...

В этот миг Федор уловил в подземелье шорох.

— Ты оставила царевну Гурандухт одну, это неучти-
во, пойди к ней, — требовательно сказал он.

Но у дочери хазарских степей слух не хуже. Она
тоже уловила какое-то движение под полом, а потом —
явственные шаги. «Кто-то ходит под нами. Не женщина
ли? Не затем ли муж отсылает меня, чтобы встретиться
с ней?» Хиблу охватила ревность. Злой желтый огонек

блеснул в ее глазах. Федор догадался: она тоже слыша-
ла шум в подземелье, и понял, что происходит в душе
жены, и несколько мягче сказал:

— Иди, потом все узнаешь.

Хибла недоверчиво взглянула на него и вышла. Но
разве женщина может не подслушивать, когда дело ка-
сается ее мужа? Она приникла ухом к стене. До нее
донесся разговор двух мужчин: один голос принадлежал
ее мужу, второй — она сначала даже не поверила се-
бе — Леону. Хибла торжествующе улыбнулась. Значит,
из цитадели есть тайный выход! Это полезно знать —
когда-нибудь пригодится. Она отошла успокоенная.

Гурандухт была уже в постели, когда вошла Хибла.
Женщины еще некоторое время посплетничали по пово-
ду Хрисулы и Богумила, романтическая история кото-
рых стала достоянием всей Анакопии. Хибла осуждала
Хрисулу за поведение, недостойное, по ее мнению, по-
рядочной женщины. Гурандухт же, лучше воспитанная,
защищала гречанку и ее право на любовь, о которой
втайне мечтает каждая женщина.

— Я ее видела, она красива, а ее смелость меня вос-
хищает, — говорила Гурандухт. — Не знаю, смогла бы
я так же, как она, сражаться рядом со своим любимым
и охранять его в бою.

Хибла внимательно посмотрела на Гурандухт. Она
вспомнила, как царевна пырнула араба отравленным
кинжалом, и тут же спросила себя: «А я смогла бы?»
Она любила Федора по-своему — дико и необузданно,
и ни с кем не смогла бы его делить, но сражаться с
врагом рядом с ним? Нет, не женское это дело. Ее де-
ло — родить ему наследника, которому ее бабка Пар-
сбит пророчит большое будущее. Хибла пожалала плеча-
ми, давая понять Гурандухт, что та ее не убедила.
Вслух же, как бы между прочим, заметила:

— Пора бы архонту Леону вернуться.

Она увидела устремленный на нее взгляд глубоких,
как утренний рассвет, глаз Гурандухт и догадалась, что
та думала о нем.

— Но как он проникнет в крепость?

— Захочет, по воздуху прилетит, под землей прой-
дет, — сказала Хибла и дунула на свою свечу.

— Захочет ли? — задумчиво проговорила Гурандухт.
Она закинула за голову красивые белые руки. Не-

ровный свет оплывающей свечи четко выделял из сумрака ее строгий профиль и девичью грудь. Да, она думала о Леоне. Хибла проболталась ей о гибели его невесты. Теперь Гурандухт стала понятной сдержанность Леона в первую их встречу в Цихе-Годжи — тогда он любил свою Амзу. Сначала ей была нестерпима мысль о том, что ей, картлийской царевне, он предпочел какую-то абазжку простого рода, но потом поняла: это любовь. А может ли знатность рода заманить пламень настоящей любви? Счастливы ли царицы?..

Хибла смотрела на Гурандухт из темноты: «Красивая у правителя Картли дочь. Если он отдаст ее Леону, тогда осуществление замысла бабки Парсбит станет затруднительным». Об этом замысле Хибла боялась даже думать. Не ее это дело. Оно поручено врачу Шан-Биби. Сама она ничего не имеет против союза Леона с Гурандухт, но она должна заботиться о будущем своего сына. Никто не должен стоять на его пути... «Боги, дайте мне сына!.. — Сына!» — молила она.

Гурандухт тоже потушила свою свечу. Хибла услышала ее тяжкий вздох. Ей стало жаль царевну.

6

Леон встретился с аланским правителем Бакатаром у перевала в небольшой крепости Собгиси, издавна стоявшей на страже мисимийского пути. Бакатар уже немолод, но, как истинный сын гор, он в талии узок, в плечах широк, поступь его легка; шрам, рассекающий левую половину лица от высокого лба через бровь до подбородка, скрытого густой полуседой бородой, и великолепное оружие выдавали в нем бывалого воина. Леон сказал ему как старшему подобающие тому знаки внимания и уважения, чем расположил к себе гордого правителя воинственных аланов. Встреча была короткой. Негоже заставлять старшего спрашивать у младшего, зачем он зван в Собгиси. Не затем же он проделал трехдневный путь, чтобы полюбоваться на молодого правителя соседней Абазгии. Леон заметил в темных глазах Бакатара нетерпение и настороженность. Дабы не дать повода для ссоры, он решил не упоминать о давнишнем походе аланов на Абазгию и

тех мелких стычках, которые время от времени возникали между абазгами и аланами из-за скота и горных пастбищ. Много ли надо, чтобы легко вспыхивающие аланы, сопровождающие своего владыку, схватились за рукояти мечей? Они и так с сумрачной завистью поглядывают на отменное оружие спутников Леона. Горючего материала с той и другой стороны накопилось много — маленькая искра, и зазвонят мечи. Леон начал осторожно, издалека:

— Господь бог поселил наши народы по обе стороны гор Кавказских, наделил землей и наказал добывать хлеб насущный в поте лица своего, — говорил он. — Абазги и аланы издревле жили в мире, а когда враги приходили в наши горы, то и помогали друг другу мечами. Мы чтим память твоего славного пращура царя Сароз и его воинов, которые более чем полтора века назад вместе с абазгами, картлийцами и армянами сражались против персов за нашу общую родину. Теперь нашим народам снова грозит враг — агаряне. Они уже разоряют Картли, не минуя и нас! Кланяются тебе правители Картли Мириан и его брат Арчил, а с ними и я, — Леон отвесил Бакатару поклоном: — Помоги своими войнами отстоять Анакопию.

Бакатар учтиво принял поклон, но с ответом не торопился. Он оценил сдержанность молодого абазгского архонта, но понимал, что абазги не забыли о том, не принесшем его народу славы, походе на Абазгию, ибо по законам гор пролитая кровь вызывает о мщении.

— Известно мне, твой народ не простил нам кровь абазгов, но и мой народ помнит, что абазги в отместку показали воинам Джахара дорогу через горы в нашу страну. Агаряне тогда много крови аланской пролили. — Бакатар осуждающе покачал головой. — Пусть же за эту кровь аланов и абазгов, напрасно пролитую, ответ держат перед Всевышним наши отцы. Нам же с тобой делить нечего: у меня своя земля, у тебя — своя. Забудем ссору наших отцов, и все, что до этого между нами плохое было, тоже предадим забвению. Будем жить в мире, как допрежь нас предки наши жили. Ты молод, но в твоих словах — мудрость убеленного сединами воина и правителя. Одно скажу: ни мне, ни тебе агарянский полководец не сказал, какой путь он избрал. Попрешим так; если агаряне с севера придут в нашу стра-

ну, мой народ укроется в Абазгии, а если мусульмане вторгнутся в твою страну, то пусть абазги идут к нам. В том и другом случае нам с тобой стоять на перевалах, и либо мы повернем врага вспять, либо погибнем со славой. Я своим скажу, а ты — своим, чтобы не чинили зла друг другу, а кто нарушит этот паш уговор, того не щадить.

Ответ Бакатара означал отказ дать своих воинов для усиления гарнизона Анакопии, но этот отказ был одобрен мирными заверениями и обещаниями помощи друг другу в защите персвалов. Леону ничего не оставалось, как согласиться на условия Бакатара.

— Если агаряне придут, Анакопию будешь оборонять? — спросил Бакатар, осматривая отлично вооруженных и вымуштрованных спутников Леона.

— Если агаряне войдут в Анакопию, то только по нашим костям, — непримиримо оказал Леон.

Бакатар приказал троим своим воинам идти с Леоном и быть при нем гонцами для связи с ним. Расстались они дружелюбно.

Обо всем этом по возвращению из Собгиси Леон рассказал Мириану и Арчилу.

— И то хорошо: теперь нам не придется озираться в сторону гор: не идут ли аланы? — закончил он свой отчет о поездке. Потом со вздохом сказал: — Совестно мне — не было меня с вами в тяжкие дни.

— Еще успеешь сразиться с арабами, — проговорил Мириан; он понимал, о чем сожалеет молодой эристав.

Узнав от Федора о быстро тающих запасах продовольствия, Леон задумался. Шла вторая неделя осады. Долго ли арабы будут торчать здесь? По-видимому, никакая сила не заставит их снять осаду после понесенных жестоких потерь. То, что Сулейман решил взять Анакопию измором, у Мириана не вызывало сомнения. Попыток к штурму он больше не предпринимал, но и осаду не снимал. Значит, ждет, когда сами сдадутся. «Надо уверить арабов, будто Анакопия может держаться хоть целый год», — подумал Леон.

Появление Леона в Анакопии было необъяснимым. Мириан и Арчил, конечно, догадались, что он проник в крепость по тайному ходу, который, видимо, здесь имелся, но среди простых воинов ходили слухи, будто их правитель ночью прилетел на орле. Один воин даже

клятвою уверял, что видел это собственными глазами.

Леон уже знал обо всех событиях, происшедших в Анакопии за время его отсутствия, о них ему рассказал Федор еще ночью.

Мириан и Леон обходили крепость. Увидев Ахру, Мириан подошел к нему. Плечо молодого воина было стянуто тугой повязкой, которую искусно наложила старая Шкуакуа.

— Я еще не отблагодарил тебя, — сказал Мириан, бережно обнимая героя и сняв с себя перевязь с великолепным клинком, протянул его Ахре. — Пусть эта сабля прославит твой род так же, как ты прославил Абазгию.

Поблудневший от волнения Ахра благоговейно, как самую высшую награду, какой может удостоиться воин, принял подарок картлийского правителя; он немного вытянул клинок из ножен и поцеловал его.

Оставшись наедине с Мирианом, Леон сказал:

— Продовольствия у нас осталось мало. Из крепости есть выход. Хочу послать людей, пусть наловят рыбы и доставят живой. Покажем ее саркинозам. Пусть думают, что осада нам не страшна. Может быть, уйдут.

Мириан с сомнением покачал головой.

— Сулейман под стенами Анакопии потерял много воинов. Вряд ли он откажется снова штурмовать ее. Но почему не попробовать обмануть их. Действуй, эристав.

Леон подождал Федора и сказал ему:

— Сегодня же ночью выйдешь из крепости и найдешь в урочище Трех дубов воинов, которых я там оставил. Наловите рыбы в Апсаре и доставь в крепость живой. Именно живой. Возьмешь с собой в крепость двух-трех человек, чтобы помогли нести.

Федор вскинул на Мириана, потом на брата недоуменный взгляд, но послушно ответил:

— Будет исполнено.

Леон знал, что Гурандухт в крепости, он боялся встречи с ней и в то же время хотел ее видеть. В нем еще не утихла боль потери Амзы. Но время лечит сердечные раны, а сердце у эристава к тому же молодое. О многом говорило ему то, что Гурандухт, хотя и могла уйти с другими домочадцами в Сванетию, пришла в Анакопию, презрев опасность быть убитой или, что еще страшнее, оказаться в гареме какого-нибудь арабского

военачальника. Они встретились на башне цитадели, куда Леон поднялся на заходе солнца. Гурандухт была с Хиблой. При его появлении картлийская царевна побледнела. Она уже видела его издали, когда он с ее отцом обходил войнов, но не посмела подойти. Жеиским чутьем она поняла, что ей не следует тревожить душу человека, потерявшего любимую девушку. Но он, наверно, услышал тайный зов ее сердца и пришел. Леон учтиво склонился перед ней, она ответила сдержанным поклоном. Потом он дружески поздоровался с невесткой.

— Красивая твоя Абазгия, эристав Леон, — сказала Гурандухт.

— Это и плохо, — ответил он. — Слишком многим врагам слепят глаза ее красота и богатство: Вот и эти пришли... — Леон показал на вражеский стан. — Сколько крови мы пролили, защищая Абазгию, и сколько еще придется пролить, один бог знает.

Леон избегал взгляда ясных глаз Гурандухт — знал их притягательную силу, но когда все же взглянул в них, понял: не прежняя лукавая и кокетливая девушка, какой он помнил ее по Цихе-Годжи, а много выстрадавшая женщина смотрит на него с печальной задумчивостью. Хибла была разочарована; не такой представляла она себе их встречу — ни улыбки, ни призывного взгляда. В это время она увидела Хрисулу, возмущаются у очага. Хибла, может быть, и не обратила бы на нее внимания, если бы рядом с ней не сидел Богумил в ожидании ужина, а этого рыжебородого гиганта не трудно было узнать издали. Хибла фыркнула:

— Совсем потеряла стыд ромейка.

Для Леона не были тайной отношения Богумила и Хрисулы.

— Этот рыжебородый славянин заслуживает любви и не такой женщины, как Хрисула, хотя о ней я ничего плохого не скажу; ее муж груб и жаден. Я ее не осуждаю, — сказал Леон.

Его удивил радостный свет, брызнувший из глаз Гурандухт; он не понял его значения, так как не знал, что своим ответом нанес Хибле поражение в ее ночном споре с Гурандухт. Хибла капризно надулась и заспешила вниз. Гурандухт ничего не оставалось, как последовать за ней, хотя уходить ей очень не хотелось.

Отяжелевшее багровое солнце сползло к морю и будто пролилось в него; арабы творили вечерний намаз; в их стане и в крепости горели костры. В эту минуту торжественной тишины, разлитой в уходящей ко сну природе, Леон со всей остротой почувствовал, что жизнь продолжается; продолжается, несмотря ни на войны, с которых смерть снимает обильную жатву. Горе и радости, преданность друзей и коварство врагов — все это преходяще: Одна жизнь вечна, и в этом ее смысл: «А для чего я живу? Для того лишь, чтобы прожить, сколько мне предпослано богом, и уйти в небытие, как ушли даже самые великие сыны земли, достойные бессмертия?» «В одном ты можешь не щадить себя — в заботах о родной стране». Кто это сказал? Леон вспомнил Деметрия. Это сказал его учитель, старый писец, весь смысл жизни которого заключался в том, чтобы возрастить в его душе верность родине.

— Отец, я верен своей клятве, — тихо проговорил Леон, провожая взглядом последний отблеск солнца. — Пройдут века, не будет нас, но Анакопия останется, останется абазгский народ. Может быть, он когда-нибудь с благодарностью вспомнит всех нас, стоящих сегодня на стенах Анакопии.

7

Зенд не ошибся: Сулейман щедро наградил его за знатного пленника. Но, к его удивлению, Лев пустыни тут же приказал:

— Развяжите его. Не пристало арабским войнам унижать достоинство правителей. Он хотя и побежденный, но правитель Аписии. Дайте ему воды.

Когда Евстафий привел себя в порядок и напился, Сулейман любезно усадил его напротив себя. Он некоторое время внимательно разглядывал пленника, отмечая про себя его благородный и мужественный вид. «Хотя и маленькой страны, а настоящий правитель», — подумал он. Но ему не нравилось то, что Евстафий не опускал перед ним пронзительных глаз, а губы его были плотно сжаты.

— Мои воины неучтиво обошлись с тобой, благородный правитель Аписии. Но ты сам виноват. Зачем

побил кельбитов? — с вкрадчивой мягкостью сказал Сулейман.

— А зачем твои воины пришли к нам?

Сулейман, конечно, не рассчитывал на то, что Евстафий будет просить прощения за нанесенный его войску урон, но и не ожидал от него дерзкого ответа. Однако он скрыл свое неудовольствие.

— Мусульманские воины, чтя заветы пророка Мухаммеда, — он молитвенно сложил руки у бороды, — утвердили священное знамя ислама во многих странах, склонили к праведной вере много народов. А ты и твой народ разве не хотите принять истинную веру?

— Не первый раз войны халифата приходят на нашу землю и не первый раз силой пытаются склонить нас к мусульманству, но ни раньше, ни теперь вы не заставите нас изменить нашей христианской вере, — спокойно ответил Евстафий. — Вы отнимите у нас землю, облаagate непосильными налогами. Ваша вера несет нам ярмо рабства. Мы, апсилы, не хотим быть рабами.

Да, дерзок пленный, ничего не скажешь. Но Сулейман мудр и терпелив. Сломать хребет этому непокорному правителю он всегда успеет. Как истый мусульманин, он должен насаждать ислам во всех завоеванных землях, а склонить этого высокогородного пленника к праведной вере — это значит побудить к тому же его народ. Сулейман решил сделать свой главный ход в тонкой игре, которую он затеял с Евстафием. Этот ход для многих неверных правителей покоренных стран был неотразимым.

— О преимуществах порядков и устройства государства блистательных омейядов и догматах истинной веры мусульман ты еще будешь иметь возможность узнать из беседы с муджтахидом и улемами, — сказал он. — Я же, волею наместника покорителя вселенной халифа Хишама на Кавказе, Грозы неверных Мервана ибн-Мухаммеда, говорю тебе: примешь мусульманство — мы отдадим Апсилию и Абазгию тебе, сыновьям твоим, внукам и правнукам в наследственное правление, а не примешь, сам обречешь себя на смерть.

Евстафий встал; не поклонившись, не поблагодарив за оказанную ему милость, он отвернулся от Сулеймана; тот недобро посмотрел ему в спину. Евстафий взглянул на Анакопию; она высилась перед ним все такая же

гордая и неприступная. Над главной башней ее развевалось алое знамя с изображением открытой ладони — символа открытой души и дружелюбия абазгов. Но эта рука умеет сжиматься в крепкий кулак и давать сдачи тем, кто приходит в Абазгию с недобрыми намерениями. Она уже дала отпор арабским завоевателям. Евстафий знал, что они безуспешно штурмовали твердыню абазгов. Развеваящееся знамя на башне говорило Евстафию о том, что его племянник Леон в крепости; когда его нет, знамя снимается. Выходит, он вернулся из Собгиси и каким-то образом проник в Анакопию. Значит, не из трусости покидал племянник Анакопию, как Евстафий сказал своим приближенным. Им овладели сложные и противоречивые чувства; ему было стыдно за напраслину, которую он по злобе и зависти возвел на Леона. Горько сознавать свое бессилие, и в то же время он испытывал гордость за братьев-абазгов; они устояли против несметного множества врагов, а раз устояли, значит, победили, ибо в войне победитель тот, кто выполнил свою боевую задачу. С щемящей болью в сердце смотрел Евстафий на развеваящееся знамя Леона. Ценой предательства ему предлагают остаться правителем Апсии. Нет, сын Маринэ, чья слава и сейчас еще не померкла, на это не пойдет. Евстафий обернулся к Сулейману; тот выжидательно смотрел на него.

— Ты предлагаешь мне то, чего сам еще не имеешь, — с издевкой сказал Евстафий и показал на Анакопию.

Старый военачальник запальчиво крикнул:

— Я возьму это воронье гнездо! — Потом более спокойно добавил: — Ты видишь: я терпелив. Этому нас учит Аллах. Я позволил тебе выбрать: либо ты примешь мусульманство и приобретешь славу на службе халифату, либо твоя голова будет торчать на том самом месте, на котором сейчас болтается эта тряпка.

В это время к Сулейману подскочил воин и прямо с коня бросился ему в ноги.

— Лев пустыни, осажденные вызывают на переговоры, — сообщил он. Глаза Сулеймана радостно блеснули. Он победно взглянул на Евстафия.

— Сейчас ты увидишь, как абазги выдают нам картлийских правителей и запросят мира. — Сулейман раз-

разился торжествующим смехом. — Леон абазгский оказался умнее тебя.

Евстафий побелел. Неужели племянник навеки опозорил себя. Это не ускользнуло от внимания Сулеймана; он снова рассмеялся, потом приказал вестнику:

— Пусть Али Махмуд отправится с тобой и выслушает кяфиров. — Он снова обернулся к Евстафию. — Но я накажу абазгов за непослушание моему первому совету, — сказал Сулейман. — Ты узнаешь, сколь велик бывает мой гнев на неверных.

Старый муджтахид в сопровождении воина поскакал к крепостной стене. Однако то, что он увидел, не было похоже на готовность абазгов одаться на милость Льва пустыни. Абазгские и картлийские воины сидели на стенах, свесив ноги, ели мясо, срезая его с вертелов, пили вино и весело переговаривались. На главной башне, рядом со знаменем, стояли Мириан, Арчил, Леон и Федор. Али Махмуд молча ждал. Недостойно мусульманскому воину первым вступать в разговоры с врагом, который просит мира. Со стены муджтахиду сказали:

— Ты невоспитанная дубина. Или, может быть, мусульмане не почитают учтивости перед высокородными?

Муджтахид нехотя поклонился, потом спросил:

— Зачем звали?

Он был озадачен. С крепости начали спускать целиком зажаренную тушу быка и большой наполненный мех.

— Ваши воины повсюду рыскают в поисках еды, — сказал с башни Леон. — Все ваше войско мы накормить не можем, но твоему начальнику, и его приближенным посылаем мясо и рыбу. Не бойтесь, то, что абазги посылают своим гостям, не отравлено, а вы хотя и непрошеные, но гости. Рыба даже живая.

Ошеломленные муджтахид и воин невольно подчинились приказу абазгского правителя — его они признали по величавому виду и богатому одеянию — и подошли к самой стене. Отлично зажаренный бык дразнил их голодные желудки аппетитным запахом. Воин запустил руку в мех, одна шустрая рыбина выпрыгнула и забилась на земле. Воин жадно схватил ее. Это была крупная пятнистая форель. Воин смотрел на нее как на чудо. Откуда она взялась на горе в крепости? Там ведь нет реки. Это было необъяснимо.

— Что же вы стоите! Несите наше угощение вашему начальнику, — повелительно сказал Леон.

Али Махмуд повернулся и поскакал к лагерю. Воин посмотрел на мясо голодным взглядом, но не посмел отхватить от него кусок; форель же не бросил. Не должно мусульманину удивляться творениям Аллаха, но когда Сулейман увидел форель, он открыл рот от изумления. Выслушав Али Махмуда, Сулейман пришел в ярость; за свою долгую жизнь и множество походов ему не приходилось испытывать подобного унижения. Особенно взбесил его смех пленного правителя Апсолии. Евстафий сразу понял значение подарка абазгов.

— Ты никогда не возьмешь Анакопию, — сказал он. — Абазги, как и апсилы, не были и не будут предателями.

— Ты, неверная собака, не хочешь принять истинную веру? — зашипел Сулейман.

— Никогда! — гордо ответил Евстафий.

— Выньте ему глаза. Пусть он не увидит своего Ису, — бросил Сулейман телохранителям.

Евстафия поволокли на муки, на смерть. Поостыв, Сулейман сказал своим приближенным:

— Проклятые кяфиры! Они показывают, будто у них большие запасы продовольствия. Они думают, что, узнав об этом, я сниму осаду. — Он зло рассмеялся. — Кяфиры меня не обманут. Раз они стараются убедить нас в том, что у них много мяса, значит, у них его нет. Но вид засыпающей форели, которую все еще держал в руках воин, смутил Сулеймана. Он был достаточно умен и опытен. Значит, из крепости есть выход и осажденные свободно пользуются им; они даже выходят на рыбную ловлю. Сулейман заскрежетал зубами. Снова штурмовать эту проклятую крепость — значит положить у ее стен несколько тысяч своих воинов и притом без твердой надежды взять ее, а уйти ни с чем означало навлечь на свою седую голову гнев наместника.

— Приказываю собрать все отряды. Через пять дней будем штурмовать Анакопию день и ночь, пока у кяфиров от усталости не выпадут мечи из рук.

На третий день, когда отряды стали стекаться в лагерь, к Сулейману пришел его врач Гусейн и замялся, не решаясь к нему обратиться. Тот заметил это.

— Милостью Аллаха, сегодня я здоров, — сказал Сулейман.

Хаким бросил нерешительный взгляд на присутствующих. Сулейман понял: врач хочет сообщить ему нечто такое, что не должно дойти до ушей других.

Сулейман махнул рукой.

— Разрешаю вам удалиться.

Все поспешили разойтись, полагая, что Гусейн будет лечить старые раны их начальника.

— Лев пустыни, умерло несколько воинов, — тихо сказал врачеватель.

— Умершие от ран, полученные в бою за веру, также попадут в рай, — спокойно ответил Сулейман.

— Но они умерли не от ран...

Гусейн явно боялся говорить. Сулейман нахмурился.

— А от чего? Надеюсь, на этот раз Аллах уберет воинов от дурного меда?

— Меда они больше не ели... Они умерли от желудочной болезни... Есть еще больные.

Сулейман вскипел.

— Лечи их! На то тебя и вразумил Аллах.

— Одного, двух десятков я могу вылечить, но если заболит половина, или, не приведи Аллах, все войско...

Сулейман медленно встал, до него дошел страшный смысл сообщения врачевателя. Он схватил его за грудь, и, притянув к себе, сказал:

— Если умрет еще хоть один воин, я прикажу повесить тебя вверх ногами. Собери своих помощников и лечи больных. Иди.

Сулейман не на шутку встревожился. Он понимал: врачеватель не стал бы беспокоить его по пустякам. Гусейн, боясь навлечь на себя его гнев, конечно, преуменьшил число умерших. Во время вечернего намаза Сулейман горячо молился, призывая Аллаха отвести от храброго мусульманского войска новую напасть, но молитва его не успокоила. Он лег спать в самом скверном расположении духа и всю ночь проворочался с боку на бок. Утром, едва рассвело, он вызвал Гусейна. Тот пришел усталый, с тенями под глазами, по всему было видно, что хаким не спал.

— Ну? — нетерпеливо бросил Сулейман.

— Лев пустыни, умерло еще несколько... и еще заболели... — пролепетал Гусейн, бледнея. Он не посмел

сказать, сколько воинов недосчиталось войско за эту ночь. Хаким боялся не за себя. Он уже твердо знал: войско постигла большая беда.

Сулейман похолодел, он догадывался, что означают эти «несколько» и «еще заболели». Лев пустыни не ринулся выйти к начальникам отрядов, которые собрались у его палатки, и понимал, что их громкие взволнованные слова явно предназначались для него.

— Беда пришла в наш лагерь...

— Аллах отвернулся от нас...

— У меня в эту ночь умерло двенадцать воинов...

— А в моем отряде — десять, многие больны.

— Это абазги наслали на нас порчу...

— Мы все здесь околеем...

— Уходить надо с этой проклятой земли...

— Уходить, пока не поздно...

Сулейман знал законы войны; он умел подавить панику, охватившую войско, и снова бросить его в бой, но здесь перед ним был враг невидимый, враг страшный и неумолимый. Против этого врага старый военачальник был бессилен. Он понял: войско ропщет, и если он не уведет его отсюда, оно само разбежится. Гордый Лев пустыни, непобедимый Сулейман ибн-Исам сдался невидимому врагу...

8

— Уходят!.. Агаряне уходят!..

Этот возглас дозорного заставил анакопийцев подняться на крепостные стены. С удивлением и радостью они увидели, что арабы свертывают свой лагерь.

— Спешат. Что у них случилось? — недоумевал Леон.

Более опытный в житейских и воинских делах Мириан с сомнением покачал головой.

— А не хотят ли саркинозы выманить нас из крепости? Не скрывается ли где-нибудь поблизости часть их войска? Прикажи своим, эристав Леон, пусть осмотрят окрестности и проследят, куда направляется мусульманское войско.

Федор с готовностью вызвался идти с дозорными.

— Будь осторожен. В бой не вступай, — предостерег Леон, отпуская брата.

Меж тем арабы отряд за отрядом потянулись в ту сторону, откуда пришли. Их доспешный уход походил на бегство. Анакопийцам оставалось лишь строить на этот счет различные догадки. Крепостных ворот не открывали — остерегались какого-нибудь подвоха. В полдень от Федора приискал гонец. Это был один из тех воинов, которые сопровождали Леона в Собгиси.

— Апсха, мусульмане дохнут, как мухи! — возбужденно сообщил он.

Мириан перекрестился.

— Бог услышал наши молитвы и покарал поганных! — торжественно проговорил он, но тут же озабоченно посоветовал Леону: — Ворота не открывайте, дабы люди не ходили туда, где стояли враги. Болезнь может перекинуться на наших воинов.

Шкуакуа, однако, настояла на том, чтобы ее выпустили. Знахарка отправилась к тому месту, где был вражеский лагерь. Там она нашла то, что искала. Поза, в какой лежал облепленный синими мухами непогребенный араб, и кровавые следы его желудочной болезни сказали ей больше, чем мог бы сказать он сам, когда был еще живым.

— Плоды моей земли не пошли тебе впрок. Ты ел их незрелыми и пил плохую воду, — бормотала старуха. — Ты пришел к нам грабить и убивать, а нашел свою смерть. Где ты, мать этого несчастного? Ты не дожدهшься своего сына — его наказали духи гор.

Шкуакуа закидала труп ворохом сухих веток и дровами; она раздула в неостывшем еще пепелище тлеющие угли и поднесла огонь к куче хвороста; взметнулось рыжее пламя. Знахарка ходила вокруг погребального костра и шептала заклинания:

— Гори, огонь, ярко, гори, огонь, жарко; ты — согревающий, ты — очищающий, ты и добрый, ты и грозный. Будь к нам добр, к врагам — грозен. Сожги врага, очисти нашу землю. Пусть с твоим пламенем и дымом враг изойдет в небо вместе со своей хворью...

Второй гонец примчался лишь на следующее утро. Федор сообщал, что арабы уже миновали Келасури и идут по земле Эгриси. Но куда оно могло уйти от врага, которого несли в себе тысячи его воинов? Когда же Федор сообщил, что арабское войско остановилось, не

в силах тащить с собой всех больных, Мириан с посветленным лицом сказал своим воинам:

— Настал час возмездия! Пойдем и сразимся с губителями веры Христовой. Их войско все еще велико против нашего, но коли захочет бог, один наш воин обратит в бегство тысячу, а двое — две тысячи.

Гадарсулы ответили с воодушевлением:

— Веди нас!

— Отомстим за Картли!

Леон оставил Анакопию на попечение Ахры.

— Береги царевну Гурандухт, — сказал он ему на прощание.

Мириан, Арчил и Леон спешно повели воинов по следам врага, а был он, этот след, ужасен. Стаи воронья разлетались с растерзанных почтым зверьем трупов арабов, тошнотворный запах тления — тяжелый и густой в неподвижном знойном воздухе — сопровождал трехтысячное войско Мириана и Леона всю дорогу. К вечеру следующего дня их встретил Федор. Он по чернел, осунулся, но был возбужден и рвался в бой.

— В стане агарян царит уныние, — сказал он. — Войско не может двигаться дальше. Сейчас как раз время напасть на него.

— Мы затем и пришли, — сказал Мириан.

Как ни велики были потери арабского войска, все же оно памятно превосходило объединенные силы абазгов и картлийцев. Смертельно раненный зверь опаснее вдвойне — ему уже ничего другого не остается, как только подороже продать свою жизнь. Крадучись, подобралась на рассвете картлийцы и абазги к лагерю врага; он не охранялся, из него доносились стоны и мольбы о помощи. Мусульманские воины просили Аллаха смилостивиться над ними, проклинали войну и этот чужой край, где им приходится умирать. Внезапное нападение невесть откуда появившегося войска внесло в стан арабов панику. Отчаянные попытки Сулеймана и начальников отрядов сплотить воинов ни к чему не привели. Это был не бой, а истребление. Картлийцы и абазги вымещали на воинах Сулеймана накопившуюся годами ненависть к чужеземным поработителям. Богумил и Зураб не чувствовали того упоения боем, который присущ настоящему воину, лицом к лицу схватившемуся с достойным противником, они истребляли врагов в силу

суровой необходимости, как земледелец истребляет саранчу. Гуда, как и они, деловито выполнял привычную работу, его лук непрерывно то сгибался, то со звоном разгибался, посылая смертоносные стрелы, а когда колчан опустел, Гуда взялся за меч. Мириан и Арчил тоже не испытывали боевого пыла от своей кровавой работы, Федор же рубил врагов с озорством. А черный, как жук, приземистый и очень широкоплечий нахарар Тачат кромсал арабов с застывшим на лице выражением свирепой радости — он наслаждался мезью за поруганную и растерзанную Армению, за свой разгромленный и сожженный удел, за племянника Арута.

Для Лсона это был первый бой, если не считать поединка с Гасаном. Вначале он придерживался приемов, выработанных правилами мечевого боя, но вид крови ошмянул его; он крушил врагов, руководствуясь старым правилом: если хочешь, чтобы у тебя не было врагов, уничтожай их.

Но не все арабские воины были большими, не все поддались панике и покорно предали себя воле Аллаха. Отдельные разрозненные кучки их сражались с ожесточением обреченных; особенно упорное сопротивление оказали кельбиты. Смертельно раненный зверь был еще силен, острые когти его перебитых лап опасны. Один из таких когтей в предсмертной судороге вонзился в живое тело картлийского войска и нанес ему тяжелую рану.

Бывает так: в прогоревшем костре вдруг займется какой-нибудь сук и оживит его ненадолго ярким пламенем. В догорающем костре битвы картлийцев и абазгов против арабов такой вспышкой стала кровавая свалка вокруг Мириана и Арчила. Зеид собрал уцелевших и ринулся на них. Он решил: раз Аллаху угодно, чтобы они покинули этот мир, так пусть покинут его и картлийские правители. Это из-за них мусульмане отправились в несчастный поход на Анакопию. Зураб и Богумил увидели, что Мириан и Арчил окружены и едва отбиваются от многочисленных кельбитов; богатыри напролом бросились им на помощь, пробивая себе дорогу мечами. За ними поспешил Гуда. Однако они опоздали: Зеид успел ударить Мириана копьем в бок, но в тот же миг его голова с оскаленными зубами покатилась — ее снес Зураб; Богумил же выбил из рук другого кельбита секиру, которую тот занес над Арчилом, и дал ему

такой пинок ногой, что кельбит свалился замертво; сам Арчил не мог защищаться, потому что поддерживал брата, тяжело повисшего на нем. Зураб прикрыв их собой. До этого Гуда бился хладнокровно и расчетливо, но сейчас он рассвирепел. Богумил и Зураб тоже были неистовы в своем гневе. Но кельбиты не уступали им и злобе. Увидев, что картлийские правители и их защитники в большой опасности, Леон и Федор со своими воинами ураганом налетели на кельбитов и перебили их всех до единого. Сопротивление последней группы арабов было сломлено. Картлийцы и абазги беспощадно довершили разгром арабского войска. Лишь небольшой части его во главе с Сулейманом удалось спастись бегством. Тридцатипяти тысячная армия мусульман, осаждавшая Анакопию, перестала существовать. В этой жестокой битве трехтысячное войско картлийцев и абазгов, потеряв лишь шестьдесят воинов, одержало блистательную победу. Крылатая весть о ней разнеслась по всей Картли и Абазгии. Помчались гонцы и в далекий Константинополь.

Тяжелое ранение Мириана омрачило радость победы. Его бережно несли на носилках. Иногда ему становилось лучше. Лекарям даже казалось, что он начинает поправляться, но потом снова наступало ухудшение и тогда войско останавливалось на несколько дней, хотя все стремились быстрее попасть в Анакопию. Одну из таких вынужденных остановок по просьбе Мириана сделали возле светлоструйной реки Гумисты. Здесь Мириану легче дышалось. Он хотел продлить ощущение прохлады и покоя. Рана почти не болела, но на запавших щеках у него горел нездоровый румянец, а глаза лихорадочно блестели. Возле него неотступно находился Арчил. Мириан слышал топот коней и оживленные голоса.

— Что там? — спросил он.

— Посланец императора, — ответил ему один из служилых людей.

Мириан с помощью Арчила и подоспевшего лекаря приподнялся. Он увидел важного сановника, приближающегося к нему в сопровождении нескольких воинов в золоченых латах, какие носила стража Палатия. За ними шли Леон и Федор.

— Говори, зачем послан, — потребовал Мириан, ви-

дя, что посланец императора нерешительно замялся перед ним.

Сановник низко поклонился, что было не в обычае палатийской знати.

— Наш Божественный император повелел мне так сказать тебе от своего светлейшего имени: «Бог даровал тебе победу, а я дарю корону». С этими словами сановник взял у одного из своих спутников золотую корону и, став на колесо, торжественно протянул ее Мириану. Тот бережно принял ее, надел на себя.

— Большой награды еще никто не удостоивался, — сказал он. — Передай Божественному императору Льву мои слова, которые говорю как перед богом: ты дал мне корону, а взамен приобрел мою жизнь и преданность.

Мириан снял корону и передал ее брату, потом обесилено откинулся на подушки и устало закрыл глаза. Арчил сделал знак всем удалиться. Когда люди отошли, он увидел устремленный на него взгляд брата.

— Как ты понимаешь это? — Мириан кивнул на корону.

— Это достойная награда и...

— И знак того, что император признает восстановление нашего царства, — закончил Мириан.

— Под рукой Ромейской империи, — добавил Арчил.

— Пока... Дальше, брат мой, тебе придется самому... Моя жизнь и преданность императору... — Мириан иронически усмехнулся, — продлится недолго, тебя же мои слова ни к чему не обязывают... — Заметив протестующий жест брата, Мириан просто сказал: — Нежилец я. На тебя все наше дело остается... Вели продолжать путь. Надо торопиться.

9

Катлийцы несли Мириана на плечах; шли осторожно, боясь оступиться и невзначай встряхнуть носилки. Леон, Арчил, Федор и Зураб ехали пообочь. Предупрежденные гонцами, анакопийцы высыпали навстречу печальному шествию; их было много, так как население города-крепости уже вернулось из лесов. Они выстроились по обе стороны дороги, ведущей в крепость от на-

чала подъема до ворот; провожая взглядами носилки, перешептывались: жив ли царь? Говорят — плох. Упаси бог от несчастья! Не так хотелось анакопийцам встретить победителей, но ринувшуюся из сердец радость встречи со своими воинами, среди которых были их сыновья, братья, отцы, приходилось сдерживать из уважения к печали картлийцев.

У ворот Мириан очнулся и приказал остановиться; он приподнялся на носилках и окинул взглядом крепостные стены, главную башню, осажденную мальчишками, посмотрел на народ, погладил принижкую к нему Гурандухт, затем, собравшись с силами, произнес:

— Анакопийцы, бог дал нам победу над жестокими врагами. Почему же вы не радуетесь? Прочь уныние! Вы видите, я живой и я с вами, дети мои! Веселитесь!..

Анакопийцы и воины ответили царю восторженными возгласами. Ободренные словами Мириана, люди бросились обнимать победителей. Хрисула повисла на шее Богумила и со слезами радости, не стесняясь людей, целовала его. Богатырь подхватил Хрисулу, да так и вошел в крепость, неся ее на руках. Зураб и Гуда посмеивались: не ожидали они от своего сурового друга столь откровенного проявления нежности. Леон тоже улыбнулся. Он посмотрел на Гурандухт, взгляды их встретились. Как ни была царевна опечалена состоянием отца, он все же уловил промелькнувшую в ее глазах радость. «Значит, думала, ждала».

Анакопия праздновала победу. После благодарственного молебна Леон приказал устроить пир. Народ чествовал воинов-победителей, поминал павших. Картлийцы и абазги пили за боевое братство, клялись друг другу в вечной дружбе; не забывали поднять чашу за здоровье царя Мириана, дабы скорее оправился он от раны, пили за Леона, Арчила, Федора. Отдельным тесным кружком пировали Зураб, Гуда, Богумил и Тачат. Зеленоглазая ромейка, переполненная счастьем, подливала Богумилу и его друзьям вино, подносила угощения. Зураб любовался ею. «Такую и я носил бы на руках», — подумал он. Богумил насильно усадил ее рядом с собой и протянул ей полную чашу.

— Умела драться с агарянами, умей и вино пить, как воин, — сказал он.

Всегда сдержанный Гуда, и тот рассмеялся, вспо-

нив, как Хрисула была арабов копьём, словно пастух палкой непослушных коз.

— А что, и вынюю! — задорно ответила Хрисула.

Она приняла чашу и под одобрительные шутки вонюх осушила ее.

— Вот, ни одной капли не осталось!

Гуда поднял свою чашу.

— Не все, кто сражался за Анакопию, сегодня с нами празднуют победу, — сказал он притихшим товарищам. — Духи гор не простят нам, если память о них выветрится из наших сердец. За Апста зычьчо!..

— За Янакиса!

— За кузнеца Камуга!

— За Аруга!

Мириан лежал в тяжелом забытии в одном из покоев цитадели. Здесь царил тишина. Хазарский врачеватель Шан-Биби и знахарка Шкуакуа осматривали раненого. Арчил и Леон настороженно следили за ними; Гурандухт отвернулась, уткнув лицо в шарф. Врачеватель был невозмутимо спокоен. Он снял с Мириана повязку. Шкуакуа ему не мешала, но она видела то же, что и он: вспухший багровый бок, почерневшие края раны. Шан-Биби чуть надавил бок и склонился над раной, внимательно рассматривая ее и приносясь. Раненый застонал, не приходя, однако, в сознание. Врачеватель прикрыл рану и выпрямился. Знахарку он не удостоил даже взглядом. Ее присутствие его раздражало. Значит, ему не вполне доверяют. А что может знать старуха о тайнах тибетской медицины, о секретах египетских врачевателей? Она, наверно, имени бога врачевания Асклепия никогда не слышала.

— Рана глубокая и воспалилась...

Гурандухт испуганно обернулась.

— Я призову мудрость моих учителей и все известные мне средства, — докончил врачеватель.

— Апсха, что он сказал? — спросила Шкуакуа. Выслушав ответ, она с упреком посмотрела на врачевателя. — Его язык лжив, — сказала старуха непримиримо. — Духи гор уже овладели царем, и он скоро уйдет к ним. Почему врачеватель не говорит об этом?

У Шкуакуа были иные понятия о врачебной этике, требующей облегчить страдания и до конца внушать больному надежду на выздоровление. Она искусно ле-

чила абазгов, но когда больные все же должны были покинуть этот мир — ибо все, в конце концов, уходит из него — она считала своим долгом прямо сказать им об этом, чтобы они могли подготовиться и уйти к духам гор достойно, как подобает горцам.

Апсха, я могу дать царю питье, оно облегчит его страдания и на время вернет к нам... На время, — повторила она. — Большого не сделает никто.

Шкуакуа вышла. Тибетец проводил ее ревнивым взглядом. «Неужели эта дикарка берется воскресить уже почти мертвого царя?» — подумал он с еще большим раздражением. Леон тронул за локоть Арчила, и они вышли. Петре и Шахро бросились к ним.

— Как царь?

— Плох, беспомощен. Но хазарский врачеватель говорит, что будет лечить его, — неуверенно ответил Арчил.

— А что сказала старуха? — спросил Шахро.

Леон рассказал все, о чем говорила ему знахарка. Он не видел, что его слушает Шан-Биби, который тоже вышел и стоял в стороне, но Арчил заметил тибетца.

— Что скажешь? Ты ведь все слышал, — обратился он к нему сухо.

Шан-Биби низко поклонился.

— Да минует меня твой гнев за то, что я невольно услышал ваши слова. — Старуха сказала правду. Царя спасти нельзя. Если высокородным угодно, чтобы мучения царя продлились, то... — Врачеватель развел руками, давая понять, сколь бесполезным и жестоким будет их требование.

— Царь должен прийти в себя и высказать последнюю волю. Ты можешь вернуть ему сознание?

— Если позволят боги...

Арчил круто повернулся к Леону.

— Прикажи, эристав, знахарке, пусть сделает все, что может.

И Мириан очнулся, а вернее оказать воскрес из мертвых. Увидев у своего ложа близких и католикоса, он понял, что умирает. Гурандухт радовалась, ей казалось, что после чудотворного отвара, который дала ее отцу Шкуакуа, он начнет поправляться. Но все, кроме нее, знали, что это последняя вспышка жизни царя, она продлится недолго.

— Брат, ныне отхожу я к отцам, — сказал он твердо.

Гурандухт вскрикнула и пала перед ним на колени. Мириан строго посмотрел на нее, она схватила его руку и прижалась к ней лицом, подавляя рыдания.

— Похорони меня во Мхета, где покоятся отцы наши — цари Картли, — продолжал Мириан. — Где сокровища Картли зарыты, что наши отцы накопили, ты знаешь. Употреби их на восстановление разоренной страны нашей, как нами было задумано... Не дал мне бог сына, только семь дочерей дал, а ты без жены... На тебя оставляю Картли и народ наш. Раздели между дочерьми моими картлийские земли: половина тебе, а половина им. То, что было у меня, как у старшего, пусть будет у тебя, как у старшего. Возьми Эгриси, Сванетию, Такуэри, Аргуэти и Гурию, а Кларджети и Среднюю Мтиулету дай дочерям моим, и будь им отцом...

Мириан передохнул; вспышка жизни в нем угасала. Он прощальным взглядом окинул Леона, Федора, католика Тавора, положил руку на голову глухо рыдающей Гурандухт и снова обратил взор на брата.

— Дочь мою — Гурандухт, отдай в жены эриставу Леону, и корону, которую император прислал мне, тоже отдай ему в знак верной службы и дружбы... завещаю вам, брат мой Арчил и эристав Леон: живите в мире...

...Желтое пламя свечи с черным хвостиком копти устало борется с темным монашеской кельи. Перед свечой над свитком пергамента склонился седовласый старец в клобуке; его сухая рука неторопливо, но с привычной твердостью выводит длинным гусиным пером затейливую картлийскую письменную вязь хуцури.

«И умер Мир, и перенесли его прах во Мхета, и похоронили в верхней церкви у входа. И сел вместо него брат Арчил...».

Угловато-округлые буквы ложатся четко — на века: «Сорок четвертый царь Арчил, сын царя Стефаноза и брат царя Мира Хосроид... позвал Леона и сказал ему: пусть благоденствует тебя господь за все, что ты сделал для нас, когда мы были твоими гостями, и обеспечил нас спокойствием в твоих пределах; но теперь уже восстановлена наша страна за Келасури. Пойду и обоснуюсь в Цихе-Годжи и Кутаиси. Ты же проси у меня, что хочешь, взамен твоей доброй службы.

И ответил Леон: дал мне кесарь страну эту в наследственное владение благодаря вашему доброму со-

действию. Отныне же эта страна от Келасури до Большой реки Хазарии, куда достигают вершины Кавказские, является моим наследственным уделом. Включи меня в число вассалов твоих, которые должны быть сыновьями и братьями твоими...

И тогда отдал Арчил в жены Леону племянницу свою Гурандухт, и ту корону, которую царь греков прислал для Мира. И дали они друг другу клятву твердую в том, что не будет вражды между ними, и Леон будет верен Арчилу всю свою жизнь».

ПРИМЕЧАНИЯ

- Стр. 3 — * Понт Эвксинский — древнее название Черного моря, что означает Гостеприимное море (греч.).
- ** Анакопия находилась на месте нынешнего широко известного курорта Новый Афон.
- 4 — * Камара — большая лодка (греч.).
- 5 — * Камариты — от слова камара, пираты (греч.).
- ** Архонт — правитель (греч.).
- *** Базилевс — царь (греч.).
- 8 — * Агаряне — одно из наименований арабов, упоминаемое в грузинских хрониках «Картлис цховреба» — «Жизнь Грузии»; в них мы находим и другое название арабов — саркинозы.
- 10 — * Шашвы — божество, покровительствующее кузнецам и кузнецам (абх. миф.).
- ** Император Лев — Византийский император Лев III, основатель Сирийской династии. В источниках упоминается как Лев Исавр (717—741).
- 11 — * Эгриси (Мегрелия) — область Западной Грузии, входившая в состав древней Картли — Грузии.
- ** Саниги, зихи — племена, жившие северо-западные абазгов.
- *** Пропонтида — Мраморное море (греч.); Маре нострум «Наше море» (лат.) — Средиземное море.
- 13 — * Ацаигуары — каменные сооружения, по преданию сложенные карликами-ацанами и поныне служат пастухам и скоту укрытием от непогоды.
- ** Никопсия — древний город абазгов, находившийся на северо-западе Абазгии.
- 14 — * Дад — ласковое обращение старшего мужчины ко всем младшим.
- 18 — * Аланы — осетины.
- ** Эристав — крупный феодал.
- 19 — * Анана-Гунда — покровительница пчеловодства; Ай-ергь и Ажвейпш — покровители зверей и охотников (абх. миф.).
- *** Эйрих Аацных — бог воровства и разбоя (абх. миф.).
- 22 — * Палатий — обособленная от остального города Константинополя резиденция византийских императоров.
- ** Патрикий, спафарий, протоспафарий — высшая чиновничья и военная знать Византийской империи.
- 27 — * Юстиниан II (685—695 гг. и вторично 705—711 гг.).

- ** Цандрипские дадалы. Цандрипш — местечко, находившееся на месте нынешнего поселка Гантиади; дадал — глава рода.
- 29 — * Константин по прозвищу Копроним. Копро — навоз (греч.).
- 32 — * Апислия — область, находившаяся в пределах нынешнего Сухумского района, а точнее — между реками Коласури и Гумиста. Населена была апсилами — племенем, по языку и обычаям мало отличавшимся от абазгов. Ныне потомки абазгов и апсильов составляют этнически единый абхазский народ.
- 37 — * Лупанар — публичный дом (лат.).
- ** Ипасисты — копыеносцы.
- 41 — * Нан — ласковое обращение старшей женщины ко всем младшим.
- ** Ахурбгиз — подорожник (абх.).
- *** Дн — обращение младших к старшей женщине.
- 42 — * «Готовить долю мертвого». Иносказание, означающее в обиходе абхазов поминальное угощение всех прибывших на похороны.
- 45 — * Лал — рубин.
- 46 — * Итиль — древнее название Волги.
- ** Баслы — одно из названий древних болгар.
- 48 — * Коуман — предположительно нынешнее местечко Каманы у слияния Западной и Восточной Гумисты.
- 50 — * «Неизлечимо болен». История не донесла до нас данных, отвечающих на вопрос, почему при живом царе Барджиле Хазарией правила мать кагана Парсбит. Возможно, что верховный владыка хазар — каган был болен и его мать правила страной, опираясь на его неограниченную власть.
- ** «Назначенный им самим». При избрании кагана соблюдался следующий ритуал: царь накидывал на шею кагана петлю и начинал его душить, потом, отпустив немного петлю, спрашивал полузадушенного кагана, сколько лет он будет править. Каган назначил срок своего правления. По истечении этого срока кагана чаще всего убивали, так как хазары считали, что престарелый каган уже не обладает божественной силой.
- 51 — * «Заркиранскими мастерами». Заркираном назывался ныне широко известный аул Кубачи Дахадаевского района Дагестанской АССР.
- 52 — * Хишам был десятым халифом (724—743 гг.) из рода Омейя, правившего мусульманами с 661 по 750 год; в этой династии было 14 халифов. Отсюда и пошло название Омейядский халифат.
- ** Керханы — рядовые хазарские воины.

- 63 — • Чячек — цветок (тюрк.). После крещения получила имя Ирны. От брака Константина Копроинна и Ирны родился наследник византийского престола, впоследствии император Лев IV, известный еще под именем Лев Хазарин (775—780 гг.).
- 54 — • Юлдыз — звезда (тюрк.). Имя вымышленное, так как история не донесла до нас подлинного имени хазарской царевны, выданной за Федора, ставшего впоследствии правителем Абазгии. От этого брака родился наследник, названный в честь дяди Леоном. Впоследствии он провозгласил себя царем и известен в исторических хрониках как первый царь Абхазии Леон II (вторая половина VIII века).
- 59 — • Чора — Дербентский проход.
- 95 — • Аура — своенравный, бешеный конь (абх.).
- 103 — • Кафолнк — сторонник правящей церкви.
- 104 — • Нахарары — князья, крупные феодалы раннефеодальной Армении.
- 124 — • Келевсис — приказ (греч.).
- 141 — • «Правитель Эгриси». Великодержавная византийская знать не признавала за царями других стран права на такое титулование и называла их архонтами, принципсами, эскузистами, т. е. правителями.
- 143 — • Сасрыква — герой абхазского нартского эпоса.
- 144 — • Афырхаца — герой героев (абх.).
- 150 — • Мурван Кру — крупный военачальник Омейядского халифата Мерван ибн-Мухаммед. Некоторое время был наместником на Кавказе. Кличку Кру, что по-грузински означает глухой, получил за нежелание прислушиваться к мнению советников и крайнюю жестокость.
- 165 — • «Здесь мы костями полегли». Намек на надпись у знаменитых Фермопил, где против персов сражались и погибли во главе со своим царем Леонидом 300 воннов-спартанцев (V в. до н. э.); полностью эта надпись выглядит так: «Путник, ийди, возвести нашим гражданам в Лакодемон, что их заветы блюдя, здесь мы костями полегли».
- 175 — • Псырцха Аныха (абх. миф.) — божество, покровительствующее местности Псырцха (абхазское наименование Нового Афона).
- 176 — • Ачарпын — род свирели.
- 177 — • Алышкянтыр — божество, покровительствующее собакам; Афы — божество молнии и грома (абх. миф.).
- 192 — • Фндий — древнегреческий скульптор (V в. до н. э.).

О Г Л А В Л Е Н И Е

ЛЕОН	3
СВАДЕБНОЕ ПОСОЛЬСТВО	43
МАРИШЕ	75
ПОСЛЕДНЯЯ СТРЕЛА ГУДЫ	107
КЕЛЕВСИС ИМПЕРАТОРА	124
НАШЕСТВИЕ	158
ЗАВЕЩАНИЕ ПОТОМКАМ	185
ПРИМЕЧАНИЯ	228